

Содержание

Джеқ

9

Начало

27

Сын Люцифера. *День 1-й*

Игра

73

Сын Люцифера. *День 2-й*

Сон

103

Сын Люцифера. *День 3-й*

Сделка

161

Ангел

*Ветерок прошелестел —
Ангел светлый прилетел.
За плечом моим стоит —
И молчит.*

*Ну, скажи хоть что-нибудь!
Посоветуй отдохнуть
Да удачи нагадай —
Пожелай!*

*Как устал я, ангел мой,
От дороги от земной!..
От трудов и от забот,
От невзгод.*

*Грешен я... А впрочем, что ж!
Ничего уж не вернешь.
Возвращайся лучше в рай —
И прощай.*

*Ветерок прошелестел,
Ангел темный прилетел.
За другим плечом стоит
И — молчит.*

* * *

*Ангел грешный, ангел мой!
Захвати меня с собой.
Унеси меня домой —
Там сокрой.*

*Над широкою рекой,
Над текучею водой*

*Ты мне песенку пропой,
Успокой.*

*Что, мол, горе не беда,
Что надежда есть всегда,
И от кривды нет вреда
Иногда.*

*Что, мол, скоро, скоро, брат!
Мы прибудем в дивный град,
Где нам всякий будет рад —
Прямо в ад!*

** * **

*Расскажи мне, ангел тьмы,
Про разбитые мечты
И про белый след судьбы
У кормы.*

*Расскажи, как предают,
Как в глаза любимым лгут.
И какого цвета кровь
У иуд.*

*Хорошо у вас в аду?
Ладно, как-нибудь зайду.
Загляну на огонек,
Забреду.*

*Ты спешишь? Ну что ж, прощай.
Но смотри не забывай!
Иногда хоть навещай.
Прилетай!*

ДЖЕК

1.

Намаявшийся за день Федор сидел, не шевелясь, на шатком складном стульчике у еле тлеющего костра, зачарованно смотрел на его медленно мерцающие красноватые угли и самоотверженно боролся со сном. Глаза слипались. Спать хотелось зверски. Вот встать сейчас, добрести кое-как до палатки, залезть в нее, плюхнуться на надувной матрас и немедленно заснуть! Ну, комаров еще только сначала в палатке перебить. Их, впрочем, в этот теплый июльский вечер почти не было.

Федор почувствовал, что еще совсем немного, и он так и сделает. Вот прямо сейчас подойдет к палатке, расстегнет ее...

Он встряхнул головой и резко, рывком встал (стульчик при этом опрокинулся). Подошел, пошатываясь, к висевшему на соседнем дереве умывальнику, наклонился слегка и начал умываться. Несколько пригоршней холодной воды в лицо — и он почти полностью пришел в себя. Спать, тем не менее, все равно хотелось. Однако спать ему было никак нельзя. Надо было еще ехать проверять донки.

Он спать в конце концов сюда приехал или рыбу ловить? Выспаться и дома можно. Или завтра днем. Благо, времени полно. Днем все равно жара, делать нечего. А если не поехать сейчас, то живец до завтра наверняка пропадет. Зря, что ль, ловил? Да и на донки, может, кто попался — снять надо. Целый день же не проверял! В общем, надо ехать. На-до! Нечего сачковать!

Подгоняя себя этими бодрими мыслями, Федор взял стоявшее в стороне ведро с живцом и начал медленно, не спеша, спускаться по тропинке вниз к воде. Джек, огромный черный дог, спавший до этого у костра, тут же проснулся, вскочил и побежал рядом.

Федор подошел к своей резиновой лодке, поставил на траву ведро и столкнул лодку в воду. Ветра не было, и лодка неподвижно замерла у самого берега. Федор вернулся за ведром и, осторожно держа его в руке, аккуратно ступил в лодку одной ногой. Присел, балансируя, на мягкий борт (черт! надо подкачать; ладно, потом), подождал, пока в лодку не запрыгнет Джек, и сильно оттолкнулся от берега другой ногой. Сразу сел, слегка качнувшись, на деревянную скамейку (Джек внимательно следил за ним), зажал ногами ведро, чтобы не опрокинулось, опустил в воду весла и начал неторопливо грести.

Течения почти не было, так что грести было легко. Лодку практически не сносило. Ярко светила луна, все вокруг было прекрасно видно.

Федор быстро пересек неширокую в этом месте реку и заплыл в хорошо знакомую мелкую песчаную бухту. Лодка мягко ткнулась носом в пологий берег. Федор встал и, хотя было совсем тихо, сначала выбросил на песок привязанный к носу лодки тяжелый камень. Так,.. на всякий случай. Чтобы лодку не унесло. (Мало ли... А то отойдешь, а тут как раз ветер поднимется.)

Потом поднял ведро с живцом и, переступив через борт, вышел на берег. Выскочивший раньше Джек крутился рядом. Федор свободной рукой небрежно подтянул слегка на песок пустую лодку, похлопал себя по карманам (так!.. нож,.. пакет для рыбы, — хм! «для рыбы»! — леска,.. грузила,.. крючки... — все, вроде, на месте) и зашагал вправо по берегу; туда, где у него еще с утра было поставлено несколько донок.

«С какой начать? С ближней или дальней?.. Начну с ближней! — быстро решил он про себя. — Заодно и удовольствие растяну».

До дальней донки идти было довольно далеко. Федор окончательно разгулялся, сон у него пропал, настроение было прекрасное.

Тихо, тепло, комаров почти нет. Полнолуние, на небе ни облачка.

Господи! Звезд-то сколько! Все небо усыпано. И запах... Чем это пахнет? травой?.. землей?.. Ночью!

Любуясь звездами, оглядываясь с любопытством по сторонам, вдыхая полной грудью свежий ночной воздух, Федор и не заметил, как дошел.

Что, уже? Что-то быстро... Надо же, мне казалось — дальше. Ну да, вот и знакомая ракета... Точно эта?.. Да, точно — вон, и ствол расщеплен, сейчас слева должна быть еще могилка с оградой — утонул тут, что ли кто? — ага! вот она, а прямо за поворотом будут кусты, где стоит последняя донка.

Эти?.. Или вон те?.. Так,.. посмотрим... Нет, те все-таки... Странно, вроде здесь ставил... А чего ж это я здесь-то тогда не поставил? Место-то хорошее... Ладно, поставим сейчас... Живец есть... Или завтра уж? Чтобы ночью не возиться? Запутаться тут еще!.. Ладно, завтра поставлю. Не забыть бы... Ну, не забуду...

Так, а вот и наши те самые кустики... Где у нас тут дочка?.. Ага! Во-от она, наша дочка... Ну, и что тут у нас есть?.. Понятно. Ни черта тут у нас нет! А живец как?.. На месте живец. Бодрый и свежий. Тигр, а не живец! Так-так,.. посмотрим... Никто тебя, брат, не трогал... Ладно, иди тогда, еще поплавай...

Странно... Яма, вроде... Н-да... Начало, прямо скажем...

Джек! Не мешайся! Нельзя!

Ну, ничего. Будем считать, что это просто первый блин комом. Э-хе-хе...

Посмотрим сейчас, как второй... Та-ак... И здесь пусто! О-очень мило! Однако. Пора бы уже кому-нибудь и попасться. Ходишь тут, ходишь...

Да отвяжись ты, Джек! Не лезь! Не до тебя тут.

Так,.. живец объединен... Ну и зубищи! Что это здесь, интересно, за крокодила живет? Ладно, это уже хорошо... Это уже просто замечательно... Эту крокодилу мы поймаем...

Да отойди ты! Фу!

Вот так... Вот так... Все, плыви. Забрасываем... Так, чудесно... Отлично! Мастерский заброс! Мас-тер-ский. В то же самое место.

Ну, крокодила, погоди! Черт! От возбуждения даже руки трясутся!

Так-так-так-так-так! Ну-с, где тут у нас наша следующая доночка? А, ну да... Здесь же нет больше ничего... За поворотом наша следующая доночка... Во-он там. Прямо напротив могилки с утопленничком нашим дорогим.

Интересно, он тут рыбу мне, случайно, не распугивает? Когда по ночам купается? Они же должны, вроде, по ночам в полнолуние купаться. Или, наоборот, из воды выходить?.. Из моги-и-илы! Ну, не важно... Выходят,.. плавают... Главное, что плещутся и рыбу мне пугают. Может, зря я вообще тогда здесь донку-то поставил? Да и на двух предыдущих, может, именно поэтому и не клевало? Что утопленник этот проклятый мне всю рыбу распугал?.. Тем более, что сейчас как раз полнолуние... Да! А кто же тогда всего живца на второй донке обкусал? Тоже утоп?..

Джек заворчал.

Федор машинально повернул голову, вздрогнул и остановился. С мгновенно охватившим всего его полуобморочным чувством ужаса он вдруг неожиданно увидел при свете луны, что на могиле кто-то сидит. Сердце его замерло, мысли оборвались.

Он как-то сразу совершенно ясно вдруг понял, кто это. Он не мог ни осознать, ни объяснить себе природу этой своей уверенности, да он в этом и не нуждался. Он просто знал. Знал — и все.

Он словно что-то узнал, что-то вспомнил. Что-то давно знакомое, но потом прочно забытое.

Как будто пробудилась внезапно в душе его какая-то глубоко спящая до этого на самом дне ее темная и мрачная па-

мять предков, как будто прорвало внутри какую-то плотину, и затопивший сейчас всего его, все его существо до самых его краев слепой, тягучий и вязкий холодный ужас быстро размывал там, в душе, все заповедные, вековые и древние заслоны и обереги; и он, холодея, узнавал и эту, пока еще лишь в чем-то неуловимо-нечеловеческую позу — ледяную, застывшую скованность и неподвижность только что вылезшего из могилы упыря; и этот, разливающийся вокруг неправдоподобно-яркий и мертвый свет висящей в небе огромной полной луны; и...

Как будто все это он когда-то уже видел, переживал... Когда-то давным-давно... В какой-то другой, иной своей жизни... Все это словно уже было с ним когда-то... Где-то там... В прошлом... Далеко-далеко... В темном, мрачном и бездонном прошлом...

На него потоком нахлынули вдруг то ли сны, то ли воспоминания. В памяти беспорядочно завертелись-закружились вдруг обрывки и куски каких-то диких, странных и страшных событий.

Крестный ход,.. колокола,.. пение ,.. свечи,.. свечи,.. строгие лица священников,.. снова свечи,.. гроб,.. саван,.. сложенные на груди руки покойника,.. его неестественно-свежее, отталкивающе-румяное лицо с резко выделяющимися, ярко пылающими ядовито-красными и противно-влажными губами,.. вот опускают гроб,.. закапывают,.. кровь!!.. кровь-кровь-кровь!!.. много, много крови!!.. гробы!!.. гробы,.. мертвый ребенок с разорванным горлом,.. лежащий ничком голый, истерзанный труп девушки,.. опять кровь,.. новые гробы,.. еще,.. еще,.. опустевшие, вымершие деревни,.. снова кровь... и наконец, как итог всему, набат,.. пляшущий свет факелов,.. осиновый кол,.. разрывающая могилу ревущая толпа...

Все это когда-то уже было. Было, было, было... Причем именно здесь, на этом самом месте. Когда-то давно-давно... Очень-очень давно... Очень, очень, очень давно...

Но все ведь тогда кончилось! Прошло.

И вот сейчас, сегодня, все повторяется снова. Как в каком-то страшном, кошмарном сне. Когда ты проваливаешься и проваливаешься в какую-то медленно вращающуюся, затягивающую тебя серую бездну, хочешь закричать, проснуться — и не можешь.

Это был тогда еще не конец. Ничего еще не кончилось. Колдун вернулся.

Упырь резко поднял голову. Федор почувствовал, что весь он покрывается липким потом, ноги у него подгибаются, и по всему телу разливается какая-то мягкая, противная и тошнотворная слабость. Он буквально оледенел от безумного страха. В сердце зияла чудовищная пустота. Чувство ужаса стало просто физически непереносимым.

Он уже заранее откуда-то знал, что будет дальше. Вот сейчас мертвец встанет и двинется к нему, и под его пустым и цепенящим взглядом он, Федор, не сможет ни убежать, ни закричать, ни даже пошевелиться. Он будет просто стоять, замерев, и безвольно ждать. Ждать и смотреть. Смотреть и ждать... Господи!..

Труп встал. Саван его при свете луны казался грязно-серым. Из-под савана видны были костлявые и худые босые желтые ноги. Длинные руки с загнутыми внутрь скрюченными пальцами казались когтистыми, как лапы какой-то гигантской отвратительной хищной птицы.

Федор закрыл глаза. Все тело его сотрясала крупная дрожь, лицо заливал холодный пот. Он не мог, не хотел смотреть. Но мысль, что упырь схватит его прямо сейчас! вот сию самую секунду, когда он его не видит! заставила его содрогнуться от омерзения. Он вновь открыл глаза.

Колдун был уже совсем рядом. Он шел вроде бы плавно и неторопливо, но как-то невероятно быстро.

Время для Федора остановилось. Шаг,.. еще шаг... Вот сейчас!..

И в этот момент Джек прыгнул. Федор краем глаза уловил какое-то движение, а в следующее мгновение рычащий и визжащий клубок из двух тел, человека и собаки, покатился по земле.

Некоторое время Федор тупо на него смотрел, потом неуклюже повернулся и на негнущихся ногах, ни о чем больше не думая, бросился бежать. Сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. По мере того, как он удалялся от могилы, силы к нему возвращались, и последние метры он буквально летел.

Вот и лодка! Забыв про привязанный к носу камень, Федор с ходу вскочил в нее и начал лихорадочно гребсти. Так он не греб, наверное, еще никогда в жизни. Камень тащился за лодкой следом по дну и все время за все цеплялся, но Федор ничего не замечал. Он греб и греб изо всех сил.

В стороне внезапно громко плеснула рыба. Федору вдруг показалось, что это утопленник гонится за ним, и от ужаса он заработал веслами еще быстрее.

Как только лодка наконец коснулась носом берега, Федор выскочил из нее и, не помня себя и не разбирая дороги, бросился к машине.

Минут через десять он мчался уже по пустому шоссе. На одном из поворотов Федор не справился с управлением и вылетел на встречную полосу. Шоссе было пустынно, машин в этот час практически не было, но этот эпизод подействовал на него отрезвляюще. Он резко сбавил скорость и поехал дальше уже не спеша, стараясь хоть как-то прийти в себя и успокоиться. Ткнул прыгающим пальцем в клавишу автомагнитолы. В салоне тихо и ласково замурлыкала музыка.

Начинало светать. Летние ночи коротки, и день быстро вступал в свои права.

Впереди был пост ГАИ. Вид стоящего у дороги заспанного и равнодушного гаишника несколько ободрил Федора.

Музыка,.. люди,.. ярко освещенный пост... Все ночные события как-то поблекли, смазались, отодвинулись и в уютном салоне машины, под негромкие обволакивающие звуки о чем-то своем шепчущей музыки стали казаться какими-то далекими и нереальными, как будто вообще и не с ним происходившими.

«Может, мне все это вообще приснилось или привиделось?.. — подумал он, и ему снова сразу все вспомнилось: ночь,.. луна,.. кошмарное белое пятно за оградой... — Этого же просто не могло быть! Бред какой-то! Ожившие мертвецы!»

Федор неожиданно почувствовал, что его снова начинает колотить крупная дрожь, а на лбу выступает испарина. Он поспешно нажал кнопку магнитолы. Вот так... Громче!.. громче!.. еще громче!..

Это помогло.

«Черт! Надо остановиться и все спокойно обдумать, — снова убавляя звук, с трудом успокаиваясь и время от времени, изредка все еще рефлекторно вздрагивая, решил он. — Куда я, собственно, еду-то?»

Федор развернулся и медленно покатыл назад. Не доезжая немного до поста, свернул на обочину и выключил мотор. Рядом с людьми он чувствовал себя уверенней.

Некоторое время Федор бездумно наблюдал за постом, потом наконец расслабился и откинулся на сиденье.

«Надо все обдумать», — вяло повторил он про себя и закрыл глаза.

2.

Когда Федор проснулся, день был уже в полном разгаре. По шоссе в обе стороны непрерывным потоком текли машины, по обочине сновали люди. Инспектора у поста проверяли документы у водителя стоявшей рядом фуры. В общем, жизнь текла своим чередом.

Федор зевнул, потянулся и вылез из машины, разминая ноги. Был яркий, солнечный день, в лесу у шоссе перекликались птицы, люди вокруг спешили по своим делам, но все это как будто скользило мимо, рядом, вне его. Он словно смотрел на все это со стороны, из какого-то холодного, мрачного и сырого погреба или подвала.

Притаившееся внутри тяжелое и беспросветное чувство ужаса и тоски не исчезало. Оно просто переместилось сейчас, на время, куда-то вглубь. Нехотя отступило, спряталось от слишком уж ярких солнечных лучей. Но никуда не ушло. Оно было здесь, рядом. Ледяная тоненькая корочка страха на сердце не растаяла. Вспоминать прошедшую ночь он вообще не решался.

Больше всего ему хотелось сейчас же, немедленно сесть в машину и как можно быстрее ехать прочь, подальше от этого проклятого места, назад в Москву.

А между тем надо было возвращаться.

Во-первых, вещи жалко: палатка, лодка — все же там осталось. («А может, черт с ними, с вещами? — вдруг неожиданно мелькнуло у него в голове. — Да провались они пропадом!»)

А во-вторых, Джек. Не мог же он его снова бросить! Он один раз уже предал его, трусливо сбежав, а теперь что, вообще в лесу оставить? В благодарность за то, что тот его спас. А может, он ранен? Может, нуждается в помощи?

Да и вообще, как можно его бросить? Он же один в лесу не выживет. Это же друг! Как можно бросить друга?!

Надо было ехать.

(«А может, бросить?.. — вдруг снова малодушно подумал он и сам удивился собственной подлости. — Сесть вот прямо сейчас и уехать! Какой там “друг”!.. Я же его предал. Как я ему теперь в глаза смотреть буду?.. Да и не в этом дело. Ну, не могу я туда больше возвращаться! Не могу!!»)

Федор в нерешительности потоптался на месте и с тоской посмотрел на небо. Солнце было еще высоко, но полдень уже

явно миновал. Было как минимум уже часа два-три. Надо было немедленно на что-то решаться. Пока доедешь,.. пока вещи соберешь... Да и Джека еще, может, искать придется. (При мысли, что потребуетя, возможно, опять переправляться на тот берег, Федора передернуло, но он тотчас усилием воли заставил себя пока об этом не думать. Там видно будет. На месте разберемся.)

Темнеет сейчас, конечно, поздно, но темноты Федор не собирался дожидаться ни при каких обстоятельствах. Это он знал про себя совершенно твердо. Ни за что на свете! Даже если при этом придется бросить и предать всех и вся! Да он просто и не сможет заставить себя это сделать. Даже если и захочет. Это просто выше его сил. Он даже и думать-то об этом не может!

В общем, ехать надо было как можно быстрее. Федор уже знал, что поедет, поэтому тянуть было нечего. Чем скорее все закончится, тем лучше.

Он решительно сел в машину и включил зажигание. Мотор послушно заурчал.

Так... Бензина хватает... Надо ехать... А может, все-таки не ехать?.. А?.. Надо! Надо. Надо-надо-надо! Все! Хватит болтать! Поехали. Что я, в самом деле, как баба!

Федор включил левый поворотник и аккуратно тронулся с места. Не торопясь, по всем правилам дорожного движения, проехал ГАИ (гаишник не обратил на него ни малейшего внимания) и, постепенно набирая скорость, двинулся назад.

Чем ближе подъезжал он к месту своей стоянки, тем тяжелее становилось у него на душе. Все ночные страхи внутри его ожили и рвались наружу. Почти все его силы уходили теперь только на то, чтобы им окончательно не поддаться.

Последние километры дались особенно тяжело. Страстное желание немедленно развернуться и уехать — уехать! уехать!! — стало уже практически нестерпимым.

Заставить себя переехать мост он смог, только вцепившись обеими руками в руль и вообще не глядя по сторонам. Когда при въезде он неосторожно бросил взгляд на реку, его охватил такой дикий ужас, что он едва не врезался в ограждение, сразу же попытавшись развернуться прямо на мосту. Больше он такой ошибки не повторял и глаза поднимать не решался. Просто медленно и бездумно плелся за каким-то еле тащившимся впереди грузовиком с местными номерами и не отрываясь смотрел на его грязные колеса. Только на колеса! Только на колеса! Судорожно вцепившись в руль, опустил глаза, и ни на что вокруг больше не глядя.

Вообще он уже чувствовал, что что-то идет не так. Зря он сюда вернулся. Не следовало этого делать.

(«Уезжай! Немедленно уезжай отсюда!!» — кричали внутри него какие-то голоса.)

Но развернуться и уехать он уже не мог. Не мог, и все. Его охватило какое-то тупое безразличие, и он действовал чисто механически, безвольно и равнодушно, как во сне.

Так... Сейчас направо... Опять направо... Здесь под стрелку... На круг... Теперь уже близко... Вот и съезд... Да, здесь... Все, приехали. Надо сворачивать.

Он свернул с шоссе, и машина покатила по гравию. Камешки звонко защелкали о днище. Слева был лес, справа поле. Реку отсюда видно не было, но виден был вдалеке лес на противоположном ее берегу.

Федор машинально взглянул туда и тут же поспешно отвел глаза. Ему показалось на мгновение, что он видит у кромки леса что-то белое. Какое-то маленькое белое пятнышко. Больше смотреть туда он не отваживался. Ему хотелось теперь только одного: как можно быстрее со всем покончить. Он вообще уже не понимал, зачем он едет. Ему было уже все все равно: вещи, Джек... По мере приближения к реке все его обычные, нормальные, повседневные человеческие качества и чувства: бережли-

вость, стыд, долг, порядочность — все это бесследно исчезало, растворялось, быстро смываемое волной того знакомого ему уже вчерашнего темного, слепого, нерассуждающего ужаса, который его всего опять постепенно охватывал. Он как будто замер, заоченел. В душе ничего уже не оставалось, кроме ледяного страха.

Уехать!! Немедленно развернуться и уехать! Предательство, не предательство — ему было уже на все это наплевать. Только бы уехать! Уехать!!! Немедленно! Сейчас!! Пока еще не поздно!

Но вот уехать-то он как раз и не мог. Он словно пересек уже некую невидимую черту какого-то заколдованного круга, откуда нет возврата.

Гравий кончился. Федор свернул вправо, вниз к реке. Дорога была сухая, машина плавно катилась по жесткой земле. Начался берег.

Дальше... Дальше... Вот и его стоянка.

При виде своей палатки Федор словно очнулся. Чувство страха и какой-то сосущей безнадежной смертельной тоски внутри только усиливалось, но теперь он по крайней мере снова обрел способность самостоятельно думать и действовать.

Странно... А где же соседи? Тут же рядом еще палатки стояли? И машины... Куда все делись?

Берег был пуст. Его палатка была единственной. Больше вокруг никого не было. Ни одной живой души. Федор посмотрел по сторонам, и все ему показалось внезапно каким-то зловещим. Неподвижная лента реки, неподвижно застывшее в небе солнце, неподвижный душный горячий воздух. Ни ветерка! Мертвая тишина вокруг. Гробовая. Даже птицы как будто петь перестали.

Он вылез из машины и взглянул на свою палатку. Мысль, что ему придется сейчас с ней возиться и из-за этого еще здесь задерживаться, была совершенно непереносима.

Да черт с ней!! Пропади она пропадом! Только бы отсюда скорее уехать!!

Федор уже четко знал, что он будет делать дальше. Его охватила какая-то лихорадочная, суетливая поспешность и желание действовать.

Вот сейчас он для очистки совести только быстренько спустится на секунду к воде, убедится, что никакого Джека на том берегу, конечно же, нет — сразу прыгнет назад в машину и немедленно уедет отсюда напрямик в Москву. Немедленно!! Прямо сейчас и ни на миг больше нигде не останавливаясь!

Ни лодка, ни палатка, ни вещи его больше не интересовали. Он вообще о них забыл. Да гори они огнем!! Какие там еще лодки! Прочь отсюда! Прочь!! Сию же секунду! Немедленно!!

Вообще-то противоположный берег был прекрасно виден и отсюда, сверху, спускаться вниз не было никакой необходимости, но Федор почему-то совершенно точно знал, что он должен это сделать.

Он поспешно, спотыкаясь и оскальзываясь, чуть ли не бегом спустился к воде (лодка была на месте, никто ничего не тронул), поднял глаза и замер.

На противоположном берегу неподвижно стоял Джек. Он молча смотрел на него. Не лаял, не повизгивал радостно при виде хозяина, а просто стоял и смотрел. Он как будто появился из ниоткуда! Когда Федор спускался, его там не было.

Федор тоже молча смотрел на него, и чем дольше он смотрел, тем все более и более не по себе ему становилось. В неподвижности собаки было что-то противоестественное. Взгляд ее казался каким-то странно-осмысленным. Как будто на Федора смотрела вовсе не собака, не его любимый, преданный Джек, а что-то совсем-совсем иное.

И это иное пугало Федора до судорог, до смертной дрожи. Он узнал этот взгляд. Пустой и безжизненный взгляд упыря, неподвижно сидящего на пустой могиле.

Федор попятился. Джек все так же, молча следил за ним и все так же не шевелился. Федор все пятился и пятился, пока не-

ожиданно не уперся спиной в машину. Как он умудрился взобраться, пятясь, на гору и при этом не упасть и даже ни разу не споткнуться, он не помнил.

Почувствовав спиной машину, Федор, все так же не отрывая взгляда от стоящего на том берегу существа, медленно, на ощупь, открыл дверь и так же медленно забрался внутрь.

Ему отчего-то казалось, что если он хоть на секунду упустит это создание из виду, оно в то же мгновение окажется рядом с ним. Эта мысль наполняла его непередаваемым ужасом.

Очутившись в машине, Федор сразу же захлопнул и заблокировал дверь, рванул руль и нажал на газ. Машина понеслась по неровной дороге, подпрыгивая на ухабах и поминутно стучаясь днищем и бампером о землю.

Но Федору было не до этого. Он вообще ничего не замечал.

Быстрее! Быстрее!!! Только бы вырваться отсюда! Только бы не видеть этой застывшей на берегу неподвижной черной фигуры! (Федор вдруг поймал себя на мысли, что он даже про себя не называет ее больше Джеком. Это был не Джек. Это было нечто, абсолютное чужое.)

Отчаянно скрипя тормозами, машина вылетела на шоссе и, все наращивая скорость, понеслась в сторону Москвы.

120 км/час,.. 140, .. 160...

На мосту Федору вдруг показалось, что на дороге прямо перед ним внезапно вырос Джек и сквозь лобовое стекло прыгнул прямо на него. Он резко вывернул руль, и машина, пробив ограждение моста, метров с десяти рухнула в воду.

* * *

Когда тело Федора вытащили из воды, один из скучающих в оцеплении милиционеров вдруг заметил на шее трупа какие-то странные ранки.

«Надо же!.. Как будто следы чьих-то зубов... Очень похоже!..» — лениво подумал он и, услышав внезапно какой-то шорох, поднял голову.

На противоположном берегу реки стоял огромный черный дог и не отрываясь глядел на неподвижно лежащее на земле тело. Заметив, что на нее смотрят, собака оскалилась и глухо зарычала.

Милиционер машинально взглянул на ее чудовищные клыки, потом опять перевел взгляд на раны на шее мертвого водителя. Затем снова посмотрел на оскаленную пасть собаки, уже более внимательно.

Ему почему-то стало жутко. Он еще раз взглянул на труп,.. на собаку,.. потом опять на труп... и вдруг, совершенно неожиданно для самого себя, торопливо перекрестился.

Когда он снова поднял глаза, собаки на том берегу уже не было.

НАЧАЛО

11

Виктор потянулся, зевнул и выключил компьютер. Потом взглянул на часы и досадливо поморщился.

Черт! Два часа уже. Хотел же сегодня пораньше лечь. Опять не высплюсь.

Он отъехал в кресле от стола, встал и, осторожно ступая, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить спящую в смежной комнате жену, прошел на кухню. Открыл холодильник, достал кефир и вылил его в стоящую на столе чашку. Чашка наполнилась лишь наполовину. Виктор раздраженно потряс над ней пустым пакетом, швырнул пакет в ведро и полез в холодильник за новым. Выпив наконец свой кефир (он всегда выпивал на ночь стакан), он наскоро вымыл чашку и пошел в ванную умываться. Времени спать уже почти не оставалось. Завтра к девяти надо было быть на работе. Как штык! Вообще-то Виктор работал программистом, часто на дому, график у него был почти свободный, но вот именно завтра надо было быть обязательно, кровь из носу! Бывают же такие неудачные дни.

Виктор торопливо умылся, почистил зубы, мимоходом глянул на себя в зеркало и отправился спать. Спать-спать-спать!

Сколько там осталось? Шесть часов? Ничего, нормально. Завтра пораньше лягу. (Сегодня, блин, тоже собирался «пораньше лечь»!)

Он быстро вошел в свою рабочую, смежную со спальней, комнату и на ходу щелкнул выключателем. Свет погас, и в этот самый момент Виктору вдруг послышался за спиной какой-то слабый шорох. Он вздрогнул и замер на месте. Все было тихо. Виктор постоял несколько секунд, прислушиваясь, потом опять включил свет, с каким-то неприятным ему самому

чувством легкого страха обернулся, заглянул в коридор (никого там, естественно, не оказалось) и, несколько успокоившись, подошел к письменному столу.

На столе рядом с компьютером стоял экран видефона. Одна камера встроена была вместо глазка в дверь, вторая располагалась сверху, непосредственно над дверью.

Виктор ткнул пальцем, и экран зажегся. Через пару секунд появилось изображение. Прямо перед дверью кто-то стоял. Это было до такой степени неожиданно, что Виктор от испуга чуть не подскочил на месте.

Ночь, два часа ночи! — кто это может быть? И что он там делает? В дверь ведь никто не звонил.

Когда первое ошеломление прошло, и Виктор несколько пришел в себя, он присмотрелся повнимательней. Человек был ему незнаком.

Какого-то мрачного вида старик с резкими, неприятными чертами лица и противными, словно скользкими, неестественно пухлыми и большими губами. Изображение было черно-белое и не очень качественное, лицо получалось слегка искаженным и от этого казалось еще более зловещим. Злобным каким-то. И что-то еще в нем беспокоило Виктора, но он никак не мог понять, что.

Глаза! — вдруг сообразил он. — Господи! У него же глаза закрыты! Он с закрытыми глазами стоит.

Виктор, оцепенев, смотрел на безглазое лицо стоящего перед дверью человека, и чем дольше он смотрел, тем все более и более не по себе ему становилось. Кто это вообще такой?! Лунатик? Сумасшедший? Псих? Чего он около его квартиры-то делает?

Виктор поймал себя на мысли, что все эти здравые вопросы он задает себе исключительно для того, чтобы хоть как-то успокоиться, дать всему хоть какое-то разумное объяснение, втиснуть его в некие логические, осмысленные рамки. А на самом-то деле его больше всего беспокоит и пугает как раз именно полная

бессмысленность и алогичность происходящего, еле уловимый, но несомненный налет какой-то зловещей таинственности и мистики, во всем этом присутствующий.

Виктор не верил никогда ни в какую мистику и ни в какую таинственность, он всегда был очень уравновешенным и здравомыслящим человеком, но это, как оказалось, ровным счетом ничего не меняло. Он смотрел на это неподвижное, словно застывшее лицо с закрытыми глазами и чувствовал, что его охватывает самый настоящий страх. Причем страх, в сущности, совершенно беспричинный и от этого еще более пугающий.

Ведь дверь квартиры была надежна заперта, никаких враждебных намерений старик не выказывал, напротив, стоял совершенно спокойно, но Виктор смотрел на него и чувствовал, что страх его все больше усиливается.

Как во сне медленно протянул он руку и включил звук. И тут же испытал новое потрясение! Комната вдруг заполнилась каким-то заунывным, монотонным бормотанием, которое тотчас сплошным потоком полилось из динамика. Разобрать было ничего решительно невозможно, но Виктору тем не менее показалось, что язык это явно не русский. Совершенно пораженный и растерянный, он перевел глаза на огромный рот старика и увидел, что губы его (смотреть на них ему было почему-то просто физически противно) действительно шевелятся. Никаких сомнений не осталось. Старик действительно что-то негромко бормотал. То ли молитву, то ли какое-то заклинание.

Господи! Какое еще «заклинание»! — тоскливо подумал Виктор. — Что за чушь лезет в голову!

Он поспешно, даже не отдавая себе толком отчета в том, зачем он это делает, выключил звук и переключил камеру. Сверху был отчетливо виден пустой, залитый светом коридор и неподвижно стоящая перед дверью его квартиры фигура. Собственно, даже и не перед самой дверью, а шагах примерно от нее в двух-трех.

На стоящем был какой-то нелепый белый балахон, одетый, похоже, прямо на голое тело и доходивший ему до колен, и, кроме того, он был бос.

Виктор некоторое время ошарашенно смотрел на его босые ноги.

Что это на нем? Ночная рубашка, что ли? — мелькнуло у него в голове. — Ну, все ясно. Лунатик — встал ночью и притащился сюда. Завтра даже и не вспомнит, где он был.

Виктору вдруг страстно захотелось, чтобы все оно так и оказалось. Чтобы прямо сейчас вдруг откуда-нибудь появились встревоженные родственники, бережно подхватили под руки этого немислимого, чудовищного старика и увели домой. А он, Виктор, облегченно бы вздохнул, посмеялся над своими страхами и отправился бы спать.

Однако подсознательно он уже понимал, что ничего этого не будет. Не появятся никакие родственники. Вообще никто не появится. (Виктор был почему-то в этом абсолютно уверен).

Старик вовсе не производил впечатление лунатика. Он казался воплощением чего-то безусловно-злого, опасного и сильного и начинал внушать Виктору какой-то суеверный ужас. Виктору становилось все более и более тяжело на него смотреть.

Внезапно ему показалось, что старик вот прямо сейчас вдруг поднимет голову, уставится в камеру своими незрячими глазами и как-то почувет его, обнаружит его присутствие. Эта мысль почему-то так испугала Виктора, что он резко протянул руку и выключил монитор.

Некоторое время он сидел, тупо глядя на погасший экран, не зная, что делать. Потом неуверенно снова протянул руку к монитору и в нерешительности остановился. Он одновременно и хотел, и не решался включить монитор снова. Желание включить было почти нестерпимым, но страх был еще сильнее. От мысли, что он сейчас снова увидит это кошмарное безглазое лицо с

этими огромными, шевелящимися, пухлыми, как будто причмокивающими губами, его передернуло от отвращения и страха.

Да что это со мной?! — попробовал прикрикнуть он на себя. — Чего я с ума-то схожу? Ну, стоит в коридоре какой-то псих с закрытыми глазами и что-то под нос себе бормочет — ну, и пусть себе стоит! Мне-то что? Дверь заперта. Может, в милицию позвонить? Стоит, мол, ночью перед дверью неизвестно кто. А может, это вор?!

Виктор никогда в жизни не звонил ни в какую милицию. Куда звонить-то? 02? И что?.. Ждать полчаса, пока приедут? Потом открывать им среди ночи, объясняться? Всех соседей переполошить, Машу будить? А если старик вообще уйдет до их приезда? Тогда что?

Виктор очень осторожно, стараясь не скрипнуть, поудобнее сел в кресло и замер. Он боролся с острым желанием включить монитор и посмотреть, что делается в коридоре, и в то же время чутко и настороженно прислушивался. Нет ли каких шевелений, царапаний, шорохов у входной двери? Не доносятся ли оттуда какие-нибудь звуки?

Однако все было тихо. Даже как-то неестественно-тихо. Тишина стояла мертвая. Даже привычного шума машин с улицы не слышалось.

Виктору вдруг показалось, что он остался один-одинешенек во всем мире. Нет никакой Маши, никаких соседей, никакой милиции, вообще никого! Все они глубоко спят и не проснутся, не помогут. Что бы с ним ни случилось. Все они остались где-то там, в другом, живом, обычном мире. Из которого он каким-то образом выпал и от которого с каждой минутой все больше и больше сейчас удаляется.

Виктора охватил нечеловеческий, дикий ужас и вместе с ним отчаянное, безумное желание спастись, сделать хоть что-нибудь, пока еще есть время, пока еще не поздно!!

Он судорожно дернулся и включил монитор. Экран медленно загорелся. Коридор был пуст.

Виктор, еще не до конца осознавая случившееся, но уже испытывая в душе чувство совершенно невыразимого, неопишуемого облегчения, быстро щелкнул кнопкой переключения камер. Никого! В коридоре действительно никого не было. Старик и в самом деле бесследно исчез.

Виктор еще некоторое время посидел в кресле перед пустым экраном, успокаиваясь и постепенно приходя в себя. Руки дрожали. Голова горела, на лбу выступила испарина. Чувствовал он себя совершенно разбитым и опустошенным, но в то же время так, словно только что чудом избежал огромной опасности.

Посидев еще немного, он наконец встал, выключил домофон, поставил будильник на 8 часов (Черт! Спать-то уже некогда!) и, взяв его с собой, тяжело переступая ватными ногами, отправился в спальню. Кое-как там в темноте разделся и осторожно лег с краю кровати. (Маша во сне вздохнула и перевернулась на другой бок.)

Заснул он сразу, и приснился ему кошмар.

Явилась во сне ему его мать, умершая много лет назад. Виктор очень любил и глубоко уважал свою мать. Бесконечной доброты и смирения была женщина, никогда ни на что не жаловавшаяся и никогда не унывающая. Настоящая мученица.

Ни разу она ему до этого раньше не снилась, и он и во сне очень обрадовался, увидев ее.

Но что это?!.. Что с ней?!.. Полно! Да она ли это?!.. Почему она пьяна, растрепана? Почему так странно на него смотрит и так двусмысленно и похотливо улыбается? Куда она его манит, что за бесстыдные жесты делает?!.. Зачем задирает медленно платье и раздвигает свои ноги?!.. Лениво, словно нехотя... Неужели она и правда соблазняет, склоняет его к... соитию?! Кровосмешенью!! Своего собственного сына!!?? Как вульгарно она хохочет, и какое красное, потное, сальное у нее лицо!..

I. 2

Виктор как от толчка проснулся и долго лежал на спине с открытыми глазами, безучастно глядя в потолок. Как будто в душе прорвался какой-то чудовищный нарыв и залил все зловонным и липким гноем. Все! Даже самое святое и чистое.

На улице между тем было уже совсем светло. Виктор нехотя глянул на часы. Почти восемь. Надо было вставать. Он тихо встал, привычным движением выключил будильник (а то Машу разбудишь!), собрал одежду, неслышно вышел из комнаты и бесшумно притворил за собой дверь.

Положил одежду на ближайший стул и подошел к письменному столу. Секунду поколебавшись, включил видеофон. Пусто! В коридоре никого не было. Он переключил камеру (хотя в этом и не было никакой необходимости) и, только убедившись, что и сверху никого не видно, оставил домофон в покое, взял со стула одежду и поплелся в ванную. Проходя мимо входной двери, он почувствовал легкий укол страха, Впрочем, совсем мимолетный.

Умывшись и торопливо позавтракав, Виктор еще раз взглянул через монитор на пустой коридор и лишь после этого решился открыть входную дверь.

Подъезд уже пробудился. Шум лифта, хлопанье дверей, вот забубнили наверху, этажом выше, какие-то голоса... Все было до того знакомым и обыденным, что все ночные события представились на секунду каким-то бредом. Но только на секунду! Виктор знал для себя, что никакой это был не бред. И потом этот ужасный сон... Происходило что-то страшное. И ему почему-то казалось, что это страшное еще не кончилось.

* * *

На работе Виктор попытался было отвлечься и даже сел писать новую программу (давно собирался!). Но все валилось

у него из рук. Он не выспался, чувствовал себя разбитым и вообще не в своей тарелке, думалось плохо. Ночные события не шли у него из головы. Да и сон этот!.. В общем, на душе было тяжело и муторно. Какие уж тут программы!

Он промаялся с час, пока окончательно не понял, что все это бесполезно. Ничего он сегодня не напишет. Время только зря терять! Себя мучить. Да и без толку все это! Он завтра на свежую голову за час сделает столько, сколько сегодня за целый день. Проверено уже не раз. Вот черт! Самое гнусное состояние. Как с похмелья. Ничем заниматься невозможно. Майся тут целый день, слоняйся из угла в угол. Отпроситься, что ль, и домой поехать?.. А дома что делать? С женой ругаться?.. Хотя дома спать хоть лечь можно.

Виктор подошел к начальнику и откровенно объяснил ситуацию. Виктор был незаменимым специалистом, настоящим трудоголиком — если надо, сидел на работе сутками — отношения с начальством у него были прекрасные и отпроситься особого труда не составило. Тем более, что и отгулов у него была куча, если уж на то пошло.

Словом, через каких-то полчаса он уже был дома. Маша еще не проснулась. Виктор не спеша разделся и тихо и аккуратно, стараясь ее не разбудить, залез под одеяло.

Заснул он на этот раз не сразу. Долго ворочался, но усталость в конце концов взяла свое. Спал он крепко и снов никаких не видел.

* * *

Когда Виктор открыл глаза, часы показывали уже семь. Он даже не сразу сообразил, утро сейчас или вечер, и поначалу спросонья удивился, а где Маша? Но потом ночные события всплыли в памяти, и Виктор сразу ощутил какую-то щемящую, тупую тоску, почувствовав, как вчерашний страх его снова ше-

вельнулся в душе. Скоро опять ночь. А что, если вчерашний старик? ... Нет-нет, лучше об этом не думать!

Сейчас встану, приму душ, умоюсь, позавтракаю... или поужинаю? — а там видно будет. Телевизор посмотрю, отвлекусь. Боевичок какой-нибудь. Чем тупее, тем лучше. Где тут у Маши программа-то?.. Ладно, потом найду. Сначала пойду перекушу.

Виктор встал, сунул ноги в тапочки и, позевывая, направился в ванную. Идти надо было мимо входной двери. Виктору вдруг очень-очень-очень захотелось вернуться и проверить на мониторе, нет ли кого в коридоре, но он все-таки сумел удержаться и с трудом заставил себя этого не делать. Однако идти мимо двери было ему неприятно. Да что там неприятно! Он просто откровенно боялся и не мог с собой ничего поделаться. Боялся — и все! Проходя мимо двери, он испытывал какое-то жутковатое чувство и старался идти на цыпочках. Ему все казалось, что этот невероятный старик опять стоит под дверью, караулит его и прислушивается к его шагам.

Приняв душ, позавтракав-поужинав и выпив кофе, Виктор, как ни странно, почувствовал себя только хуже. Теперь он окончательно проснулся, и все ночные страхи тоже проснулись вместе с ним. Да и сон этот проклятый опять совершенно некстати вспомнился. Причем совершенно явственно и во всех своих омерзительных подробностях. Виктора чуть не замутило.

Собственно, делать на кухне ему уже было абсолютно нечего, но он, тем не менее, долго мыл посуду, тщательно протирал ее, перебирал холодильник, потом долго и старательно мыл руки — в общем, всеми силами, сам себе в этом не признаваясь, тянул время.

Идти снова мимо входной двери ему совсем не хотелось. Он удивлялся, как это он сюда-то так легко прошел? Наконец тянуть дальше стало уже вовсе невозможно. Надо было на что-то решаться.

Виктор бодрился, готовился, долго настраивал себя: то решительно приближался к двери, то опять останавливался и возвращался назад, на кухню. В общем, боролся изо всех сил сам с собой и пытался как-то превозмочь, преодолеть себя и свой страх. Но все было напрасно. Хуже всего было то, что в результате каждой такой неудачной попытки страх его только усиливался. Усиливался, усиливался, усиливался, пока опять наконец не затопил всю душу. Как ночью.

Теперь о том, чтобы пройти мимо двери, не могло быть и речи. Страх смыл даже стыд, и Виктор уже не стеснялся, как раньше, своего состояния. Ему было все равно. Единственное, что его сейчас волновало — как все-таки пройти мимо двери? А пройти надо было, поскольку вместе со страхом росло в нем и сильнейшее желание немедленно включить видеофон и посмотреть, что там делается в коридоре? Нет ли там опять вчерашнего старика?

Все разумные, логические доводы и аргументы: что еще слишком рано, что в подъезде сейчас полно людей, что часов до двенадцати уж наверняка ничего не случится — на него совершенно не действовали. Он испытывал непреодолимое желание увидеть все сам, своими собственными глазами и самому во всем убедиться! Это бы его, он чувствовал, хоть немного успокоило.

Вообще он уже ясно видел, что все стремительно катится в какую-то бездну. Он ни в малейшей степени не контролировал ни себя, ни ситуацию. События развивались сами по себе, совершенно независимо от него. Он на них не влиял. По сути, он просто безвольно ждал, что же будет дальше. Как будто какая-то безжалостная и сильная рука схватила его за шиворот и куда-то теперь неумолимо волокла, а он уже даже и не пытался ей противиться. Так, потрепыхался немного в начале — и все.

Все это в одно короткое мгновение промелькнуло у него в голове и сразу же исчезло, не оставив и следа.

Какая же я, оказывается, тряпка и ничтожество! — с равнодушным удивлением подумал Виктор и тут же забыл обо всем этом. Все это его уже больше не интересовало. Честь, стыд... Единственное, что ему сейчас нужно было — это как-то прошмыгнуть мимо двери и как можно скорее включить монитор. Все остальное было ему глубоко безразлично.

Наконец он крепко-крепко зажмурился, задержал дыхание и бегом, как нашкодивший мальчишка, преодолел эти два метра, споткнувшись в конце и чуть не врезавшись с разгона в стену напротив. Едва увернувшись, он, все так же бегом, не останавливаясь, бросился к домофону и прыгающими от возбуждения пальцами включил его. На экране медленно выплыло изображение пустого коридора. Виктор сразу же быстро щелкнул кнопкой переключения камер. Тоже пусто! Естественно, никого.

— А кого ты ожидал увидеть в 8 часов? — с деланным спокойствием произнес он вслух и тут же скривился от отвращения.

Ведь понял же уже, что ты есть на самом деле, а тоже ведь туда же! Корчит из себя еще чего-то, — со злобой подумал он сам про себя.

Из памяти вдруг опять выплыл сегодняшний сон, и стало совсем невмоготу.

Прямо хоть в петлю! Повеситься, что ли?.. — с тоской подумал он. — О-о!.. Черт! Время-то, оказывается, уже!.. Недавно же, вроде, семь было?

От сознания, что уже девять, Виктору стало еще хуже, хотя, казалось бы, хуже было уже некуда. Он боялся. Боялся панически, до колик, до дрожи! Боялся, что вчерашний незваный гость появится сегодня снова. Боялся, и в то же время ждал его. Ждал с каким-то болезненным нетерпением. Если бы он не появился, Виктор, наверное, был бы даже разочарован. Слишком уж велико было ожидание.

В камере внезапно кто-то возник. Виктор буквально подскочил от неожиданности на месте, но тут же взял себя в руки.

Это была всего лишь жена. Он, честно говоря, и забыл совсем про нее за всеми этими событиями.

Теперь же, увидев ее на экране, он с облегчением перевел дух и даже почти успокоился на какое-то время, и повеселел.

Значит, все кругом пока спокойно, ни в подъезде, ни в коридоре никого нет. Может, вообще он себя зря пугает? Ну, забрел по ошибке сюда какой-то дед. Мало ли чего он здесь делал? Дураков, что ли, мало?

(Ага!... И стоял здесь потом всю ночь. И что-то бормотал с закрытыми глазами. Босиком и в ночной рубашке. «Забрел»!..)

Дверь хлопнула, щелкнул замок.

— А-а!.. Ты уже дома... — неопределенно протянула Маша, войдя в комнату и увидев скорчившегося в кресле Виктора. — Привет! — небрежно бросила она, проходя в спальню.

Виктор поспешно включил компьютер, чтобы сделать хоть вид, что работает. А то чего он, в самом деле, сидит за пустым столом с одним только включенным домофоном?

Маша, между тем, уже переоделась и прошла через комнату в ванную. Виктор слышал, как она включила воду и прикрыла дверь. (Звук льющейся воды стал глуше.) Он бездумно сидел, покачиваясь в удобном кресле, время от времени поглядывая на экран видеофона и от нечего делать прислушивался к тому, что делает жена. Вот она выключила воду, вышла из ванной и прошла на кухню. Хлопнула дверца холодильника. Маша, судя по всему, собиралась ужинать.

I. 3

Вообще-то отношения с женой у Виктора были довольно сложные, особенно последнее время. Женился он довольно давно, около десяти лет назад, еще в институте. Он никогда не был

по-настоящему влюблен в свою жену, но в общем-то Маша ему нравилась. По крайней мере, ничего менять в своей жизни он не хотел, и те проблемы, которые с некоторых пор начались у него с женой, его серьезно беспокоили.

Собственно, главная проблема была в том, что у них не было детей. Поначалу было как-то не до этого — институт, работа — а потом, когда они решили наконец завести ребенка, вдруг неожиданно выяснилось, что рожать Маше нельзя.

Ну, точнее, как сказал врач, «очень опасно». Какие-то там у нее обнаружили чисто женские болезни. Маша пришла тогда, когда ей это объявили, сама не своя, и они с Виктором очень долго обсуждали эту ситуацию, решали как быть, взвешивали все «за» и «против».

Маша колебалась и, как понял уже потом Виктор, просто хотела, судя по всему, чтобы ее убедили, ждала от него какой-то поддержки. Он же, вместо этого, напротив, стал горячо убеждать ее подождать, попробовать сначала полечиться, показаться другим врачам и тому подобное.

В общем, не спешить и не пороть горячку. К чему? Ты еще молодая (им с Машей было тогда по 26 лет), время еще есть. Давай подождем сейчас лучше год-другой, понаблюдаешься пока, пройдешь курс лечения и, если ничего не изменится, не улучшится, тогда и будем решать. Я-то не против, ты же знаешь, но ведь врач говорит, что это для тебя опасно. Я же о тебе забочусь!

На самом-то деле заботился Виктор прежде всего о себе и в глубине души всегда это знал. Он не хотел детей. Мысль о том, что в квартире появится грудной ребенок, вызывала у него панику и тихий ужас. Все эти пеленки, стирки бесконечные, крики... В общем, весь привычный и так ценимый им уклад жизни коту под хвост! Причем на много, много лет вперед. Кошмар!

Да ведь и самому делать что-нибудь наверняка придется. Теща постоянно шастать сюда будет, помогать. (У самого Вик-

тора мать к этому времени уже умерла.) Караул! Ужас. У-жас. Все, жизнь закончена. А как же все его планы, перспективы? Нет-нет, только не это! Только не сейчас. Потом. Потом, позже. Когда-нибудь. Главное — не сейчас, а там видно будет.

Виктор был тихий, домашний человек. Он любил свою работу, любил копаться в программах, часами сидеть за компьютером, и все в его жизни его устраивало. Он ничего не хотел менять.

Он прекрасно понимал в душе, насколько эгоистична такая его позиция, что Маша, как и любая женщина, нуждается в ребенке, это в нее самой природой заложено, на уровне инстинкта, что она уже сейчас глубоко несчастлива, только еще не отдает себе в этом отчета и не понимает истинную причину своих проблем. А он этим пользуется. Просто потому, что ему так удобнее. Все эти ее постоянные перепады настроения, раздражительность — он же все это видит. И тем не менее, делает вид, что ничего не происходит, отмахивается от проблем, надеясь, что все как-нибудь само собой потом, со временем, образуется. Рассосется. Да, конечно, ребенок нужен, но не сейчас. Позже ... Позже. Через годик-другой... Третий... Куда спешить? Время еще есть. И в сорок лет люди рожают. И ничего.

Времени однако, как выяснилось, уже не было. Через год у Маши наступило, против всех ожиданий, резкое ухудшение, пришлось делать даже операцию. Правда, незначительную, но детей после этого она иметь уже не могла.

С этого момента их семейные отношения стремительно покатились под откос. Маша замкнулась в себе, начала много пить. Она пила и раньше — с некоторых пор происходить это стало весьма часто — но до последнего времени все-таки не ежедневно. А сейчас стало уже практически каждый божий день.

На все вопросы Виктора она отвечала неохотно и односложно.

— А что мне еще делать?

— Ну, займись чем-нибудь! Почитай. Телевизор посмотри.

- Мне что, целый день телевизор смотреть?
- Так, может, тебе лучше тогда работать пойти? Хоть среди людей будешь.
- Куда? Что я умею?
- Давай, я тебя к нам устрою.
- Не хочу.
- А почему ты вообще так много пьешь?
- Я не много пью.
- Ну, как не много? Вчера водку пила, позавчера, сегодня... Позавчера еще две бутылки в холодильнике было, а сейчас ни одной.
- Ты что, следишь за мной? Считаешь, каждый день, сколько я рюмок выпила?
- Да причем тут «считаешь»!! Я же о тебе забочусь! О твоём здоровье!
- Да, я знаю.

Подобного рода разговоры происходили теперь чуть ли не ежедневно. После них у Виктора всегда оставалось острое чувство полной беспомощности и собственного бессилия. Он боялся, что Маша просто-напросто сопьется, но в то же время совершенно не знал, что делать и как себя с ней вести.

Легко сказать: «не пей!». А что делать? Что ты взамен-то можешь мне предложить?!.. Телевизор смотреть?.. Вышиванием заниматься?.. Рукоделием?.. Вот если бы ребенок был ... А все эти вышивания-рукоделия... А-а, черт! Жизнь рушилась на глазах.

Маша перестала бывать по вечерам дома, у нее появились какие-то непонятные подруги и приятельницы, какие-то Натальи и Вероники, с которыми она часами разговаривала теперь по телефону. С Виктором она почти не общалась. Такое впечатление, что она его попросту избегала. Вставала часов в 12, когда его обычно уже не было, куда-то уходила, а возвращалась часов в 9-10 вечера.

— Ты опять пила?

— И что?

Получался какой-то замкнутый круг. Он прекрасно понимал, что, постоянно разговаривая с женой о пьянстве, укоряя ее, читая ей скучные нотации, он только ухудшает ситуацию, надоедает ей своими приставаниями, становится докучен и неприятен. Но что делать? Не говорить ничего? Пусть пьет?.. И где это она вечерами-то бывает?! У подруг?.. Что это за подруги такие? Им что, делать нечего?.. И чем они там, интересно, занимаются? Пьют вместе? Они замужем хоть? Мужья-то у них есть?!

Эти и другие вопросы вертелись у Виктора на языке, но задавать их Маше он просто не решался. Попытался как-то один раз, и этого ему с лихвой хватило. Скандал, который тогда разгорелся, он хорошо помнил до сих пор.

— Не вмешивайся в мою личную жизнь!! У меня даже и подруг не должно быть!! Я дома целый день сидеть должна? Как в тюрьме? Я тебе не рабыня Изаура!

— Какая еще Изаура? Что за бред? И что значит: личная жизнь? Ты же моя жена?!

— У тебя все, что я говорю — бред.

— Вовсе не все.

— Нет, все! Все, что я говорю — это бред. А все, что ты говоришь — это не бред.

— Но я же тебе по делу сейчас говорю!

— Да. Все, что ты говоришь — это по делу, а все, что я говорю — это бред!

— Послушай, давай поговорим спокойно. Я всего лишь хочу узнать, кто твои подруги, у которых ты проводишь все вечера.

— Я и так спокойно говорю. Это ты кричишь. А обещал никогда не повышать на меня голос.

— Я не кричу!

— Нет, кричишь.

— (Спокойно! Спокойно!) Ну, хорошо, извини. Возможно, я действительно повысил голос. Просто в пылу спора.

— Вот видишь, сам ведь понимаешь, что не прав! Я тебе всегда все правильно говорю. Почему я на тебя никогда не кричу, а ты на меня кричишь?

— Да не кричу я!! И не об этом вообще речь!

— Вот опять сейчас кричишь.

И так далее.

Кончилось все это тем, что Маша не разговаривала с ним целых 3 дня, и он же еще потом прощения у нее просил. И так ничего в итоге и не выяснил. Все в результате только еще больше ухудшилось. Маша с этого дня вообще по сути перестала с ним церемониться и считаться. Он все больше и больше чувствовал себя в положении того самого мужа, который «объелся груш».

Но выяснять что-либо и объясняться он уже просто не осмеливался. Теперь он панически боялся, что в один прекрасный день Маша его бросит и он останется один. Одиночество его пугало. Он был весь в своей работе, никуда не ходил, нигде не бывал, с женщинами знакомиться не умел. Где он когонибудь найдет? Как? Объявление, что ли, в газету давать? А без женщины мужчина не может. Даже такой, как он. Это ненормально. Да он ведь к тому же молодой еще совсем! (Виктору было 29 лет.) Нет-нет! Пусть уж все идет, как идет. Может, все еще как-нибудь и наладится... Устроится...

Однажды Маша пришла совсем пьяная, и с ней случилась самая настоящая истерика. Она рыдала и кричала, что он испортил ей жизнь, что он эгоист и всегда думает только о себе, что он никогда не хотел детей, что надо было ей тогда рожать и не слушать его, и т. п.

Эта сцена произвела на Виктора тяжелейшее впечатление. Тем более, что он и сам сознавал, что многое из этих упреков было правдой. Эх, если бы тогда!.. Если бы все вернуть можно

было!.. И Ньютона из него не получилось, и семьи практически нет. Был бы сейчас ребенок, совсем другая жизнь бы была. И Маша другая бы была, и он... Э-э!.. Да что говорить?!

I. 4

Громко зазвонил телефон. Виктор слышал, как Маша сняла на кухне трубку, что-то негромко сказала и прикрыла дверь. «С кем это она там секретничает?» — с привычным раздражением подумал он. Он ощущал обычно в таких ситуациях даже и не ревность, а скорее беспокойство, что у его жены есть какая-то своя, неведомая ему жизнь, свои друзья, и что он ей больше не нужен.

Впрочем, сейчас ему было не до этого. Страхи его, хоть с приходом Маши несколько и поутихли, но тем не менее никуда не делись.

Виктор тут же убедился в этом, увидев, что на экране опять что-то мелькнуло. У него сразу перехватило дыхание, а сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Но это был всего лишь сосед из квартиры напротив. Виктор с облегчением наблюдал, как он звонит себе в дверь, потом что-то громко отвечает (кажется: «я!»), дверь открывается, и он заходит внутрь. Дверь захлопывается. Коридор снова пуст.

Виктор с трудом перевел дух, откинулся в кресле и едва успел краем глаза заметить, как Маша неслышно проскользнула в спальню и притворила за собой дверь. Ковер надежно заглушал все звуки, и шагов ее он не слышал.

Она что, уже и поужинала и по телефону поболтала? Что-то быстро, — удивился про себя Виктор. Ему показалось, что она опять пьяна. Он ждал, что она включит сейчас, как обычно, на полную громкость телевизор, как она всегда это делала, и заранее недовольно морщился, но в спальне было тихо. Виктор

с нарастающим удивлением прислушивался. Щелкнул выключатель. Свет в спальне погас.

Спать она, что ли, легла? В... — Виктор посмотрел на часы. — ...11 часов? Что это сегодня с ней?

Раньше часа-двух Маша практически никогда не ложилась. А зачастую и позже. И чтобы в 11 часов...

11!! Уже 11! Скоро полночь! — вдруг молнией мелькнуло у него в голове, и он сразу забыл и про Машу, и про все на свете. Он почему-то вдруг подумал, что если проклятый старик явится ровно в полночь, то это можно считать своего рода доказательством...

Чего? — тут же с какой-то мрачной иронией переспросил он сам у себя. — Что это злой дух? Нечистая сила?

Тем не менее он тут же горячо ухватился за эту мысль. Виктор имел чисто аналитический, математический склад ума. В силу своей профессии он привык мыслить систематически и последовательно. Он никогда не верил в чудеса и привык искать всему какое-то простое, разумное и логичное объяснение.

Более того, твердо верил, был убежден, что такое объяснение всегда можно найти. Ну, по крайней мере, до сих пор был убежден.

После прошлой ночи он уже ни во что не верил и ни в чем не был убежден. Перед лицом сверхъестественного, под могучим напором охватившего его вчера первобытного страха все его убеждения мгновенно рассыпались в пыль. Разлетелись в прах. От первого же слабого дуновения этого пещерного, темного, давно забытого ужаса вся шелуха цивилизации сразу же слетела с него, и он снова превратился в дикаря, в священном трепете ожидающего появления демона.

Но он был все-таки дикарем из XXI века и потому пытался обнаружить в действиях демона хоть какую-то систему. Закономерность. Которая, возможно, помогла бы ему как-то с ним бороться. Спрятаться! Спастись!! Выжить!!!

«Да что там было сверхъестественного-то?! — с отчаянием подумал Виктор. — *Да*, не спорю, все это, конечно, странно, но сверхъестественного-то там что?! Ничего сверхъестественного ведь там и в помине не было!.. Почему меня это так волнует?! Так пугает!!?»

Неожиданно он вспомнил, что Маша ведь закрыла дверь не на все замки! Только на защелку. Захлопнула дверь, и все. А что эта защелка!?! Толкни дверь посильнее — и все.

Виктор, не раздумывая ни секунды, вскочил, опрометью бросился к двери, залязгал ключами и задвижками и потом так же стремглав вернулся к монитору и без сил упал в кресло. Он был весь потный, тяжело дышал, сердце его неистово колотилось, руки дрожали. Как он решился на такой подвиг, он и сам не понимал. Вновь бы он его не повторил ни за что на свете.

Впрочем, это был с его стороны последний всплеск активности. Больше с кресла он не поднимался. Сидел, напряженно наклонившись вперед и вцепившись руками в подлокотники. И смотрел то на монитор, то на стоявшие рядом часы. Он не испытывал ни малейшего томления, нетерпения, скуки.

Он словно физически чувствовал неторопливый бег времени, ощущал, как текут сквозь него секунды и минуты. Каждую из них он как будто провожал взглядом.

11.30,.. 11.31,.. 11.32,.. 11.33,.. 11.34,.. 11.35,.. 11.36,.. 11.37,.. ...

Виктор проснулся и поднял голову. Несколько мгновений он непонимающе и растерянно спросонья смотрел вокруг: на кресло, на монитор, на часы, но тут же все вспомнил.

Господи! Он что, заснул? С остановившимся сердце Виктор взглянул на экран.

Старик уже стоял там, на своем прежнем месте. Глаза его были по-прежнему закрыты, губы, как и вчера, неслышно шевелились. Мертвой рукой Виктор переключил камеру. Смотреть сверху было все-таки не так страшно.

Внезапно ужас его настолько усилился, что у него перехватило дыхание, и он едва не задохнулся. Старик стоял ближе! Расстояние между ним и дверью сократилось. Вчера он стоял почти посередине коридора, а сейчас...

Господи, да что ему в конце концов надо?! Ну, почему все это именно со мной происходит?!?! Почему!!!!???

Впервые в жизни Виктор испытал острую потребность помолиться, произнести какие-то слова, напрямую обращенные к Богу, искать у Него защиты. Он не знал никаких молитв, но сейчас слова, казалось, рождались у него прямо в сердце, и он со страстной надеждой горячо шептал их.

— Господи! Пусть он исчезнет! Я верую теперь в Тебя, Господи, и всегда буду веровать! Я буду молиться, соблюдать все посты, делать все, что угодно, только пусть он исчезнет!! Прямо сейчас!!! Спаси меня, Господи! Спаси, молю Тебя!

«Да расточатся врази Его!» — вдруг неожиданно всплыла у него в голове какая-то не совсем понятная цитата, вероятно, из Библии, и он громко, вслух, несколько раз кряду истоиво повторил ее.

— Да расточатся врази Его! Да расточатся врази Его! Да расточатся врази Его!

И тут Виктор увидел, что старик медленно, очень медленно, как в замедленной съемке или в каком-то кошмарном сне, поднимает голову. Казалось, он услышал Виктора, неким таинственным образом все же учуял его и вот теперь ищет, пытается найти, обнаружить, обращая в его сторону свое застывшее, неподвижное лицо восставшего из гроба мертвеца.

Именно!! Именно ожившего мертвеца!!! Виктор понял теперь, кого напоминает ему старик. Почему он его так пугает. И эта его странная одежда... Эта нелепая белая длинная рубаха ниже колен... Может, это... саван?!

Виктор почувствовал, что волосы на голове у него зашевелились. Еще секунда, и сердце его разорвется, и он умрет от

страха. Слова замерли у него на губах. Оцепенев, с полуоткрытым ртом, он безумным взглядом смотрел на экран.

Движение головы старика остановилось. Секундная пауза — и он так же медленно опустил ее и снова застыл в ледяной неподвижности.

Виктор с усилием перевел дух и с каким-то истерическим, конвульсивным всхлипыванием вздохнул. О том, чтобы что-нибудь говорить или даже шептать про себя, теперь не могло быть и речи. Он, словно одеревенев, без всяких мыслей смотрел на монитор. Темный, холодный, чудовищный ужас переполнял его до краев.

Старик вдруг начал казаться ему каким-то страшным гигантским пауком, неспешно и неторопливо ткущим свою незримую, невидимую обычным взглядом паутину, которой он постепенно оплетает его, Виктора. И ему из нее уже не выбраться.

Сзади вдруг раздался какой-то шорох. Виктор, судорожно дернувшись, обернулся. Когда он снова посмотрел на монитор, в коридоре никого не было. Старик-паук исчез.

Виктор некоторое время в полной прострации смотрел на пустой экран, потом механически выключил домофон, заторможено встал и вялой, шаркающей походкой побрел в спальню. Он чувствовал себя совершенно больным и разбитым. С трудом раздевшись, он повалился на кровать и сразу же заснул.

Ему снова приснился кошмар. Весь мир был затянут серой, липкой паутиной, в которой он бился и от этого только все больше и больше запутывался. Самого паука он не видел, но чувствовал, что тот где-то здесь, рядом и подкрадывается с каждым мгновением все ближе и ближе. Вот нити паутины задрожали...

Виктор закричал и проснулся.

Он был весь мокрый. Маши рядом не было. Часы показывали начало четвертого. Виктор по привычке сразу же позвонил на работу и предупредил, что его сегодня не будет. Шеф что-то недовольно буркнул и повесил трубку. В другое время это вызвало бы у Виктора целую бурю эмоций, но сейчас он забыл об этом в ту же секунду. Он снова лег на кровать и стал думать. Что же делать?

Ему вспомнились события вечера и ночи. Его нарастающий страх, потом пришла Маша, потом он ждал двенадцати, потом...

Дальше вспоминать мучительно не хотелось, хотелось постараться все забыть, успокоиться, махнуть на все рукой — будь, что будет! — убедить себя, что ничего особенного не было, хотя бы на время, на те несколько часов, которые остались до вечера — вечером, с темнотой, он знал, страх вернется! — но он заставил себя не поддаваться этим опасным и губительным — он почему-то в этом не сомневался — настроениям.

Надо бороться! Надо бороться! — в отчаянии твердил он про себя. — Думай! Думай!

Пока еще есть время. Пока еще светло. Пока еще он в состоянии более-менее спокойно думать. Как только начнет темнеть, думать — он это прекрасно понимал — он уже не сможет. Страх напрочь вытеснит все мысли. Он опять намертво прилипнет к экрану и будет смотреть, смотреть, смотреть... Как зомби.

Мысль о зомби тотчас же всколыхнула все ночные страхи и воспоминания. Этот старик... Зомби!! Вот кого он ему напоминает! Персонаж из фильма ужасов. Живого мертвеца.

А что? Почему бы и нет! Может, они и вправду существуют? Кто знает?..

Ну, хорошо, хорошо! Предположим, это зомби. Бред, конечно, но предположим. Ну, и что, я знаю, как с зомби бо-

роться?.. Откуда он, черт его подери, взялся в центре города, этот зомби?! Чего ему вообще от меня нужно?! Съесть меня?.. Почему именно меня?.. Что он вообще ко мне прицепился?! Откуда он взялся!??

Виктор почувствовал, что мысль его носится по кругу, и что в этих бесплодных размышлениях он просто теряет время. Те немногие драгоценные часы, которые остались еще до вечера. Он попытался сосредоточиться.

Так!.. Что мы имеем? Какой-то зловещего вида старик... (Виктор вспомнил его восковое лицо-маску, закрытые глаза, огромные шевелящиеся причмокивающие губы и содрогнулся) ...какой-то старик уже две ночи торчит у меня под дверью. Босиком, с закрытыми глазами, в одной ночной рубашке. И что-то еще к тому же шепчет. Так...

Ну, и что!? Что!? Ну, шепчет и шепчет. Пусть себе шепчет. Мне-то что? Почему все это меня так волнует? (Виктор опять вспомнил старика, его неподвижную фигуру в белом балахоне, застывшую в коридоре под люминесцентной лампой дневного света и отчетливо видимую сверху в камеру, и судорожно слотнул.)

Нет, так дело не пойдет! Логические объяснения и увещевания тут неуместны и бесполезны. Я не с того края подхожу к проблеме.

Реальные факты таковы. Есть какой-то непонятный старик, и этот старик пугает меня до дрожи в коленках, до смертельного ужаса! Вот голый факт. Почему? — не имеет это значения. Это не так уж и важно. Главное, что пугает.

Теперь: что мне в этой ситуации делать? Вернее: могу ли я хоть что-нибудь сделать? А сделать что-нибудь я хочу. Пусть я болван, дурак, паникер, истерик, пусть все это — глупость и суеверие, но я боюсь! Боюсь и все. И не хочу пускать все это на самотек. Если можно хоть что-нибудь сделать, я это сделаю.

Любую глупость. Святой водой все окроплю, чеснок перед дверью вывешу — что угодно!! Но что? Что?!

(Виктор почувствовал, что у него начинается паника, что волна вчерашнего ужаса опять его накрывает, и он буквально на глазах теряет способность рассуждать здраво. Он постарался успокоиться.)

Так все-таки: что? Так... Святая вода... Нет у меня никакой святой воды! Нет! Не-ту. Дальше! Хотя, стоп. Можно в церковь сходить, взять. Ладно, запомним. Чеснок... Хотя, постойте, постойте!.. Так, может, вообще пока из квартиры уехать? Хотя бы на ночь? Не ночевать здесь сегодня?

Эта неожиданная мысль настолько захватила Виктора, поразила его своей простотой, что он сразу же отбросил одеяло и рывком сел на кровати.

Точно! Надо сваливать, пока не поздно. Рвать когти. А ночевать где? Да-а,.. не важно. Хоть на вокзале. Какая разница.

Виктор представил: вокзал, свет, вечная суета, толпы народа днем и ночью, и чуть не засмеялся от радости.

— Правильно! Так и сделаем. Прямо сейчас и уеду. Чего время терять? — лихорадочно бормотал он, натягивая джинсы, не попадая ногой в штанину и подпрыгивая от нетерпения. — А Машке записку оставлю. Что на работе задержусь и ночевать не приду. Не впервой!

Мысль о жене была неприятна. (Бросать ее, ничего не подозревающую, здесь...) Но он от нее отмахнулся, от этой мысли.

А-а!.. Ничего с ней не случится! — Виктор уже торопливо застегивал рубашку. — Можно в крайнем случае и у подъезда подождать. Предупредить. Главное, из квартиры сейчас побыстрее уйти!

Пальцы его прыгали, и маленькие непослушные пуговички никак не желали застегиваться. В конце концов он на них просто плюнул. («На улице остальные застегну!!») и чуть не бегом бросился к входной двери. И тут же остановился как вкопанный.

Лишь только он увидел прихожую, дверь, как тут же понял, что из квартиры он выйти уже не сможет. Не сможет, и все тут! Открыть дверь, да и вообще просто прикоснуться к ней он не отважится даже под страхом смерти.

Охватившее его было радостное возбуждение тут же бесследно исчезло, уступив место глубочайшей депрессии. Он осознал, что он в ловушке. Ему даже почудился на мгновение холодный матовый блеск тонких светлых нитей на входной двери. Мертвый блеск паутины.

С этого момента воля к сопротивлению окончательно оставила Виктора. Он принялся безвольно ждать вечера. Он даже и не пытался больше ни о чем думать, что-то соображать, строить какие-то планы. Вообще как-то бороться. Он почувствовал себя попавшей в паутину мухой, которой остается теперь только ждать, когда паук проголодается и решит наконец ее съесть. Выпить ее кровь.

Кстати, насчет выпить. У Машки же коньяк должен где-то быть спрятан.

Виктор порывлся в гардеробе и нашел стоящую в дальнем углу почти непечатую бутылку коньяка.

Французский... откуда это у нее деньги? — мельком подумал он, вытаскивая пробку и делая прямо из горлышка несколько больших глотков. Пить он вообще-то не любил, у него утром потом сильно болела голова, но сейчас все это не имело ровным счетом никакого значения.

Утром!.. — мрачно он усмехнулся про себя. — До утра еще дожить надо. Что вообще со мной будет утром? Может, у меня и головы-то не будет. Болеть будет нечему. Съест меня проклятый старикан. Кровь всю выпьет и голову оторвет.

Виктор заметил, что уже слегка опьянел. Он вообще пьянел очень быстро.

Тем лучше, — он сделал еще пару глотков. — Напиться бы, заснуть сейчас и проснуться уже утром!

Виктор перешел в соседнюю комнату, сел в кресло, закинул ноги на стол и стал следить за стрелками часов, потягивая коньяк. Ему казалось, что если следить, не отрываясь, за стрелкой, время будет идти медленней. А больше всего ему хотелось сейчас, чтобы оно тянулось бесконечно. Пусть этот вечер, эта ночь никогда не наступают. Он так и будет сидеть за столом, а стрелки будут ползти еле-еле...

Время, однако, летело стрелой. Отвернулся, казалось бы, на секунду, просто в окно посмотреть — а уже 10 минут прошло! Задумался о чем-то — еще полчаса!

Виктор и оглянуться не успел, как опять наступил вечер. На улице начало темнеть. Коньяк давно кончился...

Черт! Зря я его выпил-то. Лучше бы на ночь поберег, — запоздало сообразил он.

К 8-и часам Виктор уже был опять абсолютно трезв. Как будто и вообще не пил. Хотя, как ни странно, он почти не боялся. Он устал бояться. Им овладела какая-то тупая апатия. Он сидел, уставясь в монитор, и ни о чем не думал. А-а!... Что будет, то и будет.

В 10 позвонила Маша и совершенно заплетающимся языком нетвердо сообщила, что домой она сегодня не придет, а останется ночевать у подруги. После чего бросила трубку.

Это вообще было уже что-то новенькое. До этого «ночевать у подруги» она еще все-таки никогда не решалась.

Впрочем, Виктору к этому моменту было уже все это все равно. Да он и сам почему-то с самого начала был практически уверен, что нечто подобное обязательно произойдет. Вчера она спать вдруг легла ни свет ни заря, чего с ней никогда раньше не случалось; сегодня вообще ночевать домой не явилась...

Все как будто специально так складывалось, чтобы жена его не путалась под ногами и не мешалась. Она явно была здесь сегодня лишней. Все происходящее касалось только его, Виктора. Именно он был мухой. Паука интересовал только он.

Время между тем близилось к двенадцати.

11,.. 11.10,.. 11.20...

Может я опять засну? — равнодушно подумал Виктор. — Хорошо бы.

11.30,.. 11.40,.. 11.50,.. 55, 56, 57, 58, 59...

Старик появился ровно в полночь. Он как будто возник прямо из ниоткуда. Материализовался. Еще мгновение назад никого не было — и вот он уже стоит прямо перед дверью.

Виктор смотрел на него через монитор почти спокойно. Но это было мертвое спокойствие безвольно идущей на заклинание жертвы. Он смирился со своей участью, понял, что ему не спастись, и теперь просто безучастно ждал, что с ним будет дальше.

В отличие от прошлых ночей, он даже звук на мониторе не выключил. А зачем? Какая разница? Ему было уже все безразлично. Он как будто уже умер.

Неожиданно старик вдруг громко, нараспев произнес какую-то фразу, протянул руку и коснулся его двери. В следующее мгновение глаза его широко раскрылись, и он в упор взглянул на Виктора. Виктор отшатнулся. Когда же он снова посмотрел на экран, там уже никого не было. Никого и ничего. Все кончилось.

Как Виктор добрался до постели, он не помнил. Глаза его слипались, веки были, как свинцовые. Он рухнул не раздеваясь в постель и тут же заснул, как убитый. Спал он крепко и счастливо улыбался во сне. Как человек, которому снится что-то очень, очень приятное.

II. 1

На следующий день была суббота. Выходной. Спешить было некуда. Проснувшись, Виктор долго лежал с открытыми глазами, пытаясь вспомнить, что же ему снилось. Он смутно пом-

нил только, что что-то очень, чрезвычайно простое радостное и хорошее! Но вот, что именно, все никак не вспоминалось.

Ребенок! — внезапно мелькнуло у него в голове. Ему снилось, что у них с Машей родился ребенок! Ну, конечно же! Он не помнил подробностей, но прекрасно помнил зато, какая счастливая была Маша, как радовался он сам, как вообще все у них сразу изменилось и наладилось. Как по волшебству! По мановению волшебной палочки. Ребенок сразу перевернул всю их жизнь.

Виктор даже пожалел, что проснулся. Ему хотелось, чтобы этот сон все продолжался и продолжался. Все длился и длился...

А может, и правда еще наладится? Чем черт не шутит... Бывают же чудеса!.. — к своему собственному удивлению Виктор вдруг ощутил, что он действительно почти в это верит! Верит, несмотря ни на что.

И вера эта в нем не только не исчезает, но с каждой минутой буквально как будто даже крепнет. Какая-то в нем появилась подсознательная уверенность, что не все еще потеряно, что все еще можно изменить, можно что-то сделать — и все у них с Машей будет хорошо.

Как изменить? Что сделать? Этого он не знал. Что-то должно произойти. Обязательно! Какое-то чудо. Которое разом перевернет всю его распостылую жизнь. Его серую, унылую, беспроблемную житуху.

О! они с Машей еще поживут! Еще как! Да-да! Не все еще потеряно.

«А на меня из-под усталых вежд струился сонм сомнительных надежд», — вдруг неожиданно всплыли в памяти печальные и странные строчки какого-то давным-давно забытого стихотворения.

Да что это со мной сегодня!? — с радостным недоумением подумал он. — Даже стихи в голову лезут. Совсем с ума сошел!

Вставать не хотелось. Виктор лениво покосился на часы.

Ого!.. Три часа уже!.. Это сколько же я спал?

Ему вспомнились ночь, старик, но воспоминания были все какие-то блеклые, смутные, словно полустертые; казались чем-то совсем-совсем несущественным и неважным, не заслуживающим даже особого внимания. Не имеющим больше к нему никакого отношения.

Все это уже в прошлом. Далеко-далеко. Продолжения не будет. Все кончилось. Кончилось-кончилось! Виктор почему-то в этом нисколько не сомневался.

Старик больше не вернется. Никогда. Он растаял, растворился, исчез. Сгинул. Навсегда! Навеки. Канул на веки вечные в ту самую мрачную бездну, из которой он и появился. Виктор и лица-то его уже вспомнить не мог. Так... какое-то тусклое, размытое пятно, неясно мелькающее иногда за серой пеленой, смутно проступающее временами сквозь некое медленно колышющееся, дрожащее марево. Наваждение. Мираж. Морок.

Ладно, вставать пора, — Виктор сладко-сладко потянулся, но вставать по-прежнему не спешил. Ему хотелось еще немного полежать, понежиться в постели. Он чувствовал во всем теле какую-то сла-адкую, прия-ятную-ю расла-а-абленность,.. сла-а-а-адостную-ю-ю исто-о-ому,.. бла-а-ажество-о-о,.. не-е-е-егу... Ему вдруг захотелось, чтобы рядом была Маша. Представилось, как она лежит рядом,.. обнаженная,.. на боку,.. как он прижимается к ней всем телом,.. как его руки скользят по ее коже,.. как гладят, ласкают ее,.. как...

Входная дверь хлопнула. Послышался оживленный голос жены. Виктор замер и прислушался.

С кем это она? — с неудовольствием подумал он.

Маша быстро вошла в комнату.

— Привет! Вставай, соня! Пойдем, что я тебе покажу! — Маша весело смотрела на мужа. — Ну, пойдем же! — с нетерпением добавила она, видя, как тот в нерешительности мед-

лит и не двигается с места. (Там же кто-то есть! А он в одних трусах на кровати лежит.)

Виктор в недоумении встал и пошел за женой.

— Правда, красавец! — Маша стояла у входной двери и сияющими глазами глядела на своего супруга. Рядом с ней сидел огромный черный дог. При виде его Виктор сначала остановился, как вкопанный, но потом с некоторой опаской все же приблизился. Вообще-то собак он не боялся, но этот дог был что-то слишком уж большой.

— Что это еще за собака Баскервилей? — натянуто улыбаясь, фальшиво-бодрым голосом поинтересовался он. — Откуда ты его взяла?

— Представляешь, он сам ко мне на улице подошел! Я, конечно, испугалась сначала, а потом вижу, что он, наверное, просто потерялся и хозяина нового ищет! Он сам меня выбрал! — быстро, захлебываясь словами, затараторила Маша, словно боялась, что ее перебьют. — Давай его у нас оставим! Ладно? Я сама с ним гулять буду. И вообще ухаживать. Ну, пожалуйста! — молящим голосом, с какой-то робкой надеждой тихо добавила вдруг она.

Виктор, раскрыв рот, во все глаза с изумлением смотрел на жену. Когда это она его последний раз что-то спрашивала? О чем-то просила? Да еще таким тоном?! Просто делала, что хотела, и все. Ну и ну! Что происходит?! Мир, что ли, перевернулся?

— Ну, хорошо, — наконец опомнился он. — Давай, если хочешь. Я не против. (Еще бы он был против! Как он вообще мог быть «против»?!) Только собака — это ведь дело серьезное. (Как ребенок, — хотел было прибавить он и лишь в самый последний момент прикусил себе язычок.) Смотри, не передумай потом.

Виктор говорил нарочито-серьезным, степенным, рассудительным голосом, а внутри его все ликовало. Он впервые за последние годы снова чувствовал себя хозяином в доме, мужем, мужчиной, главой семьи! А не какой-то никчемной размазней,

половой тряпкой, чье мнение абсолютно никого не волнует и не интересует, и о которую жена разве что ноги не вытирает. Собака же его не беспокоила. Да пусть здесь хоть тигр живет, если это поможет вернуть семью! Он заранее на все согласен.

— Ой! Я знала, что ты согласишься! — Маша даже захлопала в ладоши и закружилась на месте от радости. — Я не передумаю! Ты у меня самый, самый лучший! Я тебя так люблю! Она обвила руками шею мужа, на секунду страстно к нему прильнула и горячо поцеловала. (Собака, подняв голову, внимательно следила за ними.) — Ну, все! Теперь ты будешь жить здесь. Это твой новый дом. Располагайся, — Маша повернулась к псу и ласково потрепала его по голове.

— А как мы его назовем? Ты уже придумала? — тут же спросил Виктор. Просто для того, чтобы не дать разговору затухнуть. И не оборвать случайно ту еще совсем-совсем тоненькую доверительную ниточку, которая между ним и женой его сейчас совершенно неожиданно для него установилась. Он пытался всеми силами поддержать этот новый, давно забытый уже, искренний и доброжелательный тон, эту открытость и взаимопонимание!.. Как-то по возможности закрепить этот несомненно наметившийся сейчас перелом в их отношениях.

— Назовем?.. — Маша секунду задумчиво смотрела на пса. — Джек! Мы назовем его Джеком!

II. 2

В эту ночь Виктор впервые за последний месяц был близок с женой. Причем все у него получалось как никогда, он был полностью раскован и буквально неутомим. Маша несколько раз за ночь испытала сильнейший оргазм и восхищенно шептала и шептала, преданно и с обожанием глядя ему в глаза: «Какой ты

у меня, оказывается!.. Какой!..» Похоже, она была совершенно счастлива. Виктор тоже был счастлив. Так хорошо он не чувствовал себя, наверное, вообще никогда. Даже в юности.

Когда под утро они с Машей, совершенно измученные друг другом, наконец уснули, Виктору приснился странный и удивительный сон.

Ему снилось, что они занимаются любовью втроем: он, Маша и Джек. И восторг и блаженство, которые он испытывал при этом!.. — он даже не подозревал раньше, что такое вообще возможно!

Он видел, как Джек входит в Машу, и Маша кричит от наслаждения; как Маша потом ласкает ртом Джека; как!.. — совершенно бесстыдные и самые невероятные картины сменяли друг друга, и Виктор ощущал уже даже не оргазм, а что-то тоже совершенно уж немыслимое и невероятное!

Он как будто парил в каких-то мягких, розовых облаках, плавно покачивался на волнах ему до того неведомого, одновременно и кипящего, и ледяного, и ленивого, и неистового океана неги и страсти. Блаженство было настолько острым, настолько нестерпимым, что в этом слышалось, угадывалось уже нечто запретное, нечеловеческое: что-то бесовски-сладкое! Как будто завели его в стране грез и наслаждений слишком далеко, за некую запретную черту, которую человеку переступить нельзя, потому что оттуда уже нет возврата; показали нечто такое, чего человеку нельзя видеть, потому что он будет всю жизнь потом тосковать и томиться по несбыточному.

Но самое удивительное было в конце. Виктору приснилось, что после той безумной ночи Маша забеременела и родила. Мальчика. Он совершенно отчетливо увидел во сне, как она держит на руках своего, их ребенка, кормит его своей грудью и с невыразительной нежностью тихо смотрит на него своими огромными, блестящими от счастья глазами.

Как мадонна! — мелькает у него в голове, и тут вдруг что-то неожиданно привлекает его внимание. Он мучительно пытается понять, что же именно?.. и в то же самое мгновение видит внезапно на месте Маши снова свою пьяную, растрепанную и полураздетую мать, ведьму из своего прошлого кошмара, развратно глядящую на него в упор и бесстыдно хохочущую.

Даже когда Виктор в ужасе и в холодном поту проснулся, смех этот еще долго потом звучал у него ушах. Рядом лежала Маша, и ей тоже, по всей видимости, снилось что-то очень, очень, очень приятное: она сладострастно стонала во сне, время от времени медленно, томно вытягивалась, плавно изгибалась и вздрагивала всем телом. Виктор некоторое время с легким удивлением смотрел на нее, потом перевернулся на другой бок и закрыл глаза.

Однако заснуть ему больше не удалось. Поворочавшись немного, он окончательно проснулся, перевернулся на спину, уставился в потолок и стал думать. Вспоминать и восстанавливать в памяти свой сон. Он никак не мог разобраться в своих чувствах. Ощущение от сна было какое-то двойственное.

Одновременно стыд, грязь, мерзость, отвращение и в то же время чудовищное, сладчайшее, невыразимое наслаждение. И так они перемешались, переплелись друг с другом, что отличить, отделить одно от другого было уже невозможно. Как будто пробуешь на вкус, языком нечто на вид противное и осклизлое, плавающее в густом сахарном сиропе. Сладость забивает все, и понять, что же именно ты ешь, уже решительно и ни под каким видом нельзя.

Виктор отдал бы все на свете, лишь бы испытать в реальной жизни нечто подобное! И отдал бы все на свете, чтобы об этом потом забыть. Но забыть, как он подозревал, уже никогда не удастся. Этот приторно-сладкий, неистребимый ничем привкус греховности, испорченности и порочности будет присутствовать в их отношениях с женой теперь уже всегда...

Да что это я! — вдруг очнулся он. — Не собираюсь же я, в самом деле, и вправду всем этим заниматься... С собакой!..

Виктор вдруг вновь живо вспомнил свой сон,.. некоторые его сцены,.. щемяще-сладкое чувство наслаждения... не-е-ги-и-и... блаже-енства!..

Да и Маша все равно не согласится... — мечтательно подумал он и тут же сам ужаснулся этой своей мысли.

— Так сам-то я что, значит, согласен? — растерянно пробормотал он вслух и невольно смутился.

Ребенок! — вдруг вспомнился ему конец сна. — Там же еще ребенок был! И что-то в самом конце еще такое... Что-то непристойное... Что?! Что же это я там такое успел заметить? А?..

Впрочем, не важно. Так вот, ребенок,.. ребенок... Мне же ведь и вчера еще, кстати, снилось, что произойдет чудо, и у нас с Машей родится ребенок! И все тогда сразу наладится...

А что, если это и есть то самое чудо!? А собственно, почему бы и нет? Правда, странное оно какое-то, это чудо, прямо скажем, даже шокирующее... но это ведь только в сказках все всегда красиво и прекрасно получается — алые паруса и белые пароходы! — а в реальной жизни.. В реальной жизни главное — результат. Все остальное значения не имеет.

Да любое лечение!.. анализы,.. процедуры эти кошмарные!.. И кого это волнует? Кто на это вообще внимание обращает?!

Главное — эффект! Даст это эффект или нет? Вот единственный вопрос. Все остальное не важно. Надо — значит, надо! Если хочешь вылечиться. Может, действительно, сперма собаки...

Виктор почувствовал, как проснувшаяся Маша придвигается к нему поближе.

— Проснулась? — ласково погладил он ее по голове.

— Спи, рано еще!

— Какой мне сон сейчас снился!..

(«Мне тоже!» — чуть было не брякнул Виктор, но вовремя остановился.)

— Какой?

— Ну,.. странный... — чуть помедлив, ответила Маша и как-то мечтательно и загадочно улыбнулась.

— Про что?

— Про нас с тобой.

— Расскажи.

— А мы сейчас будем еще чем-нибудь заниматься? — вместо ответа она еще плотнее к нему прижалась.

— Ну, расскажи!

— Потом,.. потом... — она уже легонько покусывала ему мочку уха. — Не сейчас...

— А?..

— Помолчи! — Маша нетерпеливо закрыла ему рот поцелуем, и Виктор снова почувствовал, что возбуждается. Он повернулся к жене и начал неторопливо и умело ласкать ее. Маша тут же тихонько застонала.

Виктор никогда раньше не умел толком обращаться с женщинами. Особого опыта у него не было, и в постели он бывал обычно неловок и неумел.

Но сейчас он чувствовал себя так, словно через его руки прошли тысячи и тысячи женщин. Он совершенно точно знал, что делать, ощущал каждый изгиб, каждую складку женского тела. Его руки действовали как будто совершенно независимо от него. Он мог в любой момент одними только ласками довести Машу до оргазма, до самой вершины блаженства! но вместо этого лишь все гладил и гладил ее... медленно-медленно.., нежно-нежно...

И только когда она уже больше не могла терпеть и ждать, в тот самый миг, и ни мгновением ни раньше и ни позже! — он вошел в нее и начал не спеша двигаться...

Маша кричала, стонала и содрогалась, и он тоже кричал, стонал и содрогался вместе с ней. Он действовал с величайшим любовным искусством, умением и тактом, как подлинный мастер, виртуоз, но он не был всего лишь сторонним наблюдателем, просто холодным профессионалом. Нет! он испытывал те же самые чувства, что и она: наслаждение, боль, страсть, восторг, он парил и падал в бездну, умирал и возрождался вместе с ней!

Они слились в одно единое целое!.. и потом, когда все кончилось, Маша вдруг приподнялась на локте, повернулась к нему и потрясенно, даже потерянно как-то тихо сказала:

— Я никогда прежде и не подозревала, что такое возможно!.. Я тебя люблю. Нет, я тебя обожаю! Боготворю!! Ты мой бог!

Виктор, слегка смутившись, хотел было обратить все в шутку, ответить что-нибудь, тоже нежное и ласковое, но слова внезапно замерли у него на губах. Застряли в горле. Он словно поперхнулся.

Ему вдруг снова вспомнился его навязчивый, постоянный кошмар всех последних дней: та потная, сальная, полупьяная вульгарно хохочущая женщина, баба — то ли его собственная мать, то ли ведьма, дьяволица — и он вздрогнул, передернулся весь от омерзения.

Что-то было не так! Во всем происходящем была какая-то невыносимая, чудовищная фальшь. Как будто это не он сейчас занимался любовью с собственной женой, а кто-то другой. Кто-то посторонний, чужой. Кто-то, несравненно более опытный и умелый, чем он. Сам бы он так никогда не смог, не сумел.

Словно с женой его только что всеми возможными, мыслимыми и немыслимыми способами совокуплялись прямо у него на глазах, а он смотрел на это со стороны и наслаждался. Испытывал от этого зрелища какое-то противоестественное, извращенное и вместе с тем сладостное, томящее душу наслаждение.

Но в этой тягучей сладострастности, в этом изысканно-порочном, изощренном наслаждении временами явственно

чувствовался какой-то едва уловимый, еще более сладковатый тошнотворный привкус. Как будто он уже начал пожирать те плавающие в густом сиропе, отвратительные, осклизлые куски. Мертвечину.

II. 3

Маша чмокнула его в губы и, весело щебеча, убежала в ванную, а Виктор остался лежать в постели, пытаясь успокоиться и привести в порядок свои растрепанные мысли и нервы. Ему было явно не по себе. Как-то жутко.

Он неожиданно почувствовал себя попавшим в ловушку. В искусно расставленную ловушку. В капкан. В паутину. Весь мир был затянут серой, липкой, влажно поблескивающей паутиной, в которой он все больше и больше запутывался.

(У Виктора внезапно возникло неприятное ощущение, что все это с ним когда-то уже было. Его словно что-то вдрут кольнуло. Паутина... паук,.. Что-то знакомое,.. что-то до боли знакомое!.. Что-то ведь такое уже было?.. Или нет?.. А-а!.. Черт! Не все ли равно! Было — не было... Все равно теперь уже не вспомнить! Ладно, проехали.)

В голове царили полнейший сумбур и сумятица.

Маша,.. его новые с ней отношения, фактическое примирение, о котором он вчера еще так мечтал,.. кошмары эти бесконечные,.. ребенок... И над всем этим его проклятый сон!

Он старался о нем не думать, забыть, изгнать навсегда из памяти, но подсознательно понимал уже, что все это бесполезно. Забыть не удастся. Ощущения, которые он испытывал во сне, забыть было невозможно. Мысленно он постоянно возвращался к ним снова и снова.

Он был уже отравлен. Словно наркоман, однажды попробовавший наркотик, и теперь пытающийся о нем забыть. Пытаю-

щийся с собой бороться. Чем кончится эта борьба — очевидно. Результат заранее известен и легко предсказуем. Сейчас это лишь вопрос времени. Сколько он еще продержится? Сутки? День? Час?!..

Самое ужасное было то, что он совершенно отчетливо понимал, что все теперь зависит только от него одного. Маша не в счет. Ее он, с его новыми, вновь открывшимися талантами и способностями, сможет убедить теперь в чем угодно. Заставить делать все, что ему заблагорассудится. Противиться ему она не сможет.

Да и никто не сможет! Ни одна женщина. Волею бога или дьявола он получил отныне над женщиной, над ее телом и душой, абсолютную власть. Превратился в того самого идеального любовника, о котором каждая на свете женщина всегда втайне мечтает.

Он мог свести с ума, довести до безумия, до исступления одним только мимолетным прикосновением, небрежной, подаренной мимоходом лаской. Мог заставить женщину забыть все: честь, стыд, семью, детей! От всего отречься за один только его взгляд, поцелуй, за одну только ночь, с ним проведенную. С радостью, все бросить и, закрыв глаза, отправиться за ним. Куда угодно! Хоть в преисподнюю!

В его теперешнем умении, искусстве было что-то дьявольское, нечеловеческое. Оно словно пришло из какого-то другого, иного, древнего мира, давным-давно исчезнувшего и ныне прочно, прочно, прочно уже позабытого.

Мира гаремов и одалисок; ленивых, обволакивающих грез и дурманящих, пряных, дразнящих искушений. Сладкой любовной истомы и томной, знойной, безумной неги.

Мира шехерезад, шахов, прекрасных наложниц и сказок 1001 ночи. Навуходносоров и гильгамешев, безжалостных чингисханов и тамерланов, пресыщенных китайских императоров и сладострастных багдадских султанов. Повелителей вселенной! Ненасытных и развратных мессалин; скользящих в вечном танце обольстительно-изящно-хрупких, неотраз-

имых, соблазнительно-порочных соломей и величественно-царственных, божественно-невозмутимых, равнодушно-загадочных клеопатр. Мрачного замка Тамары. Мира мудрых соломонов, безрассудных антониев, неистово-жестокых неронов и калигул и изысканно-рафицированного, утонченно-холодного разврата цезарей борджиа. «Тысячи тысяч жен знал я...» Мира «Песни песней». «Груды твои, как два белых козленка, лоно твое...» Вавилона, Содома и Гоморры.

Мира вечного наслаждения и вечного блаженства, безграничной, безбрежной, безудержной, слепой и пламенной страсти; искреннейшей, ярчайшей, чистейшей, беззаветной и жертвенной преданности и любви («сильна, как смерть») — и бездонного, чернейшего, горчайшего, ледяного порока, предательства, греха и разврата («и разверглись небеса, и обрушился огненный дождь...»).

Ибо только там, в этом мире, в царстве порока и наслаждения, можно было научиться всему тому, что он теперь умел. Узнать о женщине то, что теперь знал он.

Обычно человеческого опыта было бы для этого недостаточно. Жизнь человеческая слишком коротка.

Иными словами, то, чего он хотел, к чему стремился, о чем мечтал, он мог получить теперь в любой момент. Стоит лишь протянуть руку.

И еще ребенок!... Мысль, что он сможет таким образом зачать ребенка, его так и не оставляла. Он действительно в глубине души в это верил. Искренне верил!

Что, если это и есть то чудо, о котором я мечтал? — опять пришло ему в голову.

А если оно действительно случится, это чудо, то не явится ли это само по себе оправданием всему, чему угодно? Сексу хоть с собакой, хоть с лягушкой? Да и что такое собака? Это же даже не человек! Нечто вроде фаллоимитатора. Если бы Маше прописали таблетки из спермы собаки, она бы ведь их

пила, не задумываясь. Даже вопросов и сомнений бы ни у кого не возникало! Или, скажем, вагинальные свечи...

Так в чем разница?!

Виктор снова ощутил себя попавшим в капкан. В паутину. Мухой, бьющейся в этой паутине. И все больше и больше в ней запутывающейся.

Его словно вели к какой-то цели, услужливо предоставляя для этого и средства, и оправдания. Только протяни руку и возьми. Скажи: да! Уступи искушению! Да и зачем противиться? Чего ради? Ему предлагают все даром, не требуя ничего взамен.

Виктор внезапно почувствовал, что волна сладостного безумия из его сна его вновь захлестывает, и он просто не в силах ей сопротивляться. Ему ярко представились Маша,.. он,.. Джек...

Как он смотрит, как Маша, стоя на коленях, наклонившись вперед и выгнувшись, совокупляется с Джеком, а ее голова лежит в это время у него, у Виктора на коленях, и он гладит ее и шепчет ей что-то ласковое; как потом он сам спокойно, не торопясь, переворачивает ее на спину, раздвигает ей ноги и ...

Виктор вздрогнул и опомнился. Нет! Нет!! Это нельзя делать! Нельзя!! Это грех! Страшный грех. Смертный. Он никогда не сможет этого забыть! И Маша не сможет. К черту все эти объяснения! Это дьявол ему их нашептывает. Лукавый! Отец лжи. Нельзя с ним спорить! Нужно просто сказать: отойди от меня, сатана. Как это Христос сделал.

Да, но ребенок?.. Ребенок!?!.. А если все-таки?.. Это ведь последняя надежда! Да, это было бы чудо, но разве то, что с ним уже произошло — разве это не чудо? Все эти его неизвестно откуда взявшиеся умения и таланты — разве это не есть самое настоящее чудо?

И если, кстати, они вдруг так же внезапно исчезнут, эти таланты, что с ним будет? Как Маша отнесется к этому обратному и отнюдь теперь уже не сказочному превращению? Что он снова превратится в обычного, никчемного и ничего толком не умеющего

неудачника? Из идеального любовника, из бога, из Казановы! (Виктор почувствовал, что при этой мысли его прошиб холодный пот.)

Да и, опять же, ребенок... Осмелится ли он ей когда-нибудь рассказать, что надежда была, а он от нее отказался. Не воспользовался. Даже с ней не посоветовавшись.

(А чего «советоваться»?! Обманывать себя?.. Перекладывать на нее ответственность?.. Она же сейчас полностью в его руках. В его власти. Он может убедить ее в чем угодно. Стоит только чуть-чуть погладить... провести рукой... вот тут... и тут... Тьфу, черт! Дьявол!! Сгинь-сгинь-сгинь!)

Значит, между ними теперь всегда будет ложь? Тогда в чем разница? И что лучше?

Виктор почувствовал, что он окончательно запутался. И ничего уже не понимает. Что хорошо, а что плохо. Что добро, а что зло. Чего он хочет.

(Ну, чего он хочет-то... Маша,.. Джек... Виктор яростно потряс головой, отгоняя наваждение. Нет! Нет! Нет! Нельзя!! Этого нельзя делать!! Нельзя-нельзя-нельзя!)

— Как ты, милый, не соскучился? — Виктор и не заметил, как Маша вошла в комнату. Рядом с ней шел Джек.

— Зачем ты его привела? — только и смог, с трудом, запинаясь, вымолвить Виктор, переводя взгляд с обнаженной Маши на Джека и обратно.

— Ну, я подумала, что ему там скучно одному... — каким-то неестественно-низким, томным голосом протянула Маша и вдруг, пристально глядя в глаза Виктору, медленно потерлась бедром о шею собаки. Виктор, холодея, смотрел на Машу. Он узнал этот жест. Это был жест из его сна. — Да, Джек? — все так же не отводя взгляда, негромко нараспев произнесла Маша, неспешно присела на корточки, обняла Джека, прижалась к нему, потерлась грудью и, по-прежнему глядя Виктору прямо в глаза, облизала кончиком языка губы и медленно-медленно раздвинула колени.

Виктор как во сне встал, приблизился вплотную к жене и положил руку ей на голову...

Когда Виктор вслед за Джеком вошел в Машу, он вздрогнул от неожиданности, ощутив там, внутри, в глубине вагины своей жены обжигающий ледяной холод.

«Семя у бесов холодное», — предостерегающе всплыли у него в памяти слова какого-то старинного фолианта, некогда случайно им прочитанного, и Виктор вдруг ясно, как при ударе молнии увидел, вспомнил конец своего сна.

Маша кормит грудью их ребенка и с тихой, материнской нежностью им любит; а он вдруг замечает на голове у младенца какую-то странную, темную метку, какой-то, растущий у него на темени, островок черных, блестящих и жестких на вид волос.

Как шерсть у Джека, — мелькнуло у него в голове, а в следующее мгновение хлынувшая волна нестерпимого блаженства затопила все его существо, и он привстав на руках и откинув голову назад, закричал, от восторга и наслаждения.

А еще через миг, метнувшийся откуда-то сбоку Джек, одним движением могучих челюстей разорвал ему горло, и Виктор, не успев даже понять, что произошло, рухнул ничком на жену, заливая ее кровью.

Маша полежала немного, не торопясь оттолкнула тело мужа, встала и, вся залитая его кровью, спокойно направилась в ванную, небрежно потрепав на ходу голову Джека.

* * *

Когда в комнату вошли вызванные Машей милиционеры, сидевший до этого спокойно Джек вдруг вскочил, бросился к окну и, разбив стекло, выпрыгнул на улицу. Подбежавшие к окну люди не увидели внизу ничего. Собака исчезла.

Хотя, с другой стороны, всего лишь третий этаж и мягкая клумба внизу...

* * *

Ровно через девять месяцев Маша родила. Мальчика.

— Счастливый будет! — улыбаясь, сказала ей сестра, подавая ребенка и показывая на маленькие черные волосики на темечке у малыша. — Слышали, кстати? Сегодня сильнейшая магнитная буря. Даже северное сияние ночью видно будет! Впервые за всю историю. Так что Вы поосторожней!

— Да... — медленно ответила Маша и как-то странно взглянула на стоящую перед ней женщину в белом халате. Та вздрогнула, побледнела и перестала улыбаться. — Сиянье... Я знаю... Знаю... Слышала.

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 1-й

И сказал Люцифер:

- Ты сын Мой, плоть от плоти. Я буду учить тебя, и ты будешь Меня слушать, если захочешь. Я ни к чему не буду тебя принуждать и ничего не буду тебе навязывать. Ты сам сделаешь свой выбор, и он будет свободным.

Ты сам решишь, за кем следовать: за Мной или за Ним.

И как ты решишь, так и будет.

Но сначала ты должен ответить Мне. Согласен ли ты Меня слушать? Согласен ли ты со Мной разговаривать? Согласен ли ты у Меня учиться?

Ибо сказано. Сатана - отец лжи. Нельзя с ним разговаривать, нельзя с ним спорить.

И ответил Люциферу Его Сын:

- Я буду Тебя слушать. Если я могу слушать Его, то почему я не могу слушать Тебя? Разве Ты убедительнее Его?

Я буду с Тобой разговаривать. Если я могу разговаривать с Ним, то почему я не могу разговаривать с Тобой? Разве Ты красноречивее Его?

И я буду у Тебя учиться. Я человек, и я смогу отличить правду от лжи.

А если нет — то как я смогу сделать свой выбор? Тогда никакой свободы выбора вообще не существует! Слепой не может сам выбирать себе дорогу.

Хорошо, — ответил Люцифер, — спрашивай.

И спросил у Люцифера Его Сын:

— Христос, Сын Божий, страдал и умер на кресте. Должен ли буду и я, Твой Сын, страдать и умереть?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

— Христос знал, что он Сын Божий. Так в чем же тогда его подвиг? Он просто играл. Смерть была для него лишь игрой. Он знал, что это не навсегда, не всерьез. Он знал, что вернется.

Да, он страдал и мучился на кресте, но любые страдания, любые муки можно вытерпеть, если знаешь, что это просто игра, своего рода испытание силы духа.

Да и что такое муки? Тысячи и тысячи людей распинали, еще тысячи и тысячи терпели и гораздо более жестокие, изощренные муки. И многие вели себя при этом достойно. Даже перед лицом смерти. Причем настоящей смерти, а не игрушечной, не понарошку.

Ну и что? Кто их сейчас помнит? Кто ими восхищается? Где они? Канули во всепоглощающую бездну времени. Без следа.

Иными словами, сами по себе муки и страдания еще ничего не значат и ничего не стоят. Тебе незачем их терпеть.

ИГРА

«Не судите, да не судимы будете».

Евангелие от Матфея

1.

Сидорова разбудил резкий телефонный звонок.

— Да? — хриплым со сна голосом сразу же быстро спросил он, стараясь говорить тихо и прикрывая ладонью трубку, чтобы не разбудить спящую рядом жену. Спросонья он ничего еще толком не соображал и действовал просто на автомате.

— Константин Викторович? — вежливо поинтересовался приятный и спокойный женский голос.

— Да, — несколько удивленно ответил Сидоров, постепенно просыпаясь.

— Здравствуйте! Я представитель компьютерной фирмы, — женщина на том конце провода перешла на английский и произнесла какое-то длинное и сложное название, которое Сидоров не разобрал, да и не пытался. Что-то там «интэнэйшнл». — Извините, пожалуйста, за столь ранний звонок. (Сидоров машинально взглянул на стоявший рядом будильник. Черт! Семь часов еще только!), но мы боялись днем Вас не застать, — снова заговорила она по-русски. — Поздравляю Вас! Вы стали победителем нашей ежегодной лотереи и выиграли главный приз...

— Вы знаете, я не участвовал ни в какой лотерее, — сразу же бесцеремонно прервал свою собеседницу Сидоров. — Не надо мне никаких призов! Пожалуйста, больше сюда не звоните!

Он в ярости швырнул трубку и некоторое время лежал, медленно остывая.

Приз! Знаем мы эти призы! «Наша чудо-сковородка с фантастической скидкой! Только для вас!» И с этим своим бредом они меня в субботу, в 7 утра специально разбудили! Сволочи! Убивать за это надо! Этой самой сковородкой!

Телефон зазвонил снова. Твою мать! Сидоров несколько мгновений злобно на него смотрел, потом снова схватил трубку.

(«Что там, милый?» — сонно проговорила за спиной Настенька и слабо зашевелилась.)

— Да!

— Константин Викторович, не бросайте, пожалуйста, трубку.

— Послу... — раскрыл рот Сидоров.

— Это не чудо-сковородка. (Сидоров так и остался лежать с раскрытым ртом.) — Это настоящий приз. Причем очень дорогой. Около пятидесяти... (представительница фирмы была все так же невозмутимо-спокойна) ...тысяч долларов. (Сидоров с изумлением посмотрел на трубку, захлопнул рот и судорожно слотнул.) Просто скажите, куда Вам его подвезти и когда именно. Назовите любое удобное для Вас место и время.

— А что это такое? — Сидоров все еще ничему не верил, но искушение было слишком велико. И откуда это она, интересно, про сковородку узнала? Случайно так в точку попала? Или я сам спросонья, может, что-то вслух сказал? Гм!.. Не помню уже... Ну, ладно.

— Новейший игровой компьютер. Продукция нашей фирмы. Экспериментальная разработка. Моделирование виртуальной реальности...

(Сидоров со все возрастающим изумлением слушал эту неторопливо льющуюся, уверенную плавную речь. — Н-да... Что-то слишком уж сложно для обычного кидалова. А что, если?.. Да нет! Не может быть! 50 тыс. баксов мне сейчас подарят! Ага! Как же! Держи карман шире! Это только в сказках бывает. Или в фильмах.

Но какая-то слабенькая, робкая надежда уже зашевелилась против воли в его душе.

А вдруг?! Выигрывают же люди?)

...Впрочем, мастер Вам все подробно объяснит, — продолжала между тем все так же бесстрастно и спокойно вещать его невидимая собеседница. — Итак, куда же он должен подъехать и когда именно?

— А можно, я лучше сам к вам подъеду? — предпринял последнюю попытку Сидоров. А вдруг все-таки жулики? Впустишь тут неизвестно кого... хотя, с другой стороны, они же вроде конкретно домой не просят. Просто: назовите любое место. Вот черт! Ничего не понимаю! «Куда привезти Вам 50 тыс. долларов и когда именно? Как Вам удобнее?» Чушь собачья!

— Нет, Константин Викторович, — равнодушно ответили между тем ему на том конце провода. — Аппаратура сложная. Мастер должен на месте ее настраивать. Так куда все-таки подъехать?

— Хорошо, — сдался Сидоров. — Давайте, скажем... Э-э... Ну, скажем, сегодня в два часа. Улица... — Сидоров продиктовал свой домашний адрес.

— Прекрасно. Итак, улица... — женщина отчетливо повторила только что продиктованный ей адрес. — Мастер придет к Вам сегодня, ровно в 14.00. Ждите. До свидания.

— До свидания, — автоматически ответил Сидоров и услышал короткие гудки.

Он аккуратно положил трубку и откинулся на подушку, испытывая ощущения человека, которому только что сообщили, что он вдруг сказочно разбогател. 50 тыс. долларов были для Сидорова суммой, совершенно немыслимой.

Если бы это оказалось правдой... И нам действительно этот навороченный компьютер подарят...

При одной только этой мысли у него даже дыхание захватило. Естественно, оставлять его себе он вовсе не собирался. Поиграться недельку — и продать! (А можно и вообще сразу!) Даже если и не за 50, а скажем, всего только за 40 тысяч...

Если он полтинник стоит, за сороковку-то уж, наверное, по-любому уйдет. 40 тысяч долларов! С ума сойти! Вот дьявол!

Сидоров даже закричал и заворочался на кровати от охватившего его возбуждения. Неужели правда? И чего это я им на два часа сказал? Вот дурак! Надо было немедленно назначать, прямо сейчас! Вот сию же самую секунду! Привозите!!

Сидоров чуть не застонал от нетерпения и раздражения на самого себя, беспомощно посмотрел по сторонам и потом перевел взгляд на лежащую рядом жену. Ему нужно было срочно выговориться, с кем-то поделиться переполнявшими его чувствами.

— Настенька, — он легонько потряс ее за плечо. — Просыпайся...

— А?.. — сонным голосом пробормотала жена. — Что такое?

— Просыпайся-просыпайся! Тут такие новости! — торопливо зачастил Сидоров.

— Какие новости?.. — все так же сонно и без всякого выражения переспросила Настенька, прямо на глазах снова засыпая.

— Не спи! — Сидоров потряс жену за плечо чуть сильнее.

Та вздрогнула, открыла глаза и, увидев склонившегося над ней мужа, легко улыбнулась.

— Что, милый?

— Ты представляешь, мне только что позвонили по телефону и сказали, что я выиграл 50 тысяч долларов!

— 50 тысяч долларов? — удивленно переспросила Настенька и недоверчиво посмотрела на Сидорова. — Какие еще 50 тысяч долларов? Кто позвонил?

— Сам не знаю! — возбужденно пожал плечами тот. — Какая-то компьютерная фирма. По-моему, америкосы. Якобы я выиграл у них в какую-то там лотерею, и теперь мне полагаются призы! Какой-то ихний последний компьютер супернавороченный за 50 тыщ баксов! Представляешь?!

— И что?

— Что-что!.. Ничего. Сегодня в 2 часа привезут. Мастер приедет настраивать.

— Сегодня в 2 часа? Куда привезут? Сюда?

— Ну да! Прямо сюда. Я сам адрес им по телефону продиктовал и время назначил. Надо было раньше, конечно! Сам не знаю, чего это я так лоханулся? Прямо сейчас надо было! Немедленно!

— А перезвонить им нельзя? У нас же определитель стоит?

Настенька, как и все женщины, в некоторых ситуациях вела себя удивительно практично. Сидоров сам как-то даже и не подумал о такой простейшей и совершенно очевидной возможности.

— Умничка! — восхищенно поцеловал он жену, вскочил с кровати и бросился к телефону. — Тьфу ты! — разочарованно протянул он мгновением позже. — Номер не высветился...

— Ну, не расстраивайся так, котик. Ничего страшного. Подождем, — Настенька, ласково улыбаясь, смотрела на него снизу вверх. — Иди лучше ко мне. А то я уже замерзла... — мягко и чуть-чуть игриво добавила она.

Сидоров, тоже невольно улыбаясь, стоял у кровати, смотрел на жену и чувствовал, как его переполняет нежность. Захлестывает! Как сердце буквально рвется на части от любви, и к горлу подкатывает ком.

Он был безумно влюблен в свою жену, влюблен, как мальчишка. Любил ее, боготворил... Нет, все не то! Он чувствовал, что нет в языке человеческом таких слов, чтобы передать хоть как-то его чувства. Как нет слов, чтобы описать ветер, огонь, воду... Ему казалось, что от его жены, от его Настеньки исходит какой-то тихий, мягкий внутренний свет, какое-то душевное тепло. И он искренно удивлялся, когда замечал, что другие этого не видят, не чувствуют.

Ему нравилось в ней все. Каждая ее черточка, каждое движение, каждый жест. Как она говорит, смотрит, смеется. Они женаты были уже почти два года, а его любовь, страсть к ней

не только не слабели, а как будто даже напротив, росли, усиливались. Она всегда, с самой первой их встречи казалась ему каким-то совершенно особым, высшим, неземным существом, словно случайно залетевшим сюда из совсем-совсем другого мира — неведомого, загадочного и прекрасного. Абсолютно не похожей на всех остальных, обычных, земных женщин. Словно слепленной из какого-то иного теста.

Грин... Ассоль... «Алые паруса»... Или даже нет! некоторые его самые первые, ранние, пронзительно-нежные рассказы. Где мужчин и женщин иногда и совсем не называют по именам. Просто Он и Она.

Гумилев... Звонящие, как хрусталь, как льдинки в бокале, удивительные, невероятные, кристально-прозрачные строки:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд.
И руки особенно тонки, колени обняв...
Послушай! Далеко-далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф.*

Сидоров порой твердил про себя эти прекрасные, невыразимо-печальные бессмертные стихи, но чувствовал, что даже и их ему недостаточно. Даже и они казались ему недостаточно глубокими и нежными.

Его чувства к Настеньке были еще сильнее, еще глубже, еще возвышенней. Он благодарил судьбу за то, что ему посчастливилось встретить в жизни такую любовь, и одновременно боялся своего счастья.

Ведь если с Ней, с его Настенькой что-нибудь случится... Он просто не представлял себе, что с ним тогда будет. Не мог представить.

Мир рухнет, и солнце погаснет! Время остановится и прекратит свое течение.

Да нет! Этого же просто не может быть. Никогда. Бог милостив. Он этого не допустит.

И он лег рядом со своей женой, обнял ее и начал целовать, ласкать и шептать все то, что всегда, во все времена, шепчут мужчины женщинам, которых любят. И они были близки друг с другом, как только могут быть близки друг с другом люди, как только могут быть близки друг с другом муж и жена. И они кричали от наслаждения, и они были молоды, и они были счастливы. И он любил ее, а она любила его. И не было в тот момент на земле людей, счастливей их. И они верили, что так будет всегда. Что так будет вечно. Что счастье их никогда не прервется. Ведь Бог милостив. Он этого не допустит.

2.

Ровно в два часа дня, ни минутой не раньше и не позже, в дверь позвонили. Сидоров, который маялся с утра и давно уже, сгорая от нетерпения, ждал этого звонка (а последние минут пятнадцать так просто не отходил от двери!), сразу же открыл.

(Он вообще весь день не находил себе места, ничем не мог заниматься и лишь бесцельно слонялся по комнатам из угла в угол. Никогда еще время не тянулось для него так медленно. Казалось, стрелки часов замерли, прилипли к циферблату и почти не движутся. А с часу дня — что они и совсем остановились.)

Настенька же, между тем, напротив, восприняла все, как ни странно, гораздо равнодушной и хладнокровней — спокойно занималась своими домашними делами и лишь, время от времени, добродушно посмеивалась над мужем, глядя, как он целый день мечется по квартире как угорелый.)

На пороге стоял корректный, хорошо одетый молодой мужчина лет тридцати пяти с какой-то коробкой в руках.

— Здравствуйте! Константин Викторович? — вежливо поинтересовался он. — Я из фирмы... — он произнес по-английски что-то длинное. Судя по всему, то же самое, что Сидоров слышал утром от женщины. Запомнившееся ему «интэ-нэйшнл», по крайней мере, там точно присутствовало.

— Да-да, пожалуйста. Проходите, — Сидоров посторонился, давая гостю пройти. Мужчина вошел и остановился, вопросительно глядя на Сидорова.

— Вот сюда, пожалуйста. Заходите, — заторопился тот, показывая рукой на дверь комнаты, где стоял его письменный стол, и где он обычно занимался. (Сидоров учился на третьем курсе одного из столичных вузов.) — Да не разувайтесь, — добавил он, видя, что гость в нерешительности медлит и ищет взглядом тапочки. — Ничего страшного.

Мужчина вошел в указанную ему комнату, бегло огляделся и, держа перед собой коробку, сразу же направился к письменному столу.

— Сюда, наверное? — полуутвердительно на ходу спросил он, кивая на стол и мельком бросив взгляд на Сидорова.

— Да, ставьте на стол, — сразу же с готовностью, каким-то слегка заискивающим голосом подтвердил Сидоров, глядя во все глаза на коробку и чувствуя себя ребенком, к которому пришел Дед Мороз с подарками.

Мужчина молча поставил коробку на стол и начал аккуратно и профессионально, быстрыми и точными движениями ее распаковывать.

— Здравствуйте! — Сидоров и не заметил, как Настенька вошла в комнату.

— Здравствуйте, — мужчина на секунду приостановился и поднял на нее глаза. Настенька подошла и встала рядом с мужем. Мужчина некоторое время молча на них смотрел, потом опустил глаза и снова занялся своей коробкой.

Еще несколько движений — и он бережно достал оттуда какую-то непонятную черную полусферу. Сидоров, замирая от любопытства, подошел поближе и увидел, что это нечто вроде мотоциклетного шлема, только на вид менее массивное и гораздо более изящное.

— Где у вас тут розетка? А-а!.. вон, вижу, — мужчина размотал шнур, сунул его в розетку и пощелкал на шлеме какими-то кнопками. — Теперь его надо настроить. Садитесь, пожалуйста, в кресло и наденьте его. Вот так, — он показал Сидорову, как одевать шлем. — Да, вот так. Все нормально? Удобно? (Шлем сидел на Сидорове, как влитой. Он абсолютно не чувствовался и практически ничего не весил. Как будто его вообще на голове не было). Хорошо, можете снимать. Теперь Вы, пожалуйста, — мужчина приглашающе посмотрел на Настеньку. Та, неуверенно улыбаясь, в нерешительности взглянула на Сидорова, который в ответ лишь пожал плечами и ободряюще кивнул, и так же нерешительно села в кресло. Мужчина протянул ей шлем, и Настенька медленно и аккуратно, чтобы не помять прическу, его одела.

— Все, можете снимать.

— Все? Что, уже?

— Да-да, снимайте.

Настенька все таки же тщательно и неторопливо сняла шлем и протянула его стоящему перед ней представителю фирмы. Тот взял его у нее из рук, что-то на нем нажал и положил на стол.

— Ну вот, подготовка закончена. Сейчас система загружается. Реально это займет часа три-четыре. Когда все закончится, погаснет вот эта красная лампочка... Да-да, вот эта. Видите, сейчас она горит. Как только погаснет — можете работать.

Так, что еще... Работает либо от сети, либо от аккумулятора. Аккумулятора хватает на сутки. Потом надо подзаряжать. Вообще-то лучше пусть он у вас все время будет в сеть вклю-

чен, когда вы им не пользуетесь. Чтобы аккумулятор не разрядился. Кнопок никаких нажимать не надо. Кончили работать, сняли, положили на стол — и все.

Система постоянно самонастраивается и модифицируется с учетом поступающей внешней информации. (Сидоров с каким-то прямо-таки благоговейным трепетом взирал на лежащее перед ним на столе чудо современной компьютерной техники. Это надо же: «самонастраивается», «модифицируется»... Ну и ну! Ладно, посмотрим).

Я настроил систему на вас обоих. Теперь только Вы и Ваша жена сможете ею пользоваться.

(«Черт! — мелькнуло в голове у Сидорова. — Значит, что же, продать не удастся? Ну, да там видно будет. Разберемся!»)

— А как ею пользоваться? Там хоть инструкция какая-нибудь есть? — несколько разочарованно поинтересовался Сидоров. (Возиться теперь придется еще с этой перенастройкой... Лишние хлопоты, лишние расходы. На нас он, видите ли, настроил, мудака! Кто его просил?)

— Управлять очень просто, и никаких инструкций вам не потребуется. Просто наденьте шлем — и все. Если что-то будет неясно, спросите прямо у компьютера, и он вам все подробно объяснит. Ну, в общем, научитесь. Никаких проблем у вас, я уверен, не возникнет. В крайнем случае — звоните! — мужчина протянул Сидорову визитку, быстро упаковал пустую коробку, похлопал по ней руками и оглянулся, ища, куда бы ее поставить. — Главное, ничего не трогайте и не пытайтесь вскрывать панель. (Как же! Размечтался!) — Иначе все сотрете. (Ладно, «сотрете»!... Авось, не сотрем. Наши умельцы все в лучшем виде сделают. Бабок только жалко.) Это новая модель, ноу-хау. Пользоваться можно, но внутрь лазить нельзя. Ну, сами понимаете, — мужчина, так и не найдя подходящего места, оставил коробку прямо на столе, рядом со шлемом.

— Так система моя? Фирма мне ее дарит или просто дает на время пользоваться? — на всякий случай благо разумно уточнил Сидоров.

— Ваша, ваша! Она Ваша,— мужчина взглянул Сидорову прямо в глаза и почему-то усмехнулся. — Фирма Вам ее дарит. Навсегда. Вы ее выиграли. Пользуйтесь на здоровье! Надеюсь, Вам понравится, — он снова взглянул в глаза Сидорову и опять чему-то усмехнулся.

— Да что это хоть такое-то!? — взорвался наконец Сидоров. (Что это, действительно, за дела!? «Сами разберетесь!..», «Компьютер все объяснит!..». А ты-то тут тогда зачем?! Специалист хренов!) — Я думал, Вы мне все расскажете...

— Игра! Разве Вам утром не сказали? Игра. Это всего лишь игра.

3.

Через три с половиной часа, когда проклятая красная лампочка наконец-то погасла (Сидоров успел ее за это время просто возненавидеть! Ну сколько можно «загружаться»? Что это за система такая? Противоракетной обороны, что ли? И где она, кстати сказать, уместается? Вместе с аккумулятором? Шлем-то совсем тонюсенький, почти невесомый), Сидоров осторожно взял со стола шлем и в нерешительности повертел его в руках.

(Настеньке к этому моменту давно уже надоело ждать, и она беспечно упорхнула куда-то «по своим делам» — то ли к парикмахеру, то ли к косметологу.)

Ну что? Одеваем?.. Или, может, лучше на кровать в нем лечь?.. Да нет, сначала так попробую. В кресле. Ну? С богом, что ли? Одеваем!

И Сидоров, с радостным нетерпением и предвкушением неведомых чудес, слегка дрожащими руками аккуратно водрузил шлем себе на голову.

И тотчас же, в то же самое мгновение, в кресле напротив внезапно опять возник его давешний посетитель. Тот самый мужчина, представитель фирмы, который приходил утром и принес шлем. Он был одет в тот же самый костюм, сидел, вальяжно раскинувшись и закинув ногу за ногу, и, глядя в потолок, неторопливо курил какую-то немислимой красоты сигару. В воздухе отчетливо запахло дорогим табачным дымом.

Сидоров, вытаращив глаза, некоторое время в полном ошеломлении молча смотрел на него.

— Ну-ну-ну, дорогой Константин Викторович! — все так же не глядя на Сидорова, снисходительно усмехнулся наконец его неожиданный гость. — Что это Вы, право? Не надо уж так болезненно реагировать. Вы всего-навсего находитесь сейчас в игровом пространстве. В виртуальной реальности. Только и всего.

Снимете шлем — и я исчезну. Снимите! — вдруг резко приказал он.

Сидоров, ни секунды не раздумывая, сразу же послушно снял шлем. Мужчина мгновенно исчез. В комнате никого не было. Никакого запаха тоже больше не чувствовалось. Сидоров сидел один за столом в пустой комнате, держал в руках шлем и тупо смотрел на стоящее напротив пустое кресло. Потом бережно положил шлем на стол, в полной прострации встал, подошел к креслу и, сам не зная зачем, машинально погладил рукой обивку.

После чего опять вернулся на свое место и, даже не понимая толком, что делает, вновь надел шлем.

Мужчина так же мгновенно появился снова. На том же самом месте и в той же самой позе. Казалось, он никуда и не исчезал. Табачный дым снова пополз по комнате.

— Ну что, убедились? Ладно, давайте к делу, — мужчина поискал глазами, куда стряхнуть пепел, и, не найдя ничего подходящего, стряхнул его в конце концов прямо на ковер.

Сидоров с некоторым недоверием следил за всеми этими его манипуляциями.

Это еще что за хамство? — невольно пришло ему в голову. — Только, блин, ковер пропылесосили!..

Мужчина поймал его взгляд и опять усмехнулся.

— Да не беспокойтесь Вы за свой ковер! Это же все нереальное. Виртуальный мир, виртуальный ковер... Вообще не отвлекайтесь на пустяки! Давайте-ка я Вам лучше объясню суть игры.

— Подождите-подождите! — собрался наконец с мыслями Сидоров. — А Вы-то кто такой? И как Вы здесь вообще оказались?

— Я? Я всего лишь компьютер. Могли бы, Константин Викторович, и сами догадаться, — мужчина насмешливо смотрел на Сидорова, по губам его блуждала легкая ироническая улыбка. — Внешний вид и чисто личностные черты — просто прихоть нашего программиста. Впрочем, если хотите, я могу их изменить. Может, так?

Сидоров моргнул. В кресле напротив сидела ослепительная молодая красавица, будто только что сошедшая прямо с обложки модного журнала, с роскошными длинными пепельными волосами, которыми она небрежно играла одной рукой, лукаво поглядывая на Сидорова из-под полупущенных кукольных ресниц.

— Или так? — серебряным голоском проворковала она.

Сидорову захотелось протереть глаза. На месте красавицы оказался теперь совсем молодой, неряшливо одетый парень, на вид даже моложе самого Сидорова.

— Слышь, братан! — развязно начал он, обращаясь к Сидорову. — Ща я тебе все тут разрулю. Чтоб никаких непоняток у нас не было.

— Нет-нет! — поспешно произнес Сидоров и облегченно вздохнул, увидев опять привычный ему уже образ с сигарой в руке. — Вы меня вполне устраиваете, — твердо закончил он.

Ну, положим, на самом-то деле, красавица, может, «устроила» бы Сидорова и гораздо больше, но у него возникло вдруг какое-то странное ощущение, что никакой это не компьютер принимает разные, заложенные в него, обличья, а просто-напросто сидящий перед ним мужчина превращается по своему желанию в кого угодно: в девушку,.. в парня... Что именно он настоящий, а все остальные — нет. Бред, конечно, но Сидоров ничего не мог с собой поделать. Кокетничать же с девушкой, внутри которой сидит мужчина... Точнее, с мужчиной, превратившимся в девушку... Точнее... Тьфу ты, черт! В общем, ну ее на фиг!

— Как угодно, как угодно! — мужчина выпустил изо рта струйку дыма, задумчиво проследил взглядом, как она поднимается к потолку и только потом посмотрел наконец на Сидорова. — Итак, дорогой Константин Викторович, — оценивающе разглядывая Сидорова, неторопливо начал он, — игра называется... «Искушение». Да,.. «Ис-ку-ше-ние», — растягивая гласные в слогах, медленно повторил он, как бы пробуя это слово на вкус и улыбаясь каким-то своим мыслям. — Именно! Именно «Искушение»! — весело продолжил он. — Ну-с, суть ее в следующем... Вам как, кстати, удобнее, чтобы я говорил впредь о компьютере? От первого лица, как о себе, то есть: я, или от третьего: он?

— Говорите: я, — разрешил Сидоров.

— Хорошо. Так вот, днем я просканировал Вас и Вашу жену. И теперь знаю о вас обоих фактически все. Абсолютно! Даже больше, чем вы сами. (Что за ерунда! — беспомощно подумал Сидоров, но внутри у него все похолодело.) Да нет, Константин Викторович, не ерунда! (У Сидорова отвалилась челюсть.) Видите, я и сейчас все Ваши мысли спокойно читаю. Последние разработки нашей фирмы... Ну, не важно. Технические детали мы сейчас опустим. Просто примите это пока как факт, вот и все. Если Вам потребуются потом доказательства, я Вам их охотно представлю.

Итак, суть игры в следующем. Вы должны угадать, как поведет себя Ваша жена в той нестандартной ситуации, которую я сейчас смоделирую.

(Сидоров хлопал глазами и чувствовал себя полным дураком. Он был по специальности гуманитарий и всю эту специальную терминологию на слух воспринимал с трудом. «Смоделирую!» Что это вообще значит? Какую это еще «нестандартную ситуацию»?)

Короче, давайте-ка лучше сразу перейдем от слов к делу, — сжалился наконец над ним его собеседник, видимо, поняв его состояние.

(Сидоров испытал при этом какую-то унижительную неловкость, которую всегда испытываешь, когда разговариваешь с человеком, который заведомо умнее тебя, и знаешь при этом, что и он это прекрасно понимает. А потому и не ждет от тебя никаких возражений. Просто терпеливо втолковывает тебе, как малому, неразумному дитяти, какие-то совершенно, по-видимому, очевидные для него вещи, а ты не успеваешь за ним следить, стесняешься в этом признаться, а потому только слушаешь с умным видом да послушно киваешь.)

Просто сыграем для начала разочек, и Вы сами сразу же все поймете. Договорились?

— Хорошо. Давайте попробуем, — нехотя выдал из себя Сидоров. Его начинало охватывать какое-то неясное беспокойство. Что все это значит? Что это за компьютер такой? Нет таких компьютеров!

Хотя, черт его знает! Может, уже и есть... Какие-нибудь там сверхсовременные разработки. Супер-пупер! Искусственный интеллект, мать его за ногу! Чего я об этом вообще знаю? Да ничего! Я же не специалист. (Сидоров и в обычной-то технике разбирался довольно слабо. А уж чего там о компьютерах-то говорить!)

И кстати! Он что же, и эти мои мысли сейчас читает!? — внезапно пришло ему в голову, и он испытующе посмотрел на

сидящее перед ним существо. Мужчина (или кто он там?) равнодушно следил за ним, но у Сидорова появилось крайне неприятное ощущение, что он, Сидоров, насквозь прозрачный. Какая-то, лежащая под микроскопом, то ли амеба, то ли тифелька, которую сейчас вдумчиво и неторопливо со всех сторон изучают и разглядывают на предмет наличия-отсутствия у нее всяких там ресничек и ложноножек, или что там еще у них, амеб, есть?

Сидоров невольно поежился. То веселое оживление, с которым он несколько минут назад одевал шлем, бесследно исчезло. В голове у него все перемешалось. Он уже и сам не знал, чего он хочет. Хочет он играть в такую игру или нет? Может, лучше снять сейчас шлем и немного подумать?

— Ну, как? Вы готовы? — вежливо поинтересовался у него его визави. — Начинаем?

— Да, — махнув рукой, обреченно пробормотал Сидоров, опуская глаза и уже чувствуя в душе, что совершает какую-то непоправимую то ли глупость, то ли ошибку, но не имея сил, просто стесняясь отказаться. — Начинайте!

4.

Комната исчезла. Сидоров вдруг увидел свою жену, Настеньку, выходящей из подъезда их дома. Сам он как будто невидимо следовал рядом с ней буквально в нескольких шагах.

Настенька куда-то торопилась. Вот она выбежала на дорогу и стала отчаянно махать рукой, пытаясь поймать машину.

Сидоров с неприятным удивлением наблюдал за ней. Он неожиданно поймал себя на мысли, что выглядит она со стороны, в сущности, как самая заурядная бабенка, обычная телка, голосующая на обочине, каких он видит ежедневно пачками, когда едет на работу. Так же точно нелепо мечется и суетится, как потревоженная курица. Разве что не кудахчет и не хлопает

крыльями. Да и вообще, для Ассоль или блоковской незнакомки слишком уж активно жестикулирует.

Сидорову почему-то всегда казалось, что по улицам его бесценная, драгоценная и несравненная любимая не ходит, а неслышно скользит, потупив взор, не смотря по сторонам и лишь загадочно улыбаясь каким-то своим, одной только ей ведомым, таинственным и непостижимым мыслям. А по городу передвигается не на общественном транспорте, а как-то так... Сама собой оказывается там, где надо. По мановению волшебной палочки. Порхает, в общем, как фея.

Глупо, конечно, но он только сейчас это понял. Раньше он как-то над всем этим не задумывался.

Внезапно прямо из левого ряда, не обращая внимания ни на какие правила, к его жене резко рванулся шикарный белый лимузин. Кажется, «Мерседес»,.. хотя нет, фары, вроде, другие. Впрочем, Сидоров в этом не очень разбирался.

Такие авто были из какой-то иной, сказочной жизни. Из другого мира. Мира загорелых, холеных, уверенных в себе миллионеров, яхт, трехэтажных вилл, дорогих ресторанов и шиншиловых шуб. Мира, где люди всегда беззаботны, веселы и счастливы, где вообще не существует никаких проблем.

Чудо-автомобиль с визгом затормозил возле Настеньки. Дверца его приоткрылась, Сидоров заглянул внутрь и лишился дара речи.

На него (точнее, на его жену) смотрел, улыбаясь, самый настоящий сказочный принц. Юный, беспечный, свободный, прекрасный и безумно богатый. Это чувствовалось сразу. В общем, идеал. Живая мечта. Если бы Сидоров был женщиной, он бы сам в него немедленно влюбился и кинулся на шею. Он даже и не подозревал до сих пор, что такие люди вообще существуют. Это было просто несправедливо.

Сидоров, похолодев, смотрел, как его жена садится в машину, как она оживленно болтает и строит глазки этому,.. этому...

Сидоров, задыхаясь от зависти и ревности, хотел найти в своем неожиданном, как снег на голову ему свалившемся сопернике хоть какой-нибудь изъян — и не мог.

Незнакомец был безупречен. Великолепен! Сдержан, учтив, изящен, утонченно-вежлив и к тому же еще, как оказалось, находчив и остроумен. По крайней мере, сам Сидоров поддерживать с дамой такую легкую, тонкую и прядную беседу ни о чем («causerie» — всплыло у него в памяти прочитанное где-то подходящее французское словечко) никогда бы не сумел.

«С дамой»!.. Твою мать! — выругался про себя Сидоров. Он чувствовал себя каким-то неуклюжим, неотесанным мужланом, вахлаком, простолюдином, со злобным пыхтеньем наблюдающим со стороны, как блестящий молодой граф или маркиз прямо у него на глазах соблазняет его красавицу-жену. Просто так, от скуки, мимоходом, небрежно шутя, оказывает ей знаки внимания, заранее уверенный в успехе и ничуть не сомневаясь в собственной неотразимости.

«Красавицу»!.. Как же! Не такая уж она, оказывается, и красавица, — вдруг злорадно подумал Сидоров, разглядывая сидящую бок о бок сладкую парочку. Действительно, на фоне потрясающего, ошеломляющего, поражающего воображение, блистательного принца (Сидоров против воли называл его теперь про себя именно так) его драгоценная Настенька сразу же поблекла, полиняла и выглядела просто какой-то невзрачной серой мышкой. На сказочную принцессу, по крайней мере, она, прямо скажем, уж явно не тянула.

Какие у нее, однако, вульгарные черты лица. И нос... Никогда раньше не замечал, — снова подумал Сидоров.

Он чувствовал, что все эти мысли доставляют ему какое-то извращенное, злое удовольствие.

То-то же! Тоже мне, принцесса!.. Ага! Как же! Со свиным рылом да в калашный ряд! Принца ей, видите ли, захотелось!..

Пустите нашу Дуньку в Европу! Сучка! Стоило тебя, значит, поманить... Обычная шлюшка. Как и все они. Правильно говорят: все бабы шлюхи. Дуры и шлюхи. Дура тупая! Курица безмозглая! Нужна ты ему! Ты на себя посмотри! — в бессильной ярости бормотал про себя Сидоров, наблюдая, как его дорогая Настенька договаривается вечером пойти в ресторан, как потом с невинным видом врет ему (компьютерному) про какую-то там работающую допоздна парикмахершу-маникюршу (а он, тупица, болван и идиот, всю эту глупейшую бабскую галиматью и ахиною — ну какие, скажите на милость, по ночам парикмахеры!? — со счастливым видом, развесив свои ослиные уши, хакает да еще и радостно поддакивает при этом: ну, конечно, милая Настенька! — дебил!!!), как...

В общем, через неделю все было кончено. Еще несколько встреч, прогулок, ресторанов («день рождения подруги», «мама заехать вечером просила» и прочее в том же духе) — и вот уже его ненаглядная, очаровательная женушка с бокалом шампанского в руке («Ассоль», блядь!.. Тварь! Сука!), обнимаясь и целуясь на ходу со своим новым приятелем, поднимается к нему в его роскошную спальню. Дверь спальни целомудренно захлопывается у Сидорова перед носом. «Конец игры».

5.

Сидоров вновь обнаружил себя сидящим в кресле за столом. В соседнем кресле все так же, небрежно закинув ногу за ногу, сидел, развалясь, этот чертов человек-компьютер и невозмутимо следил за ним. Сам же Сидоров сидел сгорбившись, отрешенно глядя перед собой и чувствовал себя совершенно уничтоженным, раздавленным и потерянным.

Жизнь потеряла всякий смысл. Все, чему он верил... Жена, любовь, семья... Все вдруг рухнуло. Ему казалось, что он наяву

слышит, как тихонько шуршат и позвякивают, сталкиваясь друг с другом, осколки его разбитой вдребезги жизни... Все тише и тише... Но вот, наконец, все и совсем стихло.

— К сожалению, Константин Викторович, Вы проиграли, — нарушил воцарившуюся в комнате тишину уже хорошо знакомый Сидорову спокойный голос. — Я внимательно следил за Вами. Вы смогли предугадать поведение своей жены лишь со степенью достоверности около 20% (Сидоров слушал, как замороженный. Голос собеседника долетал до него откуда-то издалека, как сквозь вату). Впрочем, — мужчина-компьютер сделал паузу и неторопливо выпустил несколько безукоризненных колечек ароматного сигарного дыма, — могу Вас поздравить. (Сидоров поднял голову.)

У Вас замечательная жена. Удивительная женщина! Продержаться целую неделю! Невероятно!

(Сидоров с каким-то болезненным недоумением смотрел на сидящего перед ним... человека?... компьютер?... персонаж игры?... ну, в общем, существо. Он что, шутит?)

Да нет-нет, Константин Викторович, я не шучу! Что Вы! — успокоительно заметил тот. (А, ну да... Конечно... он же мои мысли читает, — вяло сообразил Сидоров. Впрочем, ему было уже все равно. Не до этого. Ну, читает и читает. Даже удобней.)

— Действительно фантастика, — мужчина покачал головой. — Первый раз с таким сталкиваюсь. Даже не думал, по правде сказать, что такое вообще возможно!

— А обычно сколько? — заторможенно поинтересовался Сидоров. — Обычно сколько... держатся?

Ему было все-таки интересно. («Держатся!» — слово-то какое дурацкое! Прямо, блядь, Брестская крепость в осаде. «Сколько мы еще продержимся?» Вот блядство!)

— Обычно несколько часов. Ну, день-два, максимум. Хотя два — это уже очень много. Но неделя! — мужчина опять не-

доверчиво покачал головой. — Чудеса! Вы, Константин Викторович, должны свою жену на руках носить. Это совершенно исключительная женщина. Одна на миллион.

(Врать-то мне эта совершенно исключительная женщина в тот же день начала! — с внезапно проснувшейся злобой вдруг подумал Сидоров. — А через неделю уже дала. Первому же встречному на дорогой тачке, который ее пальцем поманил. Сссука! Чем она там с ним сейчас занимается, интересно? В его суперспальне? Сосет уже, наверное? Его суперчлен?)

Да ничем Ваша жена сейчас ни в какой суперспальне ни с кем не занимается! — укоризненно проговорил мужчина. — Это же всего лишь игра. Иг-ра. Виртуальная реальность. Ничего этого в действительности не было!

— А если бы было? — упрямо переспросил Сидоров. — Если бы ей действительно встретился такой вот... на белом «Мерседесе?»

Мужчина молча пожал плечами.

— Понятно. Значит, неделя, говорите? На неделю бы еехватило? Ее вечной любви? (Тварь!! Тварь, тварь, тварь!) А что это, кстати, за красавчик? Почему он именно такой? Именно так выглядит? И именно на такой долбаной тачке? Стандартная мечта всего этого распроклятого гнусного бабья?

— Нет. Это персонифицированный образ идеального мужчины именно Вашей жены.

(Сидоров испытал еще один сильнейший удар. Так вот, значит, о ком она мечтает?.. А за меня тогда чего ж вышла? Вот и ждала бы его. Принца своего на белом Мерине. А то: люблю!.. ах!.. милый-дорогой!.. Замуж просто срочно выскочить надо было! Замуж! Вот и все. Возраст-с.)

— Ну что Вы, как ребенок! — снова вмешался в его невеселые размышления компьютер. — Таких людей в жизни не бывает. Да и ситуаций тоже. Это же просто чисто игровая, специально под Вашу жену подстроенная и смоделированная по-

том, идеальная ситуация. Только и всего. В реальной жизни она никогда не возникнет. Вам абсолютно не о чем беспокоиться.

(Н-да... — подумал Сидоров. — Так-то оно так... Ваша жена, конечно, шлюха, но не огорчайтесь. Соседским алкашам она не по карману. А даром она никому не даст. Так что Вам абсолютно не о чем беспокоиться!)

Сидоров подсознательно ожидал услышать новые утешения и возражения на эти свои мысли, но компьютер молчал. Сидоров вопросительно поднял глаза. Сидящий перед ним мужчина насмешливо смотрел на него, сардонически ухмыляясь.

— Кто Вы? — внезапно охрипшим голосом глухо спросил Сидоров и облизнул пересохшие губы. — Никакой Вы не компьютер!

Мужчина, ничего не отвечая, встал, подошел к окну, заложил руки за спину и стал молча смотреть на улицу.

— Если хотите еще что-то спросить, Константин Викторович, — спрашивайте, — наконец проговорил он. — Я Вас слушаю.

— Кхе,.. кхе... — неуверенно откашлялся Сидоров.

Он почему-то вдруг почувствовал себя смущенным и не знал, о чем, собственно, говорить и как вообще теперь вести себя дальше. А как прикажете вести себя с ... человеком, ну, пусть даже не с человеком — с компьютером, не важно! словом, с существом, которое видит вас насквозь, всего, вплоть до самых ваших тайных, интимных, сокровенных и, как вы до сих пор считали, только лично вам принадлежащих мыслей, мыслишек, желаний и желаньишек. Да с ним, с этим существом, не разговаривать надо, а бежать от него, куда глаза глядят!

Что же касается вопросов, то он уже на сегодня наспрашивался. Хватит! Того и гляди, еще что-нибудь новенькое узнаешь. Про себя или про свою дражайшую половину. Про супружницу свою ненаглядную, черти бы ее побрали! Про любовь-морковь и про весь этот преподлый бабский род!

— Так, значит, говорите, только с идеальным партнером?.. — через паузу все же промямлил он, ища для себя пути отступления и пытаясь хоть как-то оправдать Настеньку. В конце концов он что-то действительно раньше не замечал, чтобы сказочные принцы на белых «Мерседесах» по их захолустью толпами раскатывали...

— Отнюдь! — мужчина оторвался от созерцания улицы и вполоборота сбоку посмотрел на Сидорова. — Разве я это говорил? Ничего подобного.

— Что значит «ничего подобного»?! — Сидоров почувствовал, что стены комнаты внезапно закачались, а пол уплывает у него из-под ног. — Как это «ничего подобного»? Не хотите ли Вы сказать?.. Не хотите же Вы сказать?.. Она что, и с неидеальным могла бы? — совсем тихо, еле слышно прошептал он, уже заранее зная ответ. — И с обычным мужиком?..

— Разумеется. Вопрос времени и затраченных усилий, — мужчина еле заметно пожал плечом. — Ну, не через неделю, естественно. Неделя у Вашей жены — минимальный срок. Поверьте, это очень хороший результат. Очень! — с нажимом повторил он, внимательно глядя на Сидорова. — Большого от женщины требовать вообще невозможно. Вы уж поверьте мне на слово.

— Да... Да... — пробормотал Сидоров. — Хорошо... Знаете, я устал, что-то... Я, пожалуй, закончу пока на этом... Сниму шлем...

— Да, конечно, — вежливо откликнулся мужчина?.. компьютер?.. — До свидания, Константин Викторович.

— До свидания, — машинально повторил вслед за ним Сидоров и снял шлем.

6.

Его собеседник исчез. Больше в комнате ничего не изменилось. Сидорову почудилось в этом нечто символическое. Как будто это было наглядным подтверждением того, что грань

между реальным миром и тем виртуальным, где он только что побывал, крайне зыбка. А зачастую и вообще неразличима. Существует только в сознании.

Ведь стоит лишь представить себе, что к нему только что приходил реальный человек и показывал ему реальные видеоматериалы про похождения его любимой женщины...

От этой мысли Сидорову захотелось завывать.

Так было это все-таки или не было? С одной стороны, он ясно понимал, что нет! конечно, не было. Но с другой, так же ясно понимал теперь, что не было только потому, что случая до сих пор его милой Настеньке подходящего не представилось. Не подвернулось. Никто ею пока всерьез не занимался. Руки просто до сих пор до нее ни у кого не доходили. Других же баб кругом полно. Ничем не хуже. Так что в очередь, дорогие дамы, в очередь! Не толпитесь! Обслужат всех. В свое время. Как там говорил этот проклятый компьютер? «Вопрос времени и затраченных усилий», «неделя — прекрасный результат!»?

Дьявол!! Сидоров изо всех сил стукнул кулаком по столу. Шлем с глухим стуком подпрыгнул и чуть не упал. Сидоров смотрел на него, как на гремучую змею.

Подумать только! Еще вчера!.. да что вчера! еще сегодня утром он был счастливым человеком, счастливейшим из смертных! любил, обожал, боготворил свою жену, сдувал с нее пылинки и считал каким-то высшим существом из другого мира! Стихи ей читал. Гумилева, блядь!

Ты плачешь?

Послушай, далеко-далеко, на озере Чад

Изысканный бродит жираф.

Да по хую ей жирафы! Ты ей лучше скажи, где ее хахаль дорогой бродит. На белом Мерсе рассекает. Тогда она сразу успоко-

ится, плакать перестанет и сосать к нему побежит. Ну, не сразу, конечно. Через неделю. Прекрасный результат! Твою мать!!!...

Сидоров почувствовал, что лицо у него все мокрое от слез. Он посидел еще немного и пошел в ванную умываться. Умывшись, Сидоров не стал возвращаться в комнату, а зашел на кухню и включил чайник, а сам подошел к окну и стал смотреть на улицу. («Как компьютер этот, — невольно подумалось ему. — Руки только за спину заложить осталось...»)

Возвращаться в комнату он просто боялся. Шлем притягивал его к себе, как магнит. Ему все время хотелось опять его надеть. Опять пообщаться с этим чудовищным компьютером... Поговорить с ним о своей жене, о всей этой ситуации... Пусть он его опять поутешает.

Что все это, мол, не по-настоящему. Это же всего лишь игра! Мираж! Виртуальная реальность. Что это Вы, Константин Викторович, так разволновались? Да и вообще, неделя — это прекрасный срок.

Сидоров почувствовал, что слезы снова наворачиваются ему на глаза. Эх, Настенька, Настенька!.. Ну, почему?! Почему? Как ты могла? Я же тебя так любил! А ты....

А кстати, существует ли вообще в мире любовь? Настоящая любовь! Вечная. Которая «сильна как смерть». Или все это просто красивые сказки? Надо будет спросить. У этого монстра. Он же все знает. Знает наверняка и это. Все мне объяснит и по полочкам разложит. Обязательно спрошу. Только не сейчас. Сейчас мне надо самому подумать. С мыслями собраться и подумать. Пока время есть. Пока Настенька не пришла.

Как мне вообще теперь себя с ней вести и как общаться? По-прежнему я уже не смогу, а как? Люблю ли я ее?.. Сам не знаю... Так, как раньше... Нет, не люблю. В прошлом все это, и больше уж этого не вернуть. Никогда. Между нами теперь всегда этот проклятый шлем будет и хлыщ этот... Черти бы его побрали!! Ну чем, чем он лучше меня?!

(Да всем! — тут же насмешливо ответил он сам себе. — Сам же знаешь.)

Черт! Черт-черт-черт! Сидоров не выдержал, плюнул на чайник (пес с ним, с этим чаем!) и, проклиная самого себя, понуро полпелся назад в комнату. Сел в кресло и большим, расслабленным движением натянул, или скорее даже нахлобучил на себя шлем.

Его новый знакомый все так же неподвижно стоял у окна, с заложенными за спиной руками, в той же самой позе, в какой Сидоров его оставил, расставаясь. Казалось, он так и простоял здесь все это время, не шевелясь и никуда не отлучаясь, покуда Сидоров тусовался в ванной и на кухне. На новое появление Сидорова он никак не отреагировал. Как будто даже и не заметил.

— Я вот что хотел сп-просить... — запинаясь от волнения, с ненавистью глядя на неподвижно застывший в проеме окна темный силуэт, начал Сидоров, еще сам не зная толком, о чем он, собственно, собирается «спрашивать»? О вечной любви? Есть ли на свете настоящая любовь? Все ли кругом рогатые или это только ему так повезло? Как будто ему от этого легче станет! А что? может, и станет... Хотя нет, не станет... Ничего ему теперь уже не поможет. Бесполезно. Будь ты проклят!!! Со своей сатанинской игрой.

— Вы совсем не о том сейчас думаете, Константин Викторович, — все так же не поворачиваясь, вдруг неожиданно перебил его собеседник.

— Что?! — растерялся Сидоров. — Простите?..

— Я говорю: Вы не о том сейчас думаете, — мужчина расцепил руки и повернулся лицом к Сидорову.

— Почему?.. — заранее обмирая от какого-то страшного предчувствия, неслышно, одними губами, переспросил тот. (Господи! Что? Что еще может случиться?)

— Потому что ровно через ... — мужчина взглянул на часы, — 3 минуты 8 секунд Ваша жена вернется домой, и ей вдруг ужасно захочется надеть шлем. Такой вот у нее будет неожиданный каприз. Вы ведь ей разрешите? Попробовать? —

мужчина сделал паузу, иронически взглянул на Сидорова и, не дождавшись ответа, продолжил. — Впрочем, помешать Вы ей все равно не сможете. Лучше даже и не пытайтесь. Женщина,.. что поделаешь... Если уж что-нибудь решила...

Итак, Ваша жена продержалась неделю. Целую неделю! А вот сколько, интересно, продержитесь Вы, уважаемый Константин Викторович? А? Как Вы сами-то думаете? — мужчина сделал еще одну паузу и снова вопросительно посмотрел на Сидорова. Тот сидел, хватая ртом воздух, как вытасченная на берег рыба, не способный вымолвить ни слова. — Поразмышляйте, поразмышляйте-ка пока над этим, уважаемый Константин Викторович!.. Только не слишком долго. Не дольше... — мужчина кинул еще один небрежный взгляд на часы, — сорока семи секунд. А потом, после игры, если захотите, мы с Вами порассуждаем и о вечной любви. Вы же именно об этом хотели меня сейчас спросить, не так ли? Ах, любовь, любовь!.. — мужчина театрально вздохнул.

Сидоров по-прежнему сидел как мертвый.

— Ну что ж, прощайте. И знаете, — мужчина вдруг неожиданно подмигнул Сидорову и заговорщически понизил голос, — скажу Вам по секрету. Мне почему-то кажется, что Ваша жена тоже проиграет. Как и Вы. Только с гораздо более, так сказать, разгромным счетом. Неделю Вам не продержаться. Нет! Час от силы. Да и то вряд ли. Несколько минут! Ну да, сейчас увидим. Прощайте.

* * *

В тот же вечер Настенька собрала свои вещи и уехала к родителям, а еще через неделю подала на развод.

Впрочем, Сидорову было к этому моменту уже все равно. Всю неделю подряд он беспробудно пил и вряд ли вообще толком понимал, что происходит.

Разбитый и искореженный шлем валялся в углу. Точнее не шлем, а то, что он него осталось. Узнать в этой безобразной,

бесформенной мешанине торчащих отовсюду осколков пластмассы, кусков металла и обрывков проводов некогда красивое и изящное изделие было практически невозможно.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Зачем Ты мне все это показал?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Ты живешь среди людей. И цели твои среди людей. Людми же движут чувства. Узнай цену этим чувствам - и ты узнаешь цену людям. И ты сможешь тогда добиться всего, чего захочешь.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Разве нет на свете истинной любви?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Одной только любовью душу не заполнишь. Там всегда останется место и для ревности, и для страха, и для ненависти. Для всего того, что делает человека человеком.

Искры этих чувств тоже всегда тлеют в душе и всегда готовы вспыхнуть, достаточно только дунуть.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Он учит Любви. А чему учишь Ты?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Любви нельзя научить. Она либо есть, либо ее нет. А иначе - пусть Он научит Меня.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Так чему все-таки учишь Ты?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Свободе.

И задумался Сын Люцифера и прекратил на время свои расспросы.

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 2-й

И настал второй день.

И сказал Люцифер:

- Сказано: не искушай. И это истинно. Человек не может бороться с искушениями. Он слишком слаб.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- А Христос? Он же выдержал все Твои искушения?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Нет.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Но Он же сумел возразить Тебе?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- А зачем Он возражал Мне? Зачем Он вообще разговаривал со Мной? Он надеялся Меня переубедить?

Он решил, что разгадал Меня и не смог удержаться от искушения сообщить Мне об этом. Это было искушение гордыней, и Он его не выдержал.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Но ведь Он действительно разгадал Тебя? Ты указывал Ему неверные пути.

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- А разве существуют для Бога неверные пути? Для Бога любой путь верный.

Христос мог пойти любым путем. Но Я заставил Его сделать выбор и пойти одним-единственным. И потерять свободу.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Но ведь Он не пошел Твоим путем? Туда, куда хотел Ты.

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Разве? Если хочешь заставить врага пойти направо, посоветуй ему пойти направо. Только и всего. Христос пошел именно туда, куда хотел Я.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Но Он же не поклонился Тебе?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- А почему? Разве для Бога существуют запретные поступки? Тогда это не Бог.

СОН

«Власть развращает, и абсолютная власть
развращает абсолютно».

Лорд Актон

1.

В первую же ночь, когда Алексей Громов остался один в квартире (жену с ребенком он накануне отвез на дачу), ему при-
снился совершенно невероятный, удивительный сон.

Стоило ему только закрыть глаза, как в голове у него вдруг
раздался какой-то странный, непонятный звук: то ли свист, то
ли вой, который начал постепенно все нарастать,.. нарастать,..
нарастать... И когда Алексею уже стало казаться, что голова его
вот-вот лопнет и взорвется, как перезрелый арбуз! все вдруг
резко кончилось. Как будто произошел в пространстве-времени
некий скачок, и он внезапно оказался в каком-то совершенно
ином, другом мире.

Изменился мир, и изменился он сам. Он тоже тут стал иным.

Он медленно, очень-очень медленно, плавно, не делая резких
движений, встал с постели и так же медленно двигаясь, слов-
но в каком-то желе, приблизился к раскрытому настежь окну.
Он знал, что это всего лишь сон, что вот сейчас он прыгнет из
окна и куда-то во сне полетит! — однако ощущения его были
настолько живыми, реальными, настолько реалистичными, все
вокруг было настолько конкретным, зримым и осязаемым, что
он на какое-то мгновенье даже заколебался. Да полно! Сон ли
это? Но только всего лишь на одно мгновенье.

В следующую уже секунду он летел, летел над своим двором,.. все выше, выше, выше!.. все быстрее, быстрее, быстрее!.. В голове опять появился тот же самый, странный пронзительный звук, все нарастающий!!!

И внезапно опять все кончилось.

Алексей вдруг обнаружил себя стоящим в абсолютно пустой, голой комнате, с одной только кроватью посередине. На кровати кто-то лежал. Ничего — ни окон, ни дверей в комнате не было. Пол, потолок и голые стены.

Если до этого момента ощущения Алексея были все же какими-то слегка неясными и размытыми, нечеткими, как это бывает во сне, то с этого мгновенья они стали полностью реальными. Алексей по-прежнему знал, что это сон, но знал он теперь это одним только умом. Чувства же совершенно ясно и недвусмысленно подсказывали ему, что это явь. Он видел, слышал, осязал, обонял запахи. Он попытался ущипнуть себя за руку и чуть не зашипел от боли.

Короче говоря, это была явь, самая что ни на есть настоящая явь; реальность! Самая что ни на есть подлинная-расподлинная реальная реальность! Реальность — и все тут! Хоть ты тресни!

Алексей некоторое время приходил в себя и очумело, в полном ошеломлении крутил головой вокруг (хотя смотреть, собственно говоря, было особенно не на что — комната была пуста), затем нерешительно, не зная, что делать, приблизился к кровати.

На кровати лежала женщина. Она лежала на подушке, укрывшись одеялом, спиной к нему, так что лица видно не было. Алексей на цыпочках, тихо-тихо ступая и стараясь не шуметь, обошел кровать, наклонился и осторожно заглянул спящей в лицо. И тут же чуть не вскрикнул от изумления! Это была Нинка, жена его лучшего друга Васьки Зайцева!

С Васькой они дружили с детства и были, что называется, не разлей вода. За все эти годы, а было им обоим сейчас уже под тридцать, они, в сущности, даже ни разу серьезно и не ссорились.

Васька жил этажом выше. Это был крупный, красивый, спортивный парень. Спокойный, добродушный и немного флегматичный. Имевший, кстати сказать, всегда огромный успех у женщин. Алексей ему даже в этом слегка завидовал. То есть, собственно, это сейчас слегка, а раньше-то, в юности, и довольно-таки сильно. Сам-то он был росточка невысокого, щупленький, маленький, да и вообще внешность имел весьма невзрачную и неказистую. Соответственно, и особым вниманием у прекрасного пола никогда не пользовался.

Нинка, Васькина жена, была тоже девушка яркая и видная, подстать мужу. Высокая, стройная, надменная и, на взгляд Алексея, очень, очень красивая. Шикарная, в общем, девица! Ему самому-то такие девушки всегда были абсолютно недоступны. Ни в институте, когда он был еще студентом, ни позже. Они просто-напросто не обращали на него никакого внимания.

Ваську своего она, судя по всему, очень любила, с Алексеем же, как лучшим другом своего мужа, тоже обращалась довольно дружелюбно, почти дружески.

Но вот как мужчину она его, похоже, вообще не воспринимала. А это ведь обычно всегда чувствуется. Алексей, по крайней мере, чувствовал. Впрочем, он старался на нее особенно не обижаться. Ну, какой он, в самом деле, для нее мужчина? Особенно по сравнению с ее дорогим Васечкой. Начать с того, что ниже на целую голову. Да и вообще... А-а!... Да ладно! Чего говорить.

У самого Алексея жена имела экстерьер, откровенно говоря, весьма и весьма посредственный. Маленькая, слегка полноватая — такая кубышечка! — с жидкими, прямыми, всегда словно сальными какими-то, волосами. Ну, в общем, как говорится... Не фонтан, короче. Она и в девушках-то никогда особенно не блистала, а уж выйдя замуж, и окончательно махнула на себя рукой и перестала за собой следить. Вся ушла в семью, в хозяйство, в дачу, еще больше располнела, да и вообще как-то очень быстро вся огрубела и обабилась.

Алексей последнее время все чаще и чаще ловил себя на мысли, что смотрит на свою жену с какой-то легкой брезгливостью, чуть ли прямо не с отвращением. Хорошо, что хоть в постели нетребовательна и непритязательна. И то слава богу! А то бы вообще труба!

Он и женился-то на ней в сущности только потому, что отчетливо понимал, что ничего лучшего ему не светит и привередничать тут не приходится — по Сеньке и шапка! Хотя, в принципе-то, баба она была неплохая: добрая, веселая, никогда не унывающая, хозяйка была прекрасная, но...

Когда-то Алексею хотелось другого, совсем другого! Хотелось настоящей, серьезной любви, настоящей страсти, подлинных чувств. Хотелось найти свою мечту, встретить Ее!.. Красивую, загадочную, романтическую...

Один раз ему даже показалось, что он Ее встретил. Была у них на курсе в институте одна девочка... Аллочка... Странно, но Алексей даже и не помнил уже сейчас толком, как она выглядела. Была ли она хоть красива? Какие у нее, к примеру, были ноги?.. стройные?.. а грудь?.. Абсолютно ничего! Ничего конкретного. Никаких конкретных воспоминаний.

Один только общий образ. Образ в целом. Какой-то общий романтический флер, ее окутывавший, опутывавший, окружавший... Что-то в ней такое было... Особое... Молчаливость какая-то, что ли?.. Даже не молчаливость скорее, а задумчивость. Или нет! Мечтательность!.. Загадка... Тайна...

Впрочем, Алексей и сам понимал, что все это он, наверное, сам себе напридумывал. По крайней мере, вся эта загадочно-мечтательная романтичность вовсе не мешала ей прекрасно учиться и посещать исправно все институтские семинары и лекции, а на последнем курсе быстренько выскочить замуж — и очень удачно! — за самого, пожалуй, завидного жениха их курса. Здоровенного такого парня — весьма, кстати, неглупо-

го! — из очень, к тому же, обеспеченной семьи. Веселого, шумного, с румянцем во всю щеку. Словом, как в известной песне поется: «А я люблю военных, румяных, здоровенных». При взгляде на которого на ум невольно сразу же приходило выражение: кровь с молоком. Парня, короче говоря, в некотором роде, может, и замечательного — просто как прекрасный образчик здоровой мужской породы — но уж, во всяком случае, совершенно земного, даже приземленного, и от всех этих романтических бредней, загадочностей-таинственностей, меланхолий, всяких там задумчивостей и прочей сентиментальной чепухи: сюсюканий и охов-вздохов — бесконечно далекого.

В общем, собственно, примерно такого же, каким был его друг Васька. Алексею, помнится, это сравнение еще тогда сразу же пришло на ум. И позже, когда Васька женился, его жена Нина чем-то всегда неуловимо напоминала Алексею Аллу. Хотя внешне они были на самом-то деле совершенно непохожи.

Наверное, именно этим своим полным равнодушием и холодностью, именно тем, что ни та, ни другая никогда не воспринимала Алексея всерьез, как мужчину. Именно этой своей недостижимостью и недоступностью.

Да нет! Алексей вовсе не стремился соблазнить жену своего лучшего друга, — боже упаси! — ему и самому никогда в жизни и в голову бы не пришло, скажем, пытаться за ней ухаживать, иметь на нее виды и строить ей какие-то там куры; но было, тем не менее, в этом ее холодном, полупрезрительном равнодушии и подсознательном пренебрежении что-то, глубоко обидное и оскорбительное. Как будто он для нее вообще и не мужчина даже, а нечто, вроде какого-то маленького комнатного песика. Любимца ее мужа, с которым, соответственно, надо стараться дружить и вообще обращаться хорошо. Но если муж вдруг вздумает его завтра, к примеру, выгнать или кому-то отдать — то тем лучше.хлопот меньше будет.

2.

И вот теперь, стоя посреди пустой комнаты, пребывая в этом своем, ни на что не похожем сне-реальности, Алексей, к своему величайшему изумлению, узнал вдруг в лежащей на кровати женщине именно Нину! Глаза у нее были закрыты, дыхание ровное и спокойное — словом, похоже, она глубоко спала.

Алексей некоторое время растерянно на нее смотрел, потом очень медленно и осторожно протянул было руку к ее плечу... — и в нерешительности остановился. Его все больше и больше поражала абсолютная реальность происходящего. Он был реальным, Нина была реальная, кровать была реальная, комната была реальная. Все было реальное! Единственное, что было нереальным, так это вся ситуация в целом.

Что это вообще за комната? Откуда здесь взялась Нинка? Где Васька? Точнее, конечно, не «где Васька?» — это же сон, причем тут Васька! Это же не реальная Нинина спальня — а! черт! Алексей почувствовал, что запутался. Что все это значит, короче?! И что делать? Нинку, наверное, надо разбудить? Или не будить? Вдруг это вообще не Нинка? А какой-нибудь, там, монстр или демон, принявший вид Нинки. Который только того и ждет. Чтобы его сейчас «разбудили». Это же совершенно особый, свой мир, мир сна. Здесь свои законы.

Алексею вдруг вспомнились всякие дурацкие фильмы ужасов про всякие, происходившие во сне, страсти-мордасти, и он невольно передернулся. Бр-р-р!.. Ну ее! Эту Нинку или что это там на самом деле такое. Лучше, пожалуй, ее не трогать. И вообще ничего здесь не трогать. По принципу: не буди лихо, пока оно тихо.

Он так же осторожно и медленно убрал руку. Происходящее начинало его, по правде сказать, несколько беспокоить. Что-то здесь было не так. Надо бы отсюда, из этого «сна», поскорее убираться. Удирать. Уматывать. Улепетывать. Просыпать-

ся, в общем. Какую-то штуку его сознание выкинуло, не такую. Куда-то, он кажется, по ошибке не туда он попал. На фиг такие «сны»! Какой это, к черту, сон, если вот он тут стоит и рассуждает даже лучше, чем наяву?!

Да, «проснуться»! Легко сказать. А как? В фильмах героя в таких случаях всегда кто-то будит. Так... Это не прокатит. Меня будить некому. Я один в квартире. Как, блядь, перст. Жена с ребенком на даче. Сам вчера отвез.

Алексей опять подивился своему совершенно отчетливому и ясному пониманию происходящего. Все он помнил, все понимал. Где он, что с ним, как он здесь оказался. Да что это вообще такое-то!! Сон!.. Хорош «сон»!

Нина невнятно пробормотала что-то во сне и перевернулась на другой бок. Алексей в испуге замер, потом с трудом перевел дух. Фу-у-у!.. Так и зайкой остаться недолго. Сердце неистово колотилось, на лбу выступил пот.

У-у-уф!.. Чего это я так испугался-то? Чего-чего... Того самого! Вот как проснется сейчас! Улыбнется... А во рту у нее клыки, как у какого-нибудь, блядь, графа Дракулы. Или когти на руках железные, как у этого... ну.. как его там?.. Крюгера. Из бесконечного сериала того дурацкого... «Пятница 13-ое»? Нет... «Кошмар на улице Вязов»? Да, точно! Кошмар, блядь. На улице Вязов. Точно-точно! Там еще этот Крюгер со своими пальчиками железными и в полосатом свитере за всеми гонялся.

Алексей с опаской посмотрел на Нину. Из-под одеяла виднелась только голова, рук видно не было.

Та-ак... С когтями она там или без — пес ее знает. Лучше не проверять. Что свитера на ней нет — это уж точно. Хотя, впрочем... Под одеялом же ничего не видно. Что там на ней есть. И чего нет... И есть ли что-нибудь вообще...

При этой последней мысли Алексей вдруг ощутил небольшое волнение. А что там, действительно, на ней одето? Мо-

жет,.. ничего?.. Или даже нет! Сорочка,.. коротенькая,.. а под ней — ничего. Или нет! А под ней — коротенькие трусики... Коротенькие-коротенькие! Шелковые... Ну, гладкие, в общем, на ощупь. Такие,.. типа плавок, но чтобы попку хоть немного прикрывали. Не полностью, конечно, но так... Не просто ниточка сзади, как сейчас модно, а чтобы было что-то сзади. Чтобы попка не была вся открыта. Чтобы можно было под них, под эти трусики, сзади рукой подлезть...

Он живо представил себе, как просовывает руку под одеяло,.. прикасается к Нинкиному телу,.. гладит его,.. ощупывает,.. как просовывает потом руку — один только пальчик сначала! — снизу ей под трусики... Или нет! Как он сначала трогает рукой, еле-еле! Самыми кончиками пальцев! Ее ногу внизу, у самой щиколотки... Как потом рука его поднимается по ее ноге все выше,.. выше...

Черт! Алексей неожиданно почувствовал, что у него сильнейшая эрекция, и что возбуждение его против его воли и совершенно независимо от него самого все нарастает и нарастает, усиливается и усиливается. Страхи его все разом куда-то вдруг исчезли, и он внезапно ясно осознал, понял, ощутил, что находится один, совсем один, в пустой комнате, наедине со спящей на кровати молодой, красивой и безумно нравящейся ему женщиной. Вероятно, к тому же, совсем раздетой. Женщиной, о которой он мог раньше только бесплодно мечтать.

Черт! Но это же Васькина жена! Ну и что? Это же сон! Мой собственный. Во сне все можно. Человек во сне за себя не отвечает. Мало ли чего кому снится?! И не такое еще снится. Такое, блин, иногда приснится, что и рассказывать-то потом стыдно. Да и зачем? Никто и не рассказывает никогда. Это же подсознание. Неконтролируемый процесс. Дело сугубо личное и интимное. Может, Васька мою жену тоже каждую ночь шпилит? Я же не знаю!.. Хотя, с другой-то стороны, на кой ляд она ему сдалась!

Когда у него такая вот Ниночка есть... Такая... роскошная... женщина... Такая... красивая... С такими вот... формами...

Алексей, все еще сомневаясь и колеблясь, рассеянно потрогал рукой простыню. Простыня тоже была абсолютно реальная. Как и все остальное. Простыня как простыня. Белая, прохладная и чуть шершавая на ощупь.

Тогда он, почти решившись, тихо, чтобы не потревожить ненароком спящую Нину, присел на край кровати. Помял пальцами край одеяла...Тонкое.

Алексей чувствовал, что его похоть, его желание буквально с каждой секундой становятся все сильнее и сильнее. Он уже с огромным только трудом мог себя контролировать. Рука его словно украдкой, ненароком, тайком, словно сама собой скользнула вдруг под одеяло. Глубже,.. глубже...

Внезапно Алексея будто обожгло, и он поспешно выдернул руку. А ну как она сейчас вдруг проснется!? И увидит, чем он тут занимается? И в ответ на его жалкие приставания и домогательства просто-напросто откровенно расхохочется ему в лицо! А потом еще и расскажет обо всем Ваське!

При одной только этой ужасной мысли краска бросилась Алексею в лицо, и все его существо мгновенно затопила жаркая волна совершенно нестерпимого, непереносимого стыда. Он словно наяву испытал это чудовищное унижение. Щеки его пылали, глаза бегали, мысли путались.

Руки судорожно поглаживали край кровати. Прошла, наверное, целая вечность, прежде чем он смог наконец успокоиться и взять себя в руки.

Что за чушь! Какому еще Ваське! Чего она «расскажет»? Это же сон! Сон!! Мой собственный. Я здесь хозяин. «Расхохочется!» Да пусть только попробует! Да я ей тогда!.. Я ей!.. Я ей!..

Алексей хоть и храбрился и хорохорился, но при одной только мысли, что Нина сейчас вдруг проснется... И посмотрит ему

в глаза... Нет уж! Пусть уж лучше она спит! А он ее во сне... Потихонечку... Вот так...

Алексей почувствовал, что не может больше с собой бороться. Да и не хочет.

Он решительно и резко сунул руку глубоко под одеяло, но не рассчитал от волнения своего движения и сразу же наткнулся на что-то горячее и упругое. Мгновенно в испуге отдернул руку, но поскольку Нина никак не отреагировала — не только не проснулась, но даже и не пошевелилась — он тут же опять, но только теперь уже гораздо более расчетливо и осторожно, прикоснулся самым кончиком пальцев к ее жаркому телу. Нина по-прежнему глубоко спала.

Алексей, почти окончательно успокоившись, тихо-тихо погладил ее горячую и гладкую кожу; потом, уже не торопясь, вынул руку из-под одеяла; аккуратно, стараясь все же на всякий случай не шуметь (хотя теперь он был почему-то почти уверен, что Нинка не проснется — это же его сон, его! черт возьми! он может делать здесь все, что угодно!), пересел ниже, в ноги Нины; нежно, ласково, изо всех сил сдерживая себя и уговаривая не торопиться и не спешить, погладил поверх одеяла ее щиколотку, .. внешнюю часть стопы... Потом, все так же поверх одеяла, еле-еле его касаясь пальцами, начал подниматься, подниматься рукой вверх по ее ноге: икра, .. коленочка, .. выше, .. выше, .. так, .. задержался слегка на талии — буквально на мгновенье! (Ниночка спала на боку, согнув немного ножки в коленочках) и, опустив затем руку чуть ниже, погладил ее бедро и верхнюю ягодицу.

Сначала так же слабо и осторожно, совсем чуть-чуть! почти без нажима! а потом все плотнее и плотнее прижимая широко раскрытую свою ладонь к ее телу и сильно стискивая пальцами через одеяло ее плоть. Одеяло было совсем тонкое, и Алексей прекрасно, отчетливо и во всех мельчайших самых деталях

и подробностях все через него чувствовал и ощущал: каждую складочку, резиночку, каждый шовчик на Нинкиных трусиках.

Он резко опустил руку опять вниз по ее ноге, к самой стопе, и уже забыв и отбросив почти всякую осторожность, сунул руку под одеяло (второй рукой при этом он опирался на кровать), сразу же нащупал голую Нинкину ногу, обхватил ее ладонью и быстро повел руку вверх. Выше,.. выше,.. выше... Бедро... Трусика... Тут же сунул под них руку и, ощутив между ее ног что-то мягкое, влажное и горячее, ввел средний палец внутрь.

Потом, уже почти ничего не соображая и теряя над собой всякий контроль, рывком сбросил с нее одеяло, лег, торопясь, рядом и, спеша и путаясь, не в силах никак справиться трясущимися пальцами с непослушными пуговицами на брюках, стал стягивать их с себя, дрожа как в лихорадке...

Возбуждение его было настолько велико, что, войдя в нее, он успел сделать только всего лишь пару движений. После чего судорожно дернулся всем телом, стиснув зубы, закрыв глаза и откинув чуть назад голову; сдавленно застонал и!.. проснулся.

Он по-прежнему лежал один, дома, в своей комнате. Труссы были мокрые.

Го-осподи! Да у меня же только что была поллюция! Матерь божья и пресвятые угодники! Это когда же со мной последний раз такое было-то? Лет в 15, наверное?

Алексей перевернулся на спину, закинул руки за голову и прислушался к своим ощущениям. На душе у него было легко и радостно. И немного грустно. Жаль, что так быстро все кончилось! Ему хотелось вернуться опять туда, назад, в свой сон. Он с наслаждением стал вспоминать подробности.

Как он ее сжимает руками,.. ее тело,.. жаркое, упругое... Как он вводит... ей... между ножек... сзади... приспустив слегка ей трусики... между ее длинных и стройных ножек...

Алексей почувствовал, что опять возбуждается. А, черт! Сейчас бы опять... туда ... Только теперь уже не торопясь... Медленно,.. спокойно... С чувством, как говорится,.. с толком,.. с расстановкой... Как положено...

Вот черт! Ну, и сон! И как ведь все реально было! Даже сверхреально. Еще лучше, чем в жизни. Дьявольщина! Как будто правда Нинку только что дрючил!

Алексей нарочно старался думать про все, что с ним только что произошло, в нарочито-прозаическом, грубоватом тоне, чтобы хоть как-то пригасить, скрыть, спрятать от себя самого свои собственные тайные, сокровенные мысли и ощущения. Ему было хорошо! Очень хорошо! Очень. Так хорошо ему не было еще вообще никогда!

Ни с женой своей, Веркой, ни с кем. Да какая там Верка! Тьфу! Плюнуть и растереть. Вот Нина!... Вот это женщина!... Да-а!.. Везет же этому дураку-Ваське!

Как ни странно, но мысль, что он только что, в сущности, изнасиловал, пусть и во сне, жену своего лучшего друга, была Алексею даже приятна. Добавляла в его сладостные воспоминания какую-то особую, дополнительную пикантность. Остроту. Перчинку.

Эх, еще бы такой сон увидеть! Опять... Алексей даже зажмурился от удовольствия. Как сытый кот, мечтающий о новой порции сметаны. Только что не замурылкал. У-у-у!.. Опя-ять бы... Только теперь уже по-другому... Без спешки... Без суеты... На спинку ее сначала положить... Куколку... Ууу-ух! Ножки на плечи себе закинуть... И!.. А потом на животик... Ножки ей сзади тихонечко раздвинуть... Не-ежно... Не-е-ежно...

Алексей вдруг поймал себя на мысли, что думает о Нине, Васькиной жене, живой, здоровой, хорошо знакомой ему женщине, как о какой-то вещи, какой-то бездушной резиновой кукле. С которой можно делать и вытворять все, что угодно. Мять,

сгибать, заставляя принимать по своему желанию любые позы. Впрочем, эта мысль тоже была ему приятна.

Мысль, что он обладает над ней, над ее телом, абсолютной властью. Может делать с ней все, что угодно! все, что он захочет! все, что только ему заблагорассудится! Ничего у нее не спрашивая, нисколько ее не стыдясь и не стесняясь. Вообще не интересуясь ее реакцией.

Эх! Алексей даже заерзал на кровати от возбуждения. Еще бы хоть разок! Ну, хоть один-единственный разочек!..

3.

На работе у Алексея целый день все валилось из рук. Ничего не ладилось и не клеилось. Он был рассеян, несобран, невнимателен, отвечал постоянно невпопад и вообще, как не преминула язвительно заметить их желчная и злая машинисточка Оленька, «витал в облаках». («Громов у нас сегодня витает в облаках!»)

Да какая там, к черту, работа! Сегодняшний сон не шел у Алексея из головы. Он весь день все мечтал, млея, вспоминал разные волнующие подробности. Как он,.. и как потом,.. и какая она была...

Все эти воспоминания возбуждали и будоражили его необычайно. Они были настолько яркими и реалистичными, настолько живыми, как если бы он действительно провел сегодняшнюю ночь с Васькиной женой.

Блин! Плавки надо было одеть. Из-за стола лишний раз теперь не выйдешь!

Алексей едва дождался конца рабочего дня. Ему не терпелось пойти поскорее к Ваське. Эта идея не давала ему покоя уже с самого утра.

Мысль, как он увидит сейчас Нину, будет с ней разговаривать как ни в чем не бывало, смотреть ей в глаза, вежливо

улыбаться,.. зная, что сегодня ночью!.. Эта мысль была настолько захватывающая, настолько волнующе-соблазнительна, что он едва-едва удержался, чтобы не отпроситься пораньше. Под любым предлогом. Голова болит! Нога-ухо! Да пошли они все!! Пусть думают, что хотят!

Придя домой, Алексей прямо с порога зашвырнул на диван свой кейс и, даже не переодеваясь, помчался к Ваське. Уже позвонив, он наскоро подумал, что ему сейчас скажет («Слушай, Вась!..»), как вдруг дверь открыла сама Нина. Увидев ее, Алексей от неожиданности чуть не поперхнулся и почувствовал, как горячая краска заливает его лицо. Все его ночные воспоминания сразу же нахлынули на него с новой силой.

— Привет, Нин, — наконец, запинаясь, кое-как выговорил он. — Васька дома?

— Здравствуй. Ты знаешь, он в командировку уехал на неделю. Только к выходным вернется, — вежливо и равнодушно сообщила ему Нина, даже не приглашая войти и явно ожидая, что он сейчас же повернется и уйдет.

— Поня-ятно,.. — протянул Алексей, пытаясь хоть немного потянуть время. — А ты что не на даче? Я своих позавчера еще отвез. (Дачи у них с Васькой тоже были рядом.)

— Да некогда все. Может, в эти выходные съездим, если получится, — Нине явно не терпелось поскорей закончить разговор.

— Ну, ясно. Ладно, Васька объявится — пусть позвонит.

— Хорошо, я передам.

— Ну, пока.

— До свиданья.

Алексей постоял немного перед захлопнувшейся дверью, потом медленно повернулся и побрел к лифту. К привычному уже чувству унижения, которое он всегда испытывал, общаясь с Ниной, примешивалось теперь еще и чувство какого-то непонятного разочарования. Он и сам не мог себе полностью объ-

яснить его природу. Он словно бы подсознательно ожидал, что у них теперь с Ниной чуть ли не роман начнется.

Что она тоже что-то там такое почувствует, будет его теперь как-то по-другому воспринимать, по-другому к нему относиться. Что ей тоже чуть ли не такой же точно сон сегодня снился. Или что это даже вообще была там она. Настоящая. Реальная. В этом его сверхреальном сне.

Алексей и сам понимал полную бредовость и дикость всех этих горячечно-сексуальных фантазий, но, тем не менее, обычное полное равнодушие Нины подействовало на него, как ушат холодной воды. Оживление и возбуждение его исчезли, уступив место какой-то внутренней опустошенности и презрению к самому себе, к собственной никчемности. В нем словно вдруг жили и пробудились все его юношеские и, казалось бы, давным-давно уже прочно и благополучно забытые и изжитые застарелые комплексы по поводу своей непрезентабельной внешности.

Да кому ты нужен? Ни рожи ни кожи! Ни денег. А тоже туда же. «Роман»!.. Как же! Держи карман шире! Да она тебя в упор не видит! Ты для нее вошь, тля. Что ты есть, что тебя нет! И правильно делает. Ты и есть тля. Ничтожество несчастное! Добейся сначала хоть чего-нибудь в жизни, а потом уже и к таким женщинам подкатывай. Тоже мне, Дон Жуан нашелся! Демон, блядь, обольститель с соседнего этажа прилетел. Казанова беспонтовый.

От всех этих мыслей настроение у Алексея окончательно испортилось. На душе было мерзко, скверно, беспросветно-тоскливо и вообще как-то пакостно и слякотно. Как будто там шел мелкий, серый, унылый, бесконечный, холодный, морозящий, осенний дождь.

Эх, напиться, что ли?! Завить горе веревочкой! Как там у Аполлона Григорьева-то поется-говорится?

*Знобка... Сердца боли вроде стихли.
Водки, что ли?*

Вот именно! «Водки, что ли?» Ага, «водки»! Напьешься тут. Завтра же с утра на работу идти. Да и нет же дома ничего! Специально, что ль, теперь в магазин тащиться?.. Да и!.. Только хуже будет. Проверено же уже не раз.

Алексей побродил бесцельно по пустой квартире, не зная, чем заняться, потом включил от скуки телевизор. Пощелкал кнопками. Ничего! Бесконечные сериалы да фильмы тридцатилетней давности, совсем уж какие-то дремучие. Взвейтесь-развейтесь! Блядь! Человек с работы пришел. Смотреть вообще нечего. Поневоле тут сопьешься. Ну, чего делать-то будем? Спать, что ли, завалиться?.. В полвосьмого?

Чем, интересно, сейчас наша Ниночка дорогая занимается? А? И как она одета? Что на ней сейчас? Лето, жарко же. Может, та самая рубашечка?.. И трусики... А кстати, есть у нее, действительно, такое белье? Какое во сне на ней было. Вот интересно бы выяснить!.. А как?.. Да и вообще, о чем я думаю! Что за бред мне опять в голову лезет! Хватит уже! Ну, приснилось и приснилось. Все! Проехали.

О-о-о-охо-хо!.. Так чего делать-то все-таки будем? А? Алексей два раза подряд зевнул и вдруг почувствовал, что глаза у него слипаются, веки налились свинцом, и вообще, ему смертельно хочется спать. Непреодолимо!

Уже засыпая на ходу, он с трудом, из последних сил разделся и повалился на кровать, кое-как натянув на себя одеяло.

Умыться бы надо,.. — успел еще подумать он, прежде чем окончательно провалиться в какую-то черную бездонную пропасть.

4.

Алексей вновь обнаружил себя стоящим в той же самой комнате. Рядом с той же самой кроватью, на которой опять спала какая-то женщина. Нинка!!

Алексей почувствовал, что он даже вспотел весь от волнения. Неужели правда?! Неужели??!! Господи, спасибо тебе!! Неужели он опять сейчас?!.. Как вчера!.. Или нет, не как вчера... Теперь не надо торопиться... Зачем?.. Теперь же я все знаю... Времени много...

Он неспешно, неторопливо, растягивая удовольствие и уже заранее предвкушая и смакуя в душе все подробности всего того, что он сейчас собирается сделать, обошел вокруг кровати, остановился,.. потом все так же неспешно, будто бы словно колеблясь и раздумывая, взял двумя пальчиками одеяло за самый кончик, и стал плавно-плавно, сантиметрик за сантиметриком... стягивать, стягивать, стягивать его с Нины...

Сначала медленно,.. медленно,.. совсем медленно,.. но потом же, потеряв совершенно голову при виде открывающейся перед ним постепенно нестерпимо-немыслимо-соблазнительной картины полуобнаженного прекрасного женского тела — такого близкого и доступного! только протяни руку! — и забыв мгновенно все свои благие, чисто рассудочные решения и намеренья на этот раз не торопиться и не спешить, разом дернул одеяло на себя!

И в тот же миг Нинка сразу же проснулась!! Несколько мгновений она молча смотрела вокруг ничего не понимающим взглядом, потом вдруг резко села на кровати, поджала под себя голые ноги и, прикрывая руками грудь, уставилась на Алексея своими широко открытыми глазами.

— Что ты здесь делаешь? — высоким, прерывающимся от волнения и страха голосом, громко спросила она.

Алексей стоял, держа в руке одеяло, совершенно растерявшись и не в силах вымолвить ни слова.

— А... А... Ниночка... Это же сон... Понимаешь... Всего лишь сон...

— Что ты здесь делаешь!? — ничего не слушая опять повторила Нина, по-прежнему глядя на Алексея в упор.

— Ничего... — окончательно под ее взглядом потерялся тот. — Я просто стою... Иду... Смотрю... Ты лежишь... Решил... Надо поинтересоваться... что с тобой?.. Может... тебе плохо?.. Может... помощь нужна?.. «Скорую» вызвать... Позвонить...

В голове у Алексея царили полный сумбур и кавардак. Мысли его смешались и спутались, он нес какую-то дикую околесицу и ахинею, сам это прекрасно чувствовал, но поделаться с собой ничего не мог. Он все тараторил и тараторил без умолку и никак не мог остановиться. Уши и лоб горели, во рту пересохло, язык молот какую-то несусветную чушь совершенно независимо от него. Он словно бы на время поглупел и утратил способность соображать. Ему было мучительно стыдно, как мальчишке, которого только что поймали за подглядыванием в женской раздевалке. Он мечтал сейчас только об одном: немедленно провалиться сквозь землю!

— Дай мне одеяло! — властно перебила его Нина.

— Что?.. Что, Ниночка?.. Одеяло?.. Какое одеяло?.. — Алексей задергался и засуетился, пытаясь понять, что от него хотят, и как-то нелепо заметался и засучил на месте ногами. — А-а, одеяло! А где Васька? А, ну да, он же в командировке... Ты же говорила... Да, одеяло... Одеяло... Одеяло... Где оно?.. Где-то я его видел...

— Оно у тебя в руке! — опять холодно перебила его Нина. — Кинь мне его! Сейчас же! И немедленно убирайся отсюда! — повелительно приказала-прибавила она.

Нина прекрасно видела состояние Алексея и, похоже, почти совсем успокоилась, пришла в себя и перестала его бояться. Более того, в данной ситуации она, судя по всему, даже и не собиралась с ним теперь особенно церемониться и соблюдать хотя бы элементарную вежливость.

«Вежливость»!.. Какую там еще «вежливость»! Что он вообще здесь делает?! В ее спальне? Возле ее кровати! С ее одеялом в руке! Как он вообще здесь оказался !!?

— Да, да... Я сейчас... — сгорбившись, втянув голову в плечи, совсем убитым голосом пробормотал или скорее даже проскулил Алексей. — Я сейчас уйду...

А куда это я уйду? — вдруг опомнился он. — Здесь же ни окон, ни дверей. Это же сон! Мой сон. Это же все мне только снится. И Нинка, и одеяло это проклятое. Снится... Это мой сон... Сон... Я здесь хозяин! Я могу делать здесь все, что угодно... Абсолютно все! Чего это я, в самом деле?

Алексей остановился, помедлил секунду-другую, потом собрался наконец с духом, медленно выпрямился, пристально посмотрел Нине прямо в глаза и предельно нагло, цинично ухмыльнулся. И под этим его взглядом Нина замерла, сжалась и как-то вся съежилась. Глаза ее еще больше расширились, она смертельно побледнела и стала вдруг медленно-медленно отодвигаться от него, словно пытаясь вжаться в спинку кровати.

Алексей, все также глумливо ухмыляясь и не отводя от нее взгляда, разжал руку, и одеяло мягко упало на пол. Нина мельком на него взглянула и побледнела, казалось, еще больше.

— Что это все значит? Что ты задумал? Ты с ума сошел? — совсем тихо, неестественно-напряженным голосом проговорила, почти прошептала она.

Алексей просто физически чувствовал ее нарастающий страх, какой-то прямо-таки животный ужас. Он словно чувствовал его запах! И этот запах страха жертвы, это ощущение полной безнаказанности и безграничной, абсолютной власти над сидящей перед ним женщиной — опьяняли его. Многократно усиливали и подхлестывали его возбуждение, желание, похоть, разгорающуюся страсть.

Он медленно двинулся вперед, и ухмылка его стала еще шире и еще откровенней. Он уже открыто, нисколько не стесняясь, жадно разглядывал, ощупывал глазами Нинкино тело, и под этим его липким, бесстыдным, откровенно-похотливым, не-

двусмысленным взглядом она жалась, ежилась, ерзала, пытаясь хоть как-то спрятать, скрыть, прикрыть свою наготу.

— Ну, что ты, Ниночка?.. Чего ты так боишься?.. Я же тебе ничего плохого не сделаю. Ну, использую просто разочек по назначению, вот и все. Будь паинькой, как вчера, и все будет хорошо. Тебе даже понравится. Вчера же тебе понравилось? — звуки собственного голоса, возможность говорить в лицо женщине совершенно немыслимые, невозможные вещи — все это возбуждало Алексея еще сильнее.

— Не подходи ко мне!.. Не прикасайся... Помогите!!! Ва-а-я-я-я!! — вдруг громко, изо всех сил закричала насмерть перепуганная Нина.

— Ну-ну-ну, не надо так кричать! Не все же Васе... Надо же и мне разок попользоваться... — Алексей возбуждался все сильнее. Он уже почти не мог себя сдерживать, но не хотел, чтобы все закончилось слишком быстро. — А может, я еще лучше? Сравнишь нас сейчас заодно. Взвесишь на одних весах, — неожиданно припомнилась ему двусмысленно-скабрезная фразочка из какого-то французского романчика, и он даже рассмеялся от удовольствия.

— Что-о??. Что-что?.. Кого сравню? Тебя и Васю? Да ты посмотри на себя в зеркало, урод несчастный! Обезьяна! — презрение Нины было настолько искренним и сильным, что Алексей словно ошпарило, ожгло. Кровь ударила ему в голову, перед глазами все поплыло.

— Ах ты, сука! — в бешенстве закричал он, бросился, не помня себя, на Нину и крепко схватил ее за руки. Но потом, почувствовав ее сопротивление, почти сразу же отпустил их и, широко размахнувшись, изо всех сил, наотмашь вlepил ей тяжелую, звонкую пощечину. Сначала правой рукой, затем левой.

И когда тело оглушенной женщины уже обмякло, он одним резким движением спустил ей трусики до середины бедер, рывком разорвал на груди сорочку, подхватил ноги Нины под ко-

лени и, схватив ее одной рукой за голую грудь, а второй за волосы, навалился сверху всем телом и начал яростно насиловать. Прижав ее лицо к подушке, он злобно шипел ей прямо в ухо:

— Ну что, сучка?.. Нравится?! Нравится!? А так?.. А так?.. Правда, хорошо?.. Правда?.. А так?.. Нравится?.. Нравится?.. Нра-а... вит...ся?!.. Нра-а-а!!..

Алексей громко застонал и проснулся.

Труссы были опять влажные. У него только что опять была поллюция.

5.

Днем Алексея стало терзать какое-то смутное, неясное беспокойство. Сначала совсем-совсем слабенькое, но потом постепенно, с течением дня, все усиливающееся и усиливающееся.

Так сон это все-таки или не сон? Гм... сон... В любом уж случае это не просто сон, это и ежу понятно. А раз так, то вдруг она тоже все помнит? Вдруг это наш общий с ней сон, и ей тоже самое снится?

Хотя вчера же она мне не сказала ничего, когда я заходил... Идиот! Она же спала вчера, а сегодня-то проснулась! Сегодня-то она меня видела... Ну и что? Это же сон был. Сон! Мало ли, что порой приснится! Ей же снилось, не мне, я-то здесь причем? Я вообще не при делах. Знать ничего не знаю и ведать не ведаю! Как в анекдоте: «Это же Ваш собственный сон, мадам!».

Алексей бодрился и успокаивал себя, но на душе у него скребли кошки.

Сон-то он, конечно, сон, но... Да и сон ли это вообще? Больно уж он реальный какой-то, этот сон. Настоящий. Дьявольское наваждение просто какое-то, а не сон! Н-да... Впрочем, мне-то что? Я не против. Я только за. Побольше бы таких наваждений. И почаще. Да...

Так о чем это я? А-а... Ну да... Так вот, наваждение, то бишь сон. Если у меня всякие сомнения по этому поводу закрадываются, то уж у нее и подавно. Особенно, если она все так же реально, как и я, испытывает... Естественно! Закрадуются тут! Кому понравится, что его во сне трахают, как наяву? Всякие там уроды. (Алексей невольно скривился. Стерва!) Да еще и избивают при этом.

Блядь! Ему припомнились некоторые...гм!.. подробности прошедшей ночи, и беспокойство его еще более усилилось.

Ваське ведь наверняка расскажет!.. Ну и что? Во-первых, когда он еще придет, а во-вторых — да пошел он на фиг! Сон и сон. Я, что ли, виноват, что твою жену кошмары по ночам мучают? Сексуальные. Может, она у тебя мазохистка, и это у нее подсознание так работает? По Фрейдю. Подавленные, блин, желания. Либи́до, в натуре. Короче, нечего по командировкам шляться! Трахай ее почаще, и ничего ей сниться тогда не будет. Все ее либлядо сразу как рукой снимет. Вот так! Н-да... Но лучше бы она все-таки ничего не помнила.

Черт! Позвонить, что ли, поинтересоваться? Как, мол, дорогая Нинулечка, здоровьичко твое драгоценное? Самочувствие? Не скучаешь ли там, часом, светик мой? Одинокими-то ночами? Как там Васечка твой ненаглядный? Рожки не жмут? В смысле, не объявлялся еще? Жаль! А то у меня дело у нему есть. И пресрочное!

Н-да... Или все-таки уж не звонить? А то: во сне трахает, наяву шастает, а теперь еще и звонить повадился! Достал, короче. Заебал! И в прямом, и в переносном смысле. И во сне, и наяву. (Алексей слабо усмехнулся собственному остроумию.) Да и странно как-то все это... Никогда ведь до этого не звонил. Подозрительно чтой-то! А?.. А чего «подозрительно»-то? Это же сон! Со-он!.. Ну, так чего: звонить — не звонить?

Алексей в сомнении взглянул на трубку, протянул было к ней руку, но на полпути остановился.

А-а, позвоню!

Он решительно схватил трубку и быстро, боясь, что передумает, набрал номер.

— Алло!

— Привет, Нин, это я.

— А-а,.. привет.

— Слушай, Васька не звонил?

— Нет.

— Позвонит, передай, чтобы он сразу же со мной связался.

Лады? А то он мне нужен позарез.

— Ладно, передам.

— Ты-то как сама? Все нормально?

— Нормально.

— А то голос у тебя какой-то усталый.

— Да нет, ничего.

— А-а... Ну, ладно тогда. Давай. Ваське только передать не забудь.

— Хорошо. Не забуду.

— Ну, все. Пока.

— Пока.

Алексей с огромным облегчением, слегка дрожащей рукой бережно положил трубку и вытер тыльной стороной ладони вспотевший лоб.

Та-ак!.. Ничего не сказала. Разговаривала, вроде, тоже нормально. Хотя голосочек-то у нее был... явно не того... Так-так-так! Это что же значит? По крайней мере, это уже хорошо. Это просто замечательно! Либо ничего ей вообще не снится, и она, естественно, ничего и не помнит; либо просто думает: сон и сон.

Ну, и правильно. А чего ей еще думать-то? Удивляется только, наверное: чего это я ей снюсь? Да еще в таком качестве. Я же, видите ли, не в их вкусе. Ах-ах! Ну да уж это, мадам, ваши проблемы. Ножки только пошире раздвиньте, чтобы мне, обезьян-

ке, удобнее было. Да, вот так нормально. Теперь хорошо. Хо-хо! Адью, дорогая! Сегодня ночью, надеюсь, опять увидимся. Чао!

Весь остаток дня Алексей пребывал в наипрекраснейшем расположении духа. Он постоянно острил, шутил, смеялся, чуть ли не приплясывал и не пританцовывал. А вечером, придя домой, сразу же лег спать. Он был почему-то практически уверен, что его замечательный, восхитительный, волшебный сон и сегодня приснится ему снова. И предчувствие его не обмануло. Стоило ему только закрыть глаза, как он сразу же снова очутился в хорошо знакомой ему уже теперь комнате. На кровати сидела Нина и затравленно, с ужасом на него смотрела. На этот раз она не спала.

6.

В последние несколько дней Алексей почти полностью освоился в своем чудо-сне. Более того, фактически научился им управлять.

Прежде всего, он выяснил, что может попадать туда не только вечером, но и днем. Да вообще когда угодно, в любой момент и в любое время дня и ночи! Для этого ему достаточно лишь закрыть глаза и определенным, должным образом сосредоточиться.

Но главное было, конечно же, не в этом. Самое главное состояло в том, что он сумел научиться не покидать сна в момент оргазма! Теперь, когда во сне он кончал, он не просыпался, как раньше. Мало этого, мог хоть сразу же потом опять начинать все сначала.

Это неожиданное открытие, эти новые, вдруг открывшиеся перед ним, заманчивые безграничные горизонты и перспективы настолько опьянили, ошеломили и одурманили его, что он поначалу почти совсем потерял голову. (Тем более, что в реальной-то, настоящей жизни никаким секс-гигантом он никогда не был. Да и вообще никакими особыми талантами в

этой области, увы! — никогда не отличался. Так,.. нечто средненькое... Ничего особенного.)

В итоге последние двое суток Алексей вообще практически не вылезал из своего сна. Он забросил работу («А-а!.. плевать! Тьфу на них на всех! Придумаю потом что-нибудь в крайнем случае!»), почти ничего не ел и только непрерывно и беспрестанно насиловал и насиловал Нину. С его новыми, поистине беспредельными и фантастическими возможностями он мог делать это теперь совершенно свободно и беспрепятственно хоть по сто раз на дню. Он и делал!

Он потерял счет своим бесконечным оргазмам, и ему казалось, что его медовый месяц с Ниной будет все длиться, длиться и длиться. Что вся жизнь его превратится теперь в одно непрерывное и никогда отныне не прекращающееся наслаждение. В какой-то вечный, сказочный, сладострастный рай.

Кончилось все это, естественно, тем, что уже к концу вторых суток Нина ему порядком поднадоела. Как старая, заезженная любовница, с которой поддерживаешь прежние отношения по сути лишь просто по инерции. Просто потому, что другой нет.

Никакого особого удовольствия от близости с ней он больше не испытывал. Да и насиловать стало не очень интересно. Прелесть новизны исчезла, да и насилия-то никакого, в сущности, уже не было. Какое там «насилие»!

Замученная и запуганная его бесконечными издевательствами и побоями, Нинка уже к середине первых же суток полностью сломалась и даже не пыталась теперь больше сопротивляться. От совсем недавно еще гордой, независимой, надменной, неприступной и уверенной в себе женщины практически ничего не осталось. Теперь это было совершенно забитое, затюканное и запуганное, безвольное, безропотное, бессловесное существо, готовое делать все, что угодно, лишь бы его только не били и не мучили. По первому же требованию!

Алексей смотрел на нее, и ему и самому порой бывало противно. Он и думал-то о ней теперь в основном, как о чем-то безличном и безмянном, в каком-то среднем роде. «Оно». Какое там «насилие»!

* * *

Алексей со скукой окинул взглядом комнату и лениво щелкнул пальцами. Сидящая в углу женщина тут же стремительно сорвалась с места, подбежала к нему, встала на колени и начала делать минет. (Последнее время он развлекался тем, что дрессировал ее, как собачонку. Один щелчок — минет, два — поза номер раз и т. д. Поначалу было забавно, конечно, но потом тоже очень быстро приелось.)

Алексей какое-то время вяло и без особого интереса за ней наблюдал, потом с хрустом потянулся и зевнул.

А-а!.. Осточертело все! Все одно и то же. Сучка эта, всегда на все готовая. Как, блядь, юный пионер. Галстука только ей на шею не хватает. Красного. И горна с барабаном.

Вон как присосалась. Как пиявка. Не оторвешь. Нравится, небось... Да, на совесть работает дамочка. (И на страх, — тут же цинично усмехнулся он про себя.) Прямо, как швейная машинка. «Зингер», блядь, в натуре. Правильно. Давай-давай! Трудись. Может, кончу хоть...

— Если опять не отсосешь, соска, пеняй на себя, — тихо, с угрозой в голосе произнес он и с удовлетворением отметил, как Нина вздрогнула и задвигала головой еще быстрее.

(А какие мы гордые были!.. — злорадно думал Алексей, глядя сверху вниз на стоящую перед ним на коленях женщину, изо всех сил старающуюся ему угодить. — Фу-ты! ну-ты! «Да я!.. Да Вы!.. Да как Вы смеете!..» А стоило врезать пару раз... Всего и делов-то. Вот и вся наша гордость. Была, да вся вышла! Цена любому челове-

ку. И всему его, так называемому, достоинству. Ну, может, кому не пару раз надо. А чуть побольше. Но в принципе разницы никакой. Результат тот же. Всем нам цена ломаный грош в базарный день.

Да-а... «Обезьяна!.. Урод!!..» Во как мы теперь у уroda, у обезьяны-то сосем! За уши не оторвешь. Ттварь! — Алексею вдруг снова припомнились некоторые унижительные детальки и нюансики той памятной сцены, когда он первый раз изнасиловал Нину, и он неожиданно почувствовал, что в душе его опять всколыхнулась та старая, глухая, тяжелая обида и злоба. Ничего он, оказывается, не забыл! «Урод!» — Ссука!!)

— Как сосешь, мразь!? Разучилась?! Забыла, как мне нравится?! Чего, блядь, сосалку свою опять разинула!?! — в бешенстве заорал он, схватил Нину двумя руками за волосы и стал быстро двигать ее голову взад и вперед, пытаясь поймать нужный темп.

Потом, чувствуя уже, что опять ничего не получится, грубо отшвырнул перепуганную женщину от себя и, тяжело дыша, в ярости уставился на нее налитыми кровью глазами.

Вот тварь!! Сука проклятая! Что бы с ней такое сделать? Чтобы запомнила, стерва, на всю жизнь, кто здесь урод!

Алексей беспомощно огляделся по сторонам. Ничего! Кроме этой дурацкой кровати. Хоть бы палку какую!.. Или плетку. Или, лучше, кнут! Хотя нет. Кнутом еще уметь надо. Лучше просто плетку. Выпороть эту блядину! Отвести душу!.. Вот именно!! Выпороть! Вот прямо сейчас вот на этой самой кровати!..

В руке его вдруг оказалась плетка. Он мельком взглянул на нее и даже не очень удивился.

Ага! Понятно. Он же здесь хозяин. Господин. Царь и бог. Повелитель сна! Естественно, все его пожелания здесь должны немедленно сбываться. Правильно. Так и должно быть! Как же я раньше-то не догадался!

Ну-у-с!.. А вот теперь, моя милая Ниночка, мы с тобой наконец позабудемся. По-настоящему! Поиграем.

Алексей представил себе, как он будет сейчас пороть Нину,.. стегать ее этой плеткой... по спине... по ее обнаженной спине... по ягодицам... чуть подрагивающим, упругим,.. как взбухают под его ударами на коже багровые, огненные рубцы,.. как она кричит, корчится, извивается, визжит от боли,.. обжигающей, дикой боли... — и почувствовал, что его всего уже прямо-таки трясет от возбуждения.

Он еще чуть помедлил, а потом, уже заранее замирая сладострастно от предвкушения чего-то совсем-совсем нового, неизвестного и до сих пор ни разу еще не испытанного; какого-то острого, запретного, неведомого ему ранее наслаждения; неких неизведанных еще, недоступных прежде, ослепительных, ярких, манящих, волшебных ощущений, дразнящих, жгучих и пьянящих — стал медленно-медленно приближаться к застывшей в смертельном ужасе Нинке, не торопясь окидывая ее лихорадочным, пляшущим, воспаленно-горячечным и в то же время внимательным, оценивающим взглядом. Подойдя вплотную, он остановился.

Нинка вся сжалась в своем углу, закрывая голову руками. При виде плетки глаза ее стали совершенно безумными, как у перепуганного насмерть животного.

Алексей подошел еще ближе.

Та-ак!.. Неудобно ее бить-то будет! Все удары по рукам и по голове придутся. Надо бы ее на кровати разложить. И что-бы кто-то ее держал. А кто? Подручные! Нужны подручные!

Он нетерпеливо защелкал пальцами. (Нинка рефлекторно дернулась было к нему, приняв это за команду, но тут же опять забила в свой угол.)

Рядом с забившейся в угол женщиной сразу же возникли две молчаливые фигуры в каких-то бесформенных темных балахонах и надвинутых на глаза капюшонах, мгновенно подхватили ее под руки и поволокли на кровать.

Нина не успела даже ничего понять и закричала лишь, когда ее растянули на кровати лицом вниз, именно так, как хотелось Алексею.

Он все так же, сторя от нетерпения, но внешне не торопясь, лениво, небрежно, словно нехотя, поигрывая плеткой, приблизился к кровати. Уже дрожа весь, как в лихорадке и чувствуя в ушах какой-то протяжный, гудящий то ли шум, то ли звон, ощупал жадно и нетерпеливо глазами ее длинные-длинные, стройные голые ноги,.. ягодицы,.. спину,.. выбирая место для первого удара и примериваясь. Потом вдруг, словно вспомнив что-то или даже вообще передумав, быстро подошел к лежащей на животе женщине, схватил ее за волосы, рывком приподнял голову, судорожным движением засунул ей в рот свой твердый, буквально дрожащий, как струна, от перевозбуждения, член и сделал им там несколько коротких толчков.

После чего отошел, тщательно примерился, широко размахнулся и с наслаждением изо всех сил хлестнул плеткой по обнаженным плечам лежащей на кровати Нинки. Нинка пронзительно завизжала. Возбуждение Алексея достигло своего апогея.

Он успел сделать всего лишь несколько еще таких же точно ударов, потом же, чувствуя, что не в силах больше терпеть и сдерживаться, отбросил в сторону плетку, одним скачком оседлал лежащую ничком Нинку, широко раздвинул ей ягодицы и резким и сильным движением таза глубоко вогнал свой словно одревеневший уже член ей в анус.

И почти сразу же застонал, задержался и забился, содрогаясь в сладостных конвульсиях.

Несколько минут потом он полежал, переводя дыхание, опустив голову на спину замершей под ним женщины и отдыхая, прислушиваясь к своим ощущениям, наконец нехотя, медленно встал, все еще тяжело дыша, отошел от кровати и приказал своим помощникам у него на глазах вдвоем изнасиловать Нин-

ку. Затем, опять щелкнув пальцами, создал третьего и приказал сделать то же втроем.

Это зрелище его снова возбудило, и он даже сам присоединился. Кончив ей на лицо, он приподнял двумя пальцами ее перепачканный спермой подбородок и негромко сказал, глядя ей прямо в глаза: «Отныне ты будешь звать меня: мой господин, Повелитель Сна».

7.

С этого момента комната сна (так Алексей называл про себя помещение, где он неизменно оказывался теперь, засыпая) стала стремительно превращаться в самую настоящую пыточную камеру. Плетки, кнуты, ножи, разнообразные щипцы, клещи, раскаленные прутья... Алексей и сам не знал, откуда они брались и возникали. Из каких-то темных, дремучих дебрей его подсознания.

Он целыми днями, сутками напролет пытал и мучил Нину. Ему нравилось причинять ей боль, любоваться ее страданиями. Это возбуждало его, подхлестывало, будоражило быстро угасавшую чувственность. Причем с каждым разом пытки становились все изощреннее и изощреннее. Он пытал ее, насиловал, снова пытал, снова насиловал и испытывал безумное, необычайное, не сравнимое ни с чем до этого наслаждение. Он чувствовал себя в эти мгновенья сверхчеловеком!

Раны и увечья, которые он ей при этом наносил, не имели никакого значения, поскольку, как он скоро выяснил, по его желанию они в любой момент бесследно исчезали, и тело жертвы было снова готово к новым мучениям и новым истязаниям.

Боль. Только боль! Чистая, рафинированная. Без всяких досадных сопутствующих примесей в виде неизбежных уродств, ран, шрамов, поврежденных органов и сломанных костей. Ничего! Одна только чистая боль! Ничего, кроме боли!

Следы пыток исчезали, но не исчезала память о них. И Нина, и Алексей все прекрасно помнили. Во всех подробностях. Что было вчера, и что было час назад. Нина помнила свою боль, свой страх, свой ужас, все свои кошмарные ощущения. Помнила все в самых мельчайших деталях. Каждую минуту, секунду, каждый миг, проведенный в комнате сна.

Помнил все и Алексей. Ему нравилось перебирать, освежать в памяти, смаковать некоторые наиболее яркие с его точки зрения моменты своих утех, и он постоянно и с удовольствием вспоминал о них, как обычные люди вспоминают подчас наиболее запомнившиеся и понравившиеся им сцены и эпизоды любимых фильмов.

Только здесь было не кино. В комнате сна все было настоящим, подлинным. Кровь настоящая, плоть настоящая и боль настоящая. И наслаждение настоящее. И чем сильнее была боль одного, тем острее наслаждение другого. В этом театре двух актеров фальши не было. Каждый играл свою роль, и игра была всерьез. Как в жизни. И выйти из нее было нельзя. Невозможно. Тоже как в жизни.

Последние дни Алексей сидел в своем сне практически безвылазно. Собственно реальная жизнь его теперь вообще почти не интересовала. Была б его воля, он бы так и жил в комнате сна постоянно. К сожалению, возвращаться в реальный мир ему время от времени все же приходилось. Есть-пить надо было, по телефону иногда звонили. В общем, реальность о себе все-таки периодически напоминала. Никуда, увы, от нее не денешься.

Иногда, кстати сказать, происходило это в самые что ни на есть неподходящие моменты! Только, блин, войдешь во вкус!.. Только разохотишься!.. Вот, например, как сегодня. Только-только Алексей почувствовал наконец-то, как он сейчас...

Как в этот момент вдруг зазвонил телефон. Вырванный внезапно из своего сна, Алексей ошалелым, ничего еще не по-

нимающим взглядом, посмотрел вокруг, потом похлопал около кровати рукой и только с третьей попытки нащупал наконец трубку. В ушах его еще божественной музыкой звучали стоны и крики истязаемой Нинки.

— Да!

— Привет, это я, — услышал он в трубке голос Васьки и даже слегка удивился.

Ну, надо же! Как привет с того света! Он уже и думать забыл о его существовании. Ему казалось, что прошла целая вечность, что сам он теперь живет на другой планете или даже в другом мире, а все эти васьки-петьки-сашки-машки-жены-работы — все они навсегда остались где-то там,.. в прошлом,.. на Земле,.. в той, другой, старой жизни.

Оказывается, что нет! Ничуть не бывало! Оказывается, что все они по-прежнему тут, рядом, по соседству. Все так же прозябают, копошатся и живут-поживают своей серой, обычной, заурядной, никчемной, мышшиной жизнью.

Уму непостижимо! Невероятно! Он превратился за это время в бога, в сверхчеловека, в Повелителя Сна! Для него одна вселенная погасла, и зажглась другая. Он стал совсем другим. Побывал в аду и в раю. Узнал за эти дни о человеке, о душе его, о том, чего он на самом деле стоит, столько, сколько не узнал бы и за целую жизнь! Да чего там жизнь! За целых сто жизней!! За миллион!

Он вспомнил Нинку в комнате сна, как она ползает у него в ногах, пресмыкается, как выполняет по щелчку его команды, как совокупляется у него на глазах с толпой его помощников, со всеми — вместе и порознь. Добровольно, сама, лишь бы чуточку развлечь, отвлечь, слегка позабавить его! Как...

— Алло! Ты меня слышишь? — снова назойливо напомнила о себе реальность в лице Васьки.

— Да-да. Привет! А ты что, приехал уже? У меня тут чего-то с телефоном, — поспешно очнулся Алексей.

— Вчера еще. Я тебе звонил, никто не отвечал.
— Да я тут телефон отключал, а то мне с работы должны были позвонить.
— А-а,.. понятно. Чего ты меня искал-то?
— Да-а!.. Было тут одно небольшое дельце... Наклевывалось... В общем, это уже теперь не срочно. При встрече расскажу. У тебя-то какие новости? Все нормально?
— Да не совсем... У Нинки тут проблемы...
— Какие проблемы? — замирая, спросил Алексей. (Что он знает!?)
— Выкидыш у нее был.
— Выкидыш? — совершенно искренно удивился Алексей. (Хм?.. А чего ж я не знал? Интере-есно... о-о-очень интересно... Так-так!.. Так значит, моя дорогая Ниночка, у вас от меня есть тайны? Ну-ну! Побесе-едуем сегодня, побеседуем... о-очень интересно...) — Так она беременна была? — на всякий случай уточнил он.
— Ну да. 16-я неделя, — голос у Васьки был совершенно замогильный. — Мы так хотели ребенка!
— Да-а... Понятно. Слушай, ну, я тебе сочувствую... Чего тут еще скажешь... Ну, вы не переживайте уж так... Родите еще... Чего врачи-то говорят?
— Врачи... Она и у врача-то не была!
— Не была? Почему?
— Почему... У нее со сном какие-то проблемы непонятные. (У Алексея екнуло сердце. Вот оно!) Она спит все время. Слушай, не хочу я обо всем этом по телефону разговаривать! Ты зайти ко мне сейчас не можешь?
Алексей вдруг насторожился и забеспокоился.
Чего это он меня зовет? А вдруг он все знает? Да нет, бред. Не может быть. А если даже и знает. Ну и что? Мало ли, чего ей снится? Я-то здесь при чем? Мне, извини, ничего такого не снится!

Но все это были лишь пустые слова. Алексей почувствовал, что его охватывает самый настоящий страх.

А вдруг знает!?!.. Ну и что? А вдруг!?!.. Да ничего он не знает! Чего я сам себя пугаю и накручиваю!.. Ну, а вдруг!?!..

— Да я, честно говоря, спать уже собирался,.. — промямлил он и ужаснулся. Чего я несу?! Сколько сейчас времени-то? — Голова чего-то целый день болит... — сразу же поправился он. — А чего ты хотел?

— Да нет, просто посидеть, поговорить... Пивка попить. А то настроение такое, что...

— Да ладно, зайду, конечно, — внезапно решился Алексей.

Вроде, мирно разговаривает... Разведаю все, заодно. На Ниночку, кстати, уж полюбуюсь. Девочку мою ненаглядную. Пообщаемся. В культурной обстановочке. А то, я уж и забыл, как она одетая-то выглядит. Я же ее последнее время только в позе номер раз в основном вижу. Причем в массовых сценах, как правило. Большею частью.

Мысль, что он придет сейчас к Ваське, увидит там Нину, будет с ней предупредительно, предельно вежливо и корректно разговаривать: ах! здравствуйте-пожалуйста! извините! — поддерживать, блядь, светскую беседу; как она будет скромненько так сидеть перед ним на стульчике, целомудренно сжав свои коленочки — ах! милая!.. — и как буквально через несколько минут — ну, полчаса-час от силы! — он воссоздаст во сне такую же точно комнату, во всех подробностях; вместе со стульчиком и скромно сидящей на нем Ниночкой, и сначала трахнет ее сам, прямо не раздевая, в одежде, на этом самом стульчике, раздвинув коленочки, задрав платице и сдвинув чуть трусики; а потом, возможно, прикажет трахнуть и двум-трем своим подручным, тоже не раздевая, аккуратненько! прямо в одежде, так пикантнее!.. а она пусть и стыдливость еще сначала при этом поизображает, поломается-пожеманится, глазками поморгает

смущенно: «Ах, как мне стыдно!.. Какие же вы!..»... а потом вдруг и сама попросит: «Хо-очу, чтобы вы меня теперь сразу вд-ва-аем!.. втр-р-роем!!.. как ш-шлюху!!!.. так же, в одежде!.. не раздевая!!.. х-ха-а-ачу!!!»... да... ну, в общем, посмотрим,.. по настроению!.. — эта мысль взбудоражила и захватила Алексея необычайно! Он даже про страх свой забыл.

А действительно, чего это она у меня все голая да голая? Ее же одевать-раздевать можно. Все же в моей власти! Да и пыточная эта страхолюдная... Железо это... менять же интерьерчик-то время от времени надо! Иногда хоть. Просто для разнообразия. А то все клещи да клещи! Кровь да кровь. Скучно. Приедается.

Надо денек и отдохнуть. Побывать, блядь, джентльменом. «Пардон, мадам! Вы разрешите?..» — «Ну конечно, мусье. Пожалуйста-пожалуйста...» Ну? Вежливо, культурно... Политес-с. А то! «лежать! сосать! в глаза смотреть!» Куда это годится? Одичаешь тут на хуй! Разговаривать разучишься по-человечески.

— Конечно, зайду! — уже совсем весело продолжил Алексей. — О чем разговор! Надо чего купить?

— Да не надо. Все есть.

— Ну, все. Жди. Тогда минут через 15 буду.

— Ну, все.

— Ладно, давай.

Алексей повесил трубку и даже руки от возбуждения потер. Так-так-так-так-так-так-так!.. Отлично! Замечательно! Вери гуд. Ай да Ниночка!

Дорога-ая! Ау! Как вы там? Готовитесь к встрече? Губки красите? Носик пудрите?

А может прямо сейчас на пару минут смотаться и трахнуть на скоряк разочек?.. Просто для разминочки? Пока стоит? Нет-нет-нет! Всему свое время. После! После. По-сле. Подождем. Растянем сейчас удовольствие. А уже потом — и Ниночку на кроватке. Куда спешить? Зачем девочку по пустякам дергать! А то

она, бедненькая, и причесаться-накраситься-то к моей встрече не успеет. Ну-у!.. Некрасивая будет, смотреть на нее будет неприятно... Трахать потом не захочется...

Нехорошо. Зачем все портить? Дадим девушке время подготовиться. Пусть во всей красе передо мной покажется. Явится. Очарует-околдует.

Такая красивая-прекрасивая! Гордая-прегордая! Недоступная-препрепнедоступная! Пре-пре-пре-пре-пре! Смотреть, и то боязно. Не то что... Прикоснуться даже ненароком. Особенно такому уроду, как я. А-ах!..

Ладно. Надо пока быстренько умыться и поесть хоть чего-нибудь. А то я не помню уже, когда и ел. Все работа да работа. Н-да-с... Вчера-то хоть ел? Вроде, ел... А может, и не ел. Может, это и не вчера было... А-а,.. ладно! Сейчас поем. А то от пива еще развезет, чего доброго. На пустой-то желудок.

Алексей в веселом волнении откинул одеяло, вскочил с кровати и бодро побежал в ванную. Умылся, побрился («Черт! Чего это я зарос? Когда я последний раз брился-то? Недавно же, вроде?»), тщательно почистил зубы и, все еще позевывая со сна и потягиваясь, направился на кухню.

Так, что у нас тут есть?.. Ничего у нас тут нет! Шаром, блин, покати. А в морозильнике?.. И в морозильнике то же самое. «А там зима, холодная зима...» Понятно. Чего же все-таки поесть-то? А может, ну его на фиг? Да нет, поесть надо. На-до! Надо-то надо, а чего?

Кашу, что ли, с горя сварить? Крупа, вот, есть... Да какую там еще в пизду кашу! Так, перехватить что-нибудь на скорую руку!.. Так... Так... Черт! Ничего нет! Ни-чего. Пусто. Ноль. Зеро.

Ну, и ладно. На нет и суда нет. Плевать! У Васьки поем. Да нет!.. Поесть бы все-таки надо. Хоть, блядь, что-нибудь. Ну, хоть чего-нибудь-то есть!? В этой блядской квартире! Не может же здесь вообще ничего не быть!!?

А-а!.. Хлеб же есть! Я и забыл. Ну, и хорошо. Вот и чудненько! Засохший, правда, но не важно.

Алексей схватил первую попавшуюся кастрюлю, налил туда из-под крана холодной воды и бросил найденные им на кухне случайно завалявшиеся, засохшие куски черного хлеба. Потом выловил их ложкой, накрошил в тарелку и стал быстро, давясь, есть получившуюся тюрю, совершенно не чувствуя вкуса.

Поев, он наскоро вытер какой-то тряпкой рот и, торопясь, чуть ли не бегом устремился назад в спальню, одеваться.

Ему не терпелось отправиться поскорее к Ваське.

8.

Васька открыл сразу. Обычно веселый и жизнерадостный, сейчас он выглядел каким-то, словно пришибленным. Подавленным каким-то, озабоченным. Неважно, в общем, выглядел. Таким его Алексей вообще никогда не видел. Ему даже стало его немного жаль, а в душе шевельнулось нечто, вроде запоздалого раскаяния.

(Н-н-да... Все-таки друг детства, как-никак. Единственный остался... Во как жизнь-поганка поворачивается, тудыть ее в качель! А все бабы проклятые виноваты! Проклятущие. От них все зло, — по-тартюфовски лицемерно и ханжески думал он; кривляясь, ломаясь и паясничая перед самим собой; идя в комнату вслед за Васькой и жадно ища глазами Нину. — Дала бы мне сразу, ничего бы этого, может, и не было. Поебывал бы ее сейчас потихонечку, как все нормальные люди — вот и все дела.

А то, на-тко! Поди-тко! «Не дам!» «Да ты на себя посмотри, урод!» Ах-ох!

Естественно, я обиделся! А кто бы на моем месте не обиделся? Кто? Кто бы стерпел? Я же тоже живой человек. Каково мне было про себя такие вещи выслушивать? Ну и...

А уж там пошло-поехало! Во вкус, блин, вошел! Даже нравиться стало. Что сама не дает. Жаль только, что ненадолго ее хватило. С этим ее недаванием. Зато теперь вот всем подряд дает, сучка, — цинично усмехнулся он, усаживаясь в предложенное Васькой кресло. — Во все дырки. Такая давалка стала, что мама не горюй! Обслуживает, блядь, как в лучших домах Лондона. По первому требованию и по высшему разряду. Хоть сзади, хоть спереди.

Где она, кстати? Чтой-то не видать?.. Отдыхать, что ль, мадам изволят? Сил набираться? Для грядущих подвигов? Тоже правильно. Силы нам понадобятся. Ох, как понадобятся! Вот чуёт мое сердце! А оно у меня вещун.

Так где же мы? А? Хоть бы одним глазком на нее взглянуть. А то в чем ее потом хором трахать-то? Опять неглиже? Надоело, блядь, уже. Ба!.. Да я поэт! Пушкин, бля, в натуре! — настроение Алексея еще более улучшилось.)

— А где Нина-то? — невинно поинтересовался он. — Спит, что ли? Ты говорил, что у нее со сном что-то?

— Да нет, сейчас как раз не спит. Выйдет попозже, наверное, — отозвался Васька.

— Так что с ней случилось-то?

— Да даже не знаю, что сказать, — Васька смущенно потербил обивку кресла. — Ей, говорит, снится все время какой-то жуткий кошмар. Совершенно, говорит, реальный. Как в жизни! Как словно это даже и не сон. И в этом кошмаре ее постоянно кто-то мучает. Какой-то гад! Избивает, пытается... Представляешь? В общем, страсти какие-то. Как в фильме ужасов.

— Ничего себе! — воскликнул Алексей, всем своим видом показывая, как он удивлен и взволнован только что услышанным, и в то же время исподтишка изучающе поглядывал на Ваську. (Так что он все-таки знает?! Похоже, что ничего? «Какой-то гад»?) — Что значит: как в жизни? Настолько реальный? Этот ее сон. Как это может быть?

— А я откуда знаю? Она говорит, что настолько. Как настоящий. Все якобы как в реальной жизни. Такое ощущение, что это и не сон вовсе.

— А что?

— А я откуда знаю? Я же все с ее слов говорю. Откуда я знаю, что это!

— И что, ее там избивают? Кто? (Алексей затаил дыхание.)

— Она никак не может вспомнить, — сокрушенно вздохнул Васька. (Фу-у-у!..) — Такое впечатление, говорит, что я знаю этого подонка (Алексей непроизвольно вздрогнул), знакома с ним, но вот вспомнить не могу! Иногда кажется, что вот-вот!.. еще немножечко!.. вот сейчас!.. — а потом вдруг все опять куда-то уходит!..

(Черт! — с беспокойством подумал Алексей. — Так, может, лучше мне с ней тогда и не встречаться? А то вдруг вспомнит? И что тогда? Вишь, как он настроен: «гад!.. подонок!..» — беспокойство его все росло, и он сидел уже, как на иголках. — Блядь! На хуй я сюда приперся! Черти меня принесли! Сидел бы себе дома спокойненько. Спал бы уже давно. С Ниночкой в комнате сна общался. Чинно, благородно... По-тихому, в полной безопасности. Так нет! Новых ощущений ему, мудаку, видите ли, захотелось! Будут тебе сейчас новые ощущения! По полной программе. Мало не покажется. Блядь, а!)

...Из-за этих зверских избиений у нее и выкидыш был, — продолжал между тем Васька. — Она же все, как взаправду, переживает! Как наяву. Да я и сам уже ничего не понимаю! — вдруг с тоской воскликнул он. — Что и думать! Может, это у нее с головой что-то? На женской почве? Из-за ребенка?

— Ну, так к врачу ходите, — осторожно заметил Алексей.

— Как тут сходишь, когда она спит все время! Причем заснуть в любой момент может. В любом месте. Совершенно неожиданно. И разбудить потом невозможно. («Ага! — поду-

мал Алексей. — Понятно. Значит, вот оно как. Значит, когда я засыпаю, то и она тоже. И пока я не проснусь... Ну разумеется, а как же иначе. Что ж, будем знать». Я потому-то как раз с тобой и встретиться хотел. Ты нас завтра в больницу отвезти не сможешь? А то у меня машина, как назло, сломалась. Все одно к одному!

— Да никаких проблем! А во сколько? (Вот, блядь!.. На хуй ты мне сдался! Вместе с сукой своей неоценившейся! Черт меня дернул сюда явиться! Твою мать!)

— В двенадцать не можешь?

— Э-э... В двенадцать?..

— Ну давай, когда тебе удобно. (Понятно. Хуй отвяжешься.)

— Да нет, в двенадцать, так в двенадцать. Никаких проблем.

— Нет, ну, хочешь, давай в другое время!

— Да нет, нет! Давай уж в двенадцать. В двенадцать вполне нормально.

(А то еще полчаса сейчас договариваться будем! Ладно. Хорошо же. Твоей сучке это дорого обойдется. Эта наша с тобой поездочка. О-очень дорого! «Гад и подонок», говоришь? Ладно!

Где она кстати? Зря я, что ль, сюда тащился? Чтоб в больницу завтра эту шлюху везти?! Где она!!? Хотя, а вдруг узнает?.. Да и пес с ней! Пусть узнает! Даже интереснее будет. Как она тогда будет мне сейчас в глаза-то смотреть? Вот потеха! Засмущается ведь, небось? Зардеется вся. Как маков цвет. Как красна девица.

«Девица», блядь! Общего пользования. А вообще — ее сон, и точка! А мое дело сторона. Ну, где же она!??)

— А кстати, ты говоришь, ее во сне избивают. И что — просто избивают, и все? — как бы невзначай, промежду прочим, поинтересовался он, внимательно в то же время наблюдая за Васькой.

— Что значит: просто? — непонимающе переспросил тот. — Ну да, избивают. Пытают, мучают...

(Понятненько! Значит, что ее дерут там как сидорову козу во все щели оптом и в розницу, тебе твоя дорогая женушка не рассказала. И как она там в позы по щелчку становится — тоже.

Правильно, зачем муженька любимого лишний раз расстраивать? По пустякам. Его слабую и нежную психику травмировать. Душу зря беречь. Ну, дерут и дерут. Делов-то! Было бы о чем говорить! Дело житейское. С нас не убудет. Мы для того, бабы, и созданы, чтобы нас во все щели драли!

Браво, Ниночка! Браво!

А может, между прочим, у нее и любовничек есть? А? Если Ваське своему она сейчас с такой легкостью врет? Если любишь, вроде, врать-то не положено?.. Надо все как на духу... А что? Может, и есть.

А то, ну такая у них, видите ли, с Васькой любо-овь!.. Ну куда прямо деваться! А я, дурак, уши-то и развесил. Как же я сразу-то об этом не подумал? О такой возможности. А чем черт не шутит! Может, и правда есть? Очень, очень даже может быть... Муж-то все больше по командировкам, дамочка одна, скушает... О-очень может быть!..

Да наверняка есть! А то — у всех проза, а у них, блядь, одних поэзия! Любовь, на хуй, в натуре. Ага, как же! Такая у нас мадама особая. Непокобелимая! Ссука! И щенок-то этот у нее наверняка был не Васькин.

Ну, да чего уж зря гадать. Сегодня же и спрошу. Поинтересуюсь. Ну-у-у!.. Какая же у нас на сегодня беседа-то содержательная намечается! Задушевная. Мне аж прямо уж и не терпится. Невтерпеж-с!

Увидеть бы ее все-таки напоследок вживую хоть разок. Хоть одним только глазком. Ну, хоть мельком! А?.. И можно смело и откланиваться.

Машину-с, дескать, надо идти проверять. К завтрашней поездке готовить. Чтобы все у нас завтра было тип-топ. Чтобы в

лучшем виде вас с Ниночкой в больницу доставить. Чтобы, не дай бог, не укачало ее, бедненькую. А то ведь она у нас так страдает!

Пошел он, короче, со своим пивом! У меня на сегодня лучше развлечение есть. Повеселее!)

— Нет, ну я имел ввиду: может, хотят от нее чего? — терпеливо разъяснил Алексей своему непонятливому другу. Ему даже как-то обидно за него стало. Чего это она, действительно, ему ничего не рассказывает? Бьют ее там только, видите ли! Не только, мадам, не только... Не все там так грустно. Бывают и развлечения. — Или требуют? Пусть даже и во сне. Даже в сказках все злыдни всегда чего-то от своих жертв хотят. И добиваются.

(Алексею вдруг страстно захотелось раскрыть Ваське глаза. Заронить в него зерно сомнения. Чтобы он немного призадумался: а действительно ли его жену-страдалицу «просто» избивают? И что, так ничем больше с ней там и не занимаются? С бедной и несчастной? Только все мучают?.. Если все там, «как в жизни»?..

А если занимаются, то почему же она тебе про это не рассказывает? Скрывает! Обманывает! Врет!! Значит она способна тебе врать?.. Ах, ей стыдно!? Ну, так это, дружок, универсальное объяснение, оно на все случаи жизни годится! Про любовника рассказывать тоже, наверное, «стыдно». Как и вообще про любое постыдное дело. Потому-то оно так и называется: по-стыдное.

А то я тут, видите ли, палач, монстр, «подонок и гад», а она у нас святая! Великомученица! Так чего ж она тебе врет? Эта, блядь, великомученица? Святые не врут.

Пусть, пусть расскажет во всех подробностях, как сосет по щелчку. Живые картинки представляет. Гарцует, как дрессированная пони. А я послушаю! «Святая!» Все мы тут святые, все одним миром мазаны. Посмотрел бы ты на эту свою святую в комнате сна! Какие она там кренделя и пируэты с моими подручными выписывает. Любо-дорого!

Все! Все, мой дорогой Васенька! Жаль, конечно, что все так получилось, но жена у тебя теперь шлюха. Самая, что ни на есть настоящая, патентованная, и никуда от этого не денешься. Нравится тебе это или нет. Ту школу, что она в комнате сна прошла, она уже больше никогда не забудет. Переступила она черту, и обратно ей дороги нет!

А уж сама она это сделала или заставили ее — значения, извини, не имеет. Это ведь, как болезнь. СПИД! Сам ты заразился или заразили тебя случайно, скажем, при переливании крови — разницы никакой! Главное, что ты теперь инфицирован. А вирусу все равно! Какой ты был раньше красивый да здоровый. Честный-пречестный, высокоморальный и благородный. Что ни с кем — ни-ни! Это раньше все было. До болезни. А теперь — увы! Конец для всех один.

Вот и Ниночка твоя драгоценная... Инфицирована она уже. Все! У нее теперь психология шлюхи. Если она у меня по щелчку сосала, и у всех моих бесчисленных помощников, то и у любого другого отсосет. За милую душу! Подработать, например, захочет, бабок по-легкому срубить... Муж в командировке... Да даже и значения этому никакого не придаст! Подумаешь! Одним больше... Сколько их было!.. Главное, чтобы ты ничего не узнал, вот и все. А собственных моральных преград и устоев у нее больше нет. Они все в комнате сна остались. Она, вон, тебе уже сейчас врет и не краснеет. С самого начала! А дальше больше будет. Вот попомни мое слово! Не зря же говорится: ржа ест железо, а лжа — душу.

«Святая!» Блядь она теперь, а не святая! Шваль! Шлюха. Тряпка половая, грязь подзаборная! Обычная соска.)

— А кто хоть избивает? Женщина? Мужчина? — Алексей надеялся, что теперь-то уж мысли этого тугодума-Васьки потекут, наконец, в нужном направлении.

— Да не знаю... Мужчина, вроде... — как-то растерянно проговорил Валька. Чувствовалось, что до этого такой вопрос ему просто не приходил в голову. — А какая разница?

— Да нет, я так спросил,.. — сразу же пошел на попятный Алексей. (Сам дальше додумает, если не дурак!) — Слушай, Вась, я тогда пойду, пожалуй?.. Машину на завтра проверю. А то она у меня капризничает что-то последнее время... Машина ведь, сам знаешь, как дамочка: вовнутрь ей почаще лазай, тогда она и капризничать не будет. Под капот! — забывшись, хохотнул он.

Васька как-то странно на него посмотрел, и Алексей поспешил внутренне себя одернуть. Черт! Повнимательнее надо! Что это у меня последнее время даже шутки все стали прямо какие-то на одну тему?

— А пиво уж мы тогда с тобой в другой раз как-нибудь попьем? Не последний же раз видимся! — попытался он сгладить возникшую легкую неловкость. — Лады?

— Ну, ладно. Сам смотри, — все еще с некоторым сомнением на него глядя, медленно согласился Васька.

— Нинке привет! — уже вставая с кресла, вскользь бросил Алексей. — Пусть выздоравливает. Жалко, что не увиделись, — с видимым сожалением добавил он. — А то я даже неудобно как-то себя чувствую. Хоть бы лично чего-нибудь ей сказать... Утешить, что ли... Такая ситуация у вас... И с выкидышем этим... Ужас, конечно! С ума сойти! Как представишь себя на вашем месте... (Ну, приведи ты ее, болван! Дай мне на нее полюбоваться! Такую, леди ледяную. Снежную королеву. Всю из себя строгую-престрогую, холодную и недоступную-неприступную. Как, блядь, Монблан.)

— Ну, подожди секундочку... — растроганно произнес друг-Васька и торопливо вышел в соседнюю комнату.

Алексей, сгорая от нетерпения и кусая себе губы, топтался на месте. Ну!.. Ну!.. Через минуту Васька вернулся и виновато развел руками.

— Знаешь, не может она сейчас выйти. Очень плохо еще себя чувствует. Она сейчас в постели лежит вся больная — не хочет, чтобы ее в таком виде видели. Непричесанную и ненакрашенную. Ну, женщина — сам понимаешь...

— Да ладно, ладно! Ничего страшного. Завтра же все равно увидимся.

(Вот сука!! Дрянь! Могла бы, между прочим, к моему приходу и причесаться! Значит, я для тебя вообще не человек? Не мужчина? А, ну да — «урод и обезьяна».

Ну, погоди, тварь! Я тебя сейчас причешу! И покрашу заодно. В красный цвет. В багрянец! Это у нас сейчас в комнате сна модно. Последний писк! Ты у меня сейчас тоже запищишь. И заверещишь и застрекочешь! И чувствовать себя сразу будешь хорошо. О-очень хорошо! Ну, еще бы! Лекарей ведь у тебя сейчас мно-ого будет! Целая бригада. Я первый, а потом все остальные. В порядке общей очереди. Будут лечить, пока мадам не выздоровеет. Поточным методом. Очень способствует!

Ну, а затем мы с тобой еще и отдельно, моя милочка, кое о чем побеседуем. С глазу на глаз. В интимной, так сказать, обстановочке. Располагающей к откровенности.

Про выблядка твоего, например. Как это я не знал? А? Я тебе, блядь, не муж, чтобы со мной в эти игры играть! Во все эти ахи-охи! Меня стыдиться нечего.

Погоди, погоди, сучка! Ты у меня сейчас запоешь!)

Алексей с трудом выдавил из себя какое-то жалкое подобие улыбки. Губы у него дрожали и прыгали. За последние дни он совершенно разучился сдерживаться, и сейчас ему лишь с огромным трудом и невероятным усилием воли удавалось кое-как подавлять рвущееся наружу бешенство. Глаза застилала какая-то розовая пелена. Он чувствовал, что еще совсем немного, и он полностью потеряет над собой контроль.

— Ладно, все! Побежал я! За инструментом еще надо зайти! Ну, давай! До завтра! — он схватил руку не успевшего и рта раскрыть Васьки, потряс ее и, не дожидаясь ответа, повернулся, выскочил пулей из квартиры и быстро побежал вниз по лестнице. Внутри у него все кипело.

Тварь!! Вот тварь! Так, значит, я для тебя никто? Для меня, уроды, даже причесываться не надо? Ну, подожди, мразь! Я тебе сейчас устрою! Танец маленьких леблядей. На пуантах. Ты у меня и спляшешь, и споешь! Хором. Я тебе, блядь, покажу, как раком зимуют! Кто из нас обезьяна!

Алексей как вихрь влетел в свою квартиру, с грохотом захлопнул дверь, быстро сорвал с себя одежду и бросился на кровать. Потом, с трудом переводя дыхание, попытался успокоиться. Жаркое предвкушение близкой мести мешало ему сразу сосредоточиться и поймать нужное состояние.

Наконец, после нескольких безуспешных попыток ему это все же удалось. Перед глазами все привычно завертелось, в ушах раздался знакомый нарастающий звон. Еще одно, последнее усилие! И...

9.

В комнате сна, помимо Нинки, был на этот раз еще кто-то. Какой-то незнакомый, изящно одетый молодой мужчина лет 35-и. Он сидел, небрежно развалясь, в неизвестно откуда взявшемся кресле и с ленивым любопытством озирался вокруг. Судя по его скучающему виду, никакого особого впечатления все эти совершенно недвусмысленные аксессуары и атрибуты пыточной камеры на него не производили.

— А вот и Вы, уважаемый Алексей Петрович! — радостно воскликнул он при виде несколько опешившего и подрастерявшегося Алексея.

(Это еще кто такой!? И что он здесь делает? Может, я его сам сейчас создал случайно как-нибудь? Как и всех остальных своих гомункулусов? Просто от перевозбуждения?)

— Присаживайтесь, пожалуйста, — приглашающе кивнул между тем мужчина на внезапно появившееся за спиной Алексея второе кресло. — Присаживайтесь-присаживайтесь! — добавил он, видя, что Алексей в нерешительности медлит. — В ногах правды нет. А разговор у нас с Вами будет довольно долгий.

Алексей неуверенно сел. Он не знал, как себя вести. Кто это все-таки такой? Как он смеет им командовать!? «Присаживайтесь — не присаживайтесь»!.. Да не твое дело! Пошел ты! Захочу — присяду, не захочу — нет. Тоже мне, блядь, командир еще на мою голову нашелся! Да в гробу я тебя видал! Это же мой сон! Я здесь хозяин. Повелитель Сна. Я же сам, тебя, мудака, наверное, и создал. По ошибке. Чисто случайно. Иначе откуда ты здесь вообще мог взяться? Сейчас вот щелкну пальцами — ты и исчезнешь!

Алексей уже совсем было собрался так и сделать, но что-то его остановило. Что-то было не так. Как-то слишком уж уверенно незнакомец себя вел. Слишком независимо, что ли... Да и кресла... Откуда они здесь взялись? Сам-то Алексей их уж точно не создавал.

Вот черт! Что же это все-таки за типус? Ладно, не будем пока дергаться. Горячку пороть. Подождем лучше, послушаем. Посмотрим, что дальше будет. А то наломаешь тут дров! Давай-давай! Говори-говори! Пока. Всему свое время. Можно в конце концов и подручных своих на него натравить. В случае чего. Ладно, там видно будет.

Алексей хоть и храбрился, но ему было явно не по себе. Он словно физически ощущал на себе пристальный, изучающий взгляд сидящего напротив мужчины. Его начинала потихоньку охватывать легкая паника. Он словно кожей чувствовал при-

ближение какой-то неведомой, но вместе с тем несомненной и грозной опасности. Какую-то, исходящую от своего гостя, давящую угрозу. Словно бы перед ним сидела кобра или гюрза в человеческом облике. Которая может в любой момент броситься. А может и не броситься. Кто знает, что у нее на уме?

Паника Алексея быстро нарастала. Он уже почему-то практически не сомневался, что ничего хорошего ему эта неожиданная встреча не сулит. И все эти «разговоры» тоже. Не о чем тут разговаривать! Удирать надо! Пока еще не поздно. Возвращаться назад, в явь. Наверное, это и есть тут настоящий хозяин. Явился, блядь, наконец! Не запылится. Демон какой-нибудь или кто он там? А то будет сейчас, как в сказке про Машеньку и трех медведей. «Кто-о спал на моей любимой кровати?!» Удирать, короче, надо!

Алексей незаметно напрягся, решив немедленно проснуться. Не тут-то было! Он по-прежнему находился в комнате сна. Незнакомец по-прежнему сидел напротив и все так же в упор на него смотрел. Алексею показалось даже, что на губах его зазмеилась чуть заметная насмешливая полуулыбочка.

Уже понимая, что все это бесполезно и теряя последние остатки самообладания, Алексей лихорадочно и совершенно открыто зацелкал пальцами, пытаясь вызвать своих подручных. Никого! Никто, естественно, не появился. Комната по-прежнему оставалась пуста. Только он, незнакомец, да оставшаяся в углу Нинка, о которой Алексей уже почти забыл. Не до нее тут! Недосут.

Незнакомец довольно отчетливо хмыкнул. Усмешка его стала еще шире. Он явно забавлялся, наблюдая за Алексеем.

(Смотрит, блядь, как удав на кролика! — невольно пришло тому в голову. — Перед тем как проглотить.

Роль кролика Алексею совсем не нравилась. Но его, похоже, никто тут больше спрашивать не собирался. Оставалось только сидеть и ждать, что же будет дальше.

Да чего ему от меня надо-то? Душу, что ль? «Пора бы, мол, Алексей Петрович, и расплатиться за доставленные удовольствия!» Больше-то у меня все равно ничего нет! Ну, давай! Говори!»

— Ладно-ладно, Алексей Петрович, успокойтесь! — примирительно произнес наконец незнакомец, прерывая слишком уж, просто до неприличия, затянувшуюся паузу. — Я всего лишь хотел с Вами побеседовать, только и всего. Наедине, в спокойной обстановке. Без всех этих Ваших... франкенштейнов. Что это Вы уже без них и минуты не можете обойтись, право? Не наигрались еще? — он мельком взглянул на Нину, потом быстро пробежал глазами по комнате, по стенам, увешанным всевозможными кнутами, шомполами и плетками, и деликатно покашлял. — Н-да... Кхе-кхе... Ну, ладно. Оставим пока это.

Так вот, уважаемый Алексей Петрович!

Я просто хотел Вам кое-что пояснить и, возможно, посоветовать. Видите ли, Вы не совсем рационально используете свои нынешние гигантские возможности. Ну, зачем же все самому! Пытки — это ведь целое искусство! Целая наука, имеющая за плечами тысячелетнюю историю. Вы и представить себе не можете, каких высот она за это время достигла! Люди оказались в этой области весьма изобретательны. Весьма! — мужчина чему-то усмехнулся и задумчиво покачал головой. — А это все, — он пренебрежительно кивнул головой на весь, загромождавший комнату, созданный за последние дни Алексеем инструментарий и брезгливо поморщился, — это все, простите меня, дилетантство.

Вызвали бы себе высококлассного специалиста, профессионального палача, он бы Вас быстренько всему научил. Многому бы научил! О-очень многому, уверяю Вас, уважаемый Алексей Петрович! Очень-очень многому! Такому, что Вам даже никогда и не снилось! — мужчина сам весело засмеялся собственной невольной шутке. — Забавно, не правда ли? Игра слов. Ха-ха-ха! Ка-лам-бур.

Хотя, с другой стороны, — медленно добавил он, перестав вдруг смеяться и с каким-то странным, непонятым выражением разглядывая Алексея, — лишь очень немногие люди способны быть по-настоящему жестокими. Для этого требуется гораздо больше сил, чем принято думать, — он опять мельком взглянул на Нину и слабо чему-то улыбнулся. — Гм... Неважно, впрочем. Ладно, отдыхайте. Не буду Вам мешать.

Да! И вот еще что. Если все-таки решите воспользоваться моим советом, настоятельно рекомендую Азию. Ну, экзотика... Новые ощущения... Вам понравится.

Китай, например. Скажем, эпоха Мин. Замечательные есть специалисты!.. Замечательные! Просто превосходные!

Китайцы в этой области вообще, кстати, большие мастера и затейники. Как в искусстве любви, к слову сказать.

Про секс с гусыней, к примеру, не слышали?.. Нет?.. Довольно любопытно. Право же! В одном из древнекитайских трактатов он очень красочно описан.

Берется гусыня и в момент совокупления с ней ей отрубает голову. Предсмертные судороги обезглавленного тела птицы доставляют, по словам автора трактата, «возвышенное и ни с чем на земле не сравнимое наслаждение». Рекомендую попробовать. С Вашей дамой, — незнакомец снова кинул беглый взгляд на Нину, которая, остолбенев от ужаса, смотрела на него в каком-то ступоре неестественно-широко открытыми глазами, и галантно ей улыбнулся.

Алексей, затаив дыхание, очень внимательно слушал своего гостя, и чем дольше он его слушал, тем все страшнее и страшнее ему почему-то становилось. Во всем поведении непринужденно сидящего перед ним человека, во всем, что он говорил, было что-то противоестественное. Не мог обычный человек так на все это реагировать! На все эти клещи и пилы кошмарные. Ни

удивления, ни страха, ни отвращения! Вообще ничего! Просто ленивая скука. «Дилетантство»! Ни хуя себе, блядь, «дилетантство»! Это вообще человек!?!

А последний «совет»? «Попробуйте с Вашей дамой»! То есть голову ей, как курице, отрубить «в момент совокупления», что ли? Пардон, как гусыне. Чтобы предсмертные судороги обезглавленного тела доставили мне «ни с чем на земле не сравнимое наслаждение»?.. Что, действительно, «ни с чем»?.. Хм... Вообще-то интересно... Нет, правда, интересно!.. Неужели действительно «ни с чем на земле не сравнимое»?

Алексей вдруг почувствовал, что эта мысль его невольно увлекает и захватывает. Он ярко представлял себе, как он приближается к стоящей на коленях и наклонившейся вперед Нинке,.. медленно обходит вокруг,.. заходит сзади... И как потом, «в момент совокупления», в самое последнее мгновение, когда уже вот-вот! он взмахивает саблей — вж-ж-ж-жик!.. И сразу же плотно прижимает к себе обеими руками бьющееся в предсмертных судорогах и конвульсиях обезглавленное обнаженное женское тело.

Любопы-ытно!.. Вообще-то ощущения могут быть действительно весьма любопытные. Как там автор пишет? «Возвышенное и ни с чем на земле не сравнимое»?.. Хм... Может, и правда... И это ведь, заметьте, всего лишь с гусыней! А с женщиной-то наверняка еще лучше будет! Да не просто «еще»! Земля и небо! Н-да-а-а...

Только вот как это все на практике проделать? Чисто технически? А? Саблей я не владею. Голову с одного удара уж точно не отрублю. Руку себе скорее. «Вжик»!.. А может, с помощником попробовать?.. Да нет! Мешаться только будет. Отвлекать. Лучше самому. А! Или можно с гильотиной! Точно! Голову ей там закрепить, а я потом в нужный момент кнопочку-то и нажму...

Интересно!.. Надо подумать... Да! А с ней-то что будет?! С Нинкой? Она-то хоть оживет потом? А то — отрублю ей го-

лову, и что? Все? Конец? Финита ля комедия? Труп безголовый потом трахать? Некрофилом становиться?

— Ну, зачем же труп! — услышал вдруг Алексей успокаивающий голос незнакомца и вскинул на него глаза. Он что, мысли его читает? — Конечно, оживет! Не волнуйтесь. Это же Ваш сон. Вы здесь хозяин. Можете ее хоть по сто раз на дню жечь, топить, расчленять — делайте, что угодно! Она в Вашей полной власти. Абсолютной. Развлекайтесь! — незнакомец встал с кресла и оглянулся, ища что-то глазами.

Алексей тоже поднялся и теперь в нерешительности переминался с ноги на ногу, не зная, что ему в этой ситуации делать и как дальше себя вести. Попрощаться, наверное, надо? За советы поблагодарить?

Так ничего и не найдя, незнакомец поднял глаза на стоящего перед ним чуть ли не навтыжку Алексея и, нисколько не меняя интонации, тем же точно будничным тоном продолжил:

— Время у Вас еще есть. Целый час.

— Почему час? — ошеломленно переспросил Алексей. — А потом?

— А потом все кончится. (Алексей заметил краем глаза какое-то слабое шевеление в том углу, где сидела Нинка.)

— Как «кончится»? — снова тупо переспросил он и машинально покосился на Нину.

Нина вся подалась вперед, прижав руки к груди, впившись в мужчину глазами и напряженно ловя каждое его слово.

— Так. Ровно неделя, — мужчина наконец отыскал то, что хотел. Это оказалась прислоненная к креслу трость с массивным набалдашником. Алексей ее поначалу даже и не заметил.

Небрежно поигрывая своей тростью, незнакомец повернулся к Алексею спиной и двинулся прямо к появившемуся вдруг в стене проему.

— И что теперь? — в полной растерянности, жалким, дрожащим голосом уже в спину ему спросил Алексей. Он чувствовал себя как ребенок, у которого собираются отнять его любимую игрушку. — Я сюда больше никогда не смогу вернуться?..

При одной только мысли, что все! сказка закончена! никакой он больше не бог, не дьявол, не Повелитель Сна; впереди у него теперь только будни, будни, будни... серые беспросветные будни! — при одной только этой мысли внутри у него все сжалось, и он чуть не заплакал.

— А это уже теперь только от Нины Николаевны зависит! — мужчина остановился на пороге, повернулся лицом к Алексею, посмотрел ему прямо в глаза и ослепительно улыбнулся. Потом, все так же лучезарно улыбаясь, перевел взгляд на неотрывно глядящую на него Нину. — Теперь она становится Повелительницей Сна. Вашей, Алексей Петрович, полной хозяйкой. Тоже на неделю. Вы с Ниной Николаевной меняетесь местами. Кажется, это вполне справедливо?

— Что? — Алексей медленно осел на пол, цепляясь за кресло. — Что-о-о!!? Вы не можете! Вы не можете так со мной поступить!! Почему же Вы с самого начала мне ничего не сказали!!!!?? Не предупредили!!!!?

— Прощайте, — незнакомец шагнул в проем, и дверь в стене исчезла.

Алексей остался сидеть на полу, уставившись в стену, держась одной рукой за сердце и чувствуя разливающуюся по всему телу противную, ватную слабость.

Потом медленно-медленно перевел взгляд на Нину.

Нина сидела, выпрямившись, и смотрела прямо на него. В глазах ее было столько ледяной ненависти, что Алексей невольно отшатнулся.

— Ну, давай! Давай, выродок! — свистящим шепотом тихо проговорила она. — Чего ты ждешь? Давай, трахни меня,

отруби мне голову, потешься напоследок, упырь! Испытай «возвышенное наслаждение»! Ну, чего ты ждешь? Время же пошло! Повелитель Сна.

Нина грязно и длинно выругалась, запрокинула голову и расхохоталась каким-то безумным, диким смехом. Из глаз ее лились слезы, она захлебывалась ими, но все хохотала, хохотала, хохотала и никак не могла остановиться.

* * *

На следующий день Алексей Громов покончил с собой, выбросившись из окна.

Это произошло как раз в тот самый момент, когда Васька, обеспокоенный тем, что жена его слишком уж долго спит, все же разбудил ее. Хотя она накануне и очень настоятельно просила его этого ни в коем случае не делать, говоря, что кошмары ее кончились, и ей теперь надо просто-напросто недельку как следует отоспаться и восстановить силы.

И спросил у Люцифера Его Сын:

- Может ли человек выдержать искушение абсолютной властью?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Нет.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:

- Ты говорил о справедливости. И Ты дал той женщине власть над тем мужчиной. Зачем?

И ответил Люцифер Своему Сыну:

- Я просто предоставил ей возможность сделать выбор между Его и Моей справедливостью.

И опять спросил у Люцифера Его Сын:
- А в чем состоит Его справедливость?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Если тебя ударили по правой щеке, подставь левую.
И спросил, помолчав, у Люцифера Его Сын:
- Что сделала та женщина с тем мужчиной?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Ты еще слишком молод, тебе лучше не знать этого.

СЫН ЛЮЦИФЕРА

День 3-й

И настал третий день.
И спросил у Люцифера Его Сын:
- Почему говорится: слуги сатаны, но рабы Божьи?
И ответил Люцифер Своему Сыну:
- Потому что Мне служат свободные люди. Мне не
нужны рабы.

СДЕЛКА

«Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее».

Евангелие от Матфея

1.

Игорь сидел в скверике на лавочке и бездумно глазел по сторонам. Делать было в общем-то нечего. Не домой же, в самом деле, идти. Пивка, что ль, купить?..

Неожиданно внимание его привлекла появившаяся на той стороне аллеи какая-то делового вида девица. За девицей шел парень с камерой, судя по всему, оператор. Телевизионщики! Девица остановилась, перебросилась парой слов с оператором и начала говорить что-то в камеру. Игорь с ленивым любопытством наблюдал за происходящим. Все-таки какое-никакое развлечение. Девица была стильная, вся из себя, в каком-то супермодном джинсовом костюме и темных очках. Класная, в общем, девица. Смотреть приятно. Игорю такие всегда нравились.

Девица между тем кончила говорить, повернулась и, держа в руке микрофон, решительно направилась прямо к Игорю. Оператор с включенной камерой на плече двинулся за ней. Игорь не успел даже толком ничего понять, как телевизионщики оказались около него.

Девица бесцеремонно уселась рядом, профессионально улыбнулась Игорю и бойко затараторила:

— Здравствуйте! Это программа «Религия в современном мире». Вы в прямом эфире. Мы хотели бы задать Вам несколько вопросов. Вы не против?

— Хорошо, — растерянно и несколько невпопад ответил Игорь. До этого с телевизионщиками он никогда никаких дел не имел и сейчас совершенно потерялся. Включенная и направленная на него телекамера сковывала и мешала думать. Он чувствовал себя перед ней каким-то сразу поглупевшим.

— Представьтесь, пожалуйста, — бодро продолжала тем временем девица. — Имя, возраст, профессия?

— Игорь, 40 лет, дизайнер.

— О! Какая у Вас современная профессия! — обрадовалась девица. — Это замечательно! Это как раз то, что нам нужно! Поскольку нас интересует отношение к религии именно современного человека. Вот как раз такого, как Вы. Игорь! В последнее время, вот, в обществе наблюдается резкий поворот в сторону религии, церкви, веры в бога. Стали отмечаться религиозные праздники, руководители наши публично в них участвуют... Как Вы к этому относитесь?

— Ну, в общем-то, положительно, — промямлил Игорь. (А как я, действительно, к этому отношусь? Да никак! По хую мне все эти праздники! Я и в церкви-то ни разу в жизни не был.)

— Вы считаете это нормальным? — с крайне заинтересованным видом уточнила девица.

— Что «нормальным»? — как попка повторил за ней Игорь.

— Что сейчас происходит возврат к религии, — терпеливо пояснила ему корреспондентка.

— Да! — глупо улыбаясь и косясь на камеру, ответил Игорь. Он чувствовал себя полным дураком.

— А почему?

— Что «почему»? — опять тупо переспросил Игорь.

Он все никак не мог отвлечься от камеры и хоть как-то сосредоточиться. В голове не было ни единой мысли.

— Почему Вы считаете, что возврат к религии — это для общества хорошо? — с поистине ангельским терпением сно-

ва повторила свой вопрос корреспондентка. Улыбка на ее лице стала, правда, несколько напряженной. Похоже, она начала подозревать, что нарвалась на идиота.

Игорь, наконец, разозлился и стряхнул с себя охватившее его оцепенение.

Да чего это я, в самом деле!? Взрослый человек, а веду себя... Как кисейная барышня на выданье. Камеры стесняюсь. Возьми себя в руки! Перед людьми не позорься!

— Я считаю, что человек должен во что-то верить. Во что-то светлое, — тщательно подбирая слова, медленно произнес он. (Кажется, так?.. Да, именно. Именно так!) — В бога, в коммунизм — не важно! Но во что-то верить надо.

— Угу... понятно... А скажите, Игорь, Вы сами в бога верите?

— Я? Да нет, пожалуй, — засмеялся Игорь. Он окончательно оправился от смущения, освоился и чувствовал себя теперь совершенно свободно и раскованно. — С детства веру не привили, а сейчас уже поздно, наверное, убеждения менять.

— Ага! Прекрасно! — чему-то опять обрадовалась девица. — Итак, Вы в бога не верите?

— Нет, — с улыбкой подтвердил Игорь.

— И в церкви, значит, наверное, не бываете? — девица была само любопытство.

— Нет, конечно. (Чего ей надо?)

— Хорошо. А вот такой, несколько странный вопрос. Если Вы не верите в бога, то наверняка ведь не верите и в дьявола? Ну, что он существует?

— В дьявола? — удивленно переспросил Игорь. (В какого еще, блядь, дьявола?! Что за вопросы? Может, это какая-нибудь провокация? Когда людям всякие дурацкие вопросы задают и скрытой камерой снимают, наблюдая за их реакцией? Дьявол-то здесь причем?) — Конечно, не верю.

— Итак, перед нами современный человек, который якобы ни во что не верит, — повернулась к камере девица. — Ни в бога, ни в черта. Сейчас мы проверим, так ли это! Игорь, Вы не верите ни во что, я Вас правильно поняла? — снова обратилась она к Игорю.

— Да, — не понимая еще, куда она клонит, но уже чувствуя какую-то ловушку, подтвердил Игорь.

(Вообще назойливость корреспондентки начала его уже несколько раздражать. Ему все больше начинало казаться, что его просто-напросто специально выставляют перед всем светом каким-то дурачком. На всеобщее посмешище. На потеху почтеннейшей публики.

Что это, блядь, еще такое!? Что я ей тут, шут гороховый, что ли?)

— Хорошо. Тогда не согласитесь ли Вы подписать вот этот документ? — корреспондентка держала в руках какую-то бумагу. Игорь не успел даже заметить, откуда она ее взяла.

— Что это? — почти грубо спросил он.

— Читаем! — опять повернулась к камере корреспондентка и начала вслух читать. — Договор. Я, такой-то, такой-то, продал душу дьяволу за 10 тысяч долларов. Число, подпись. Если Вы, Игорь, действительно ни во что не верите, — голосом профессионального провокатора с вкрадчивой улыбочкой предложила она Игорю, — подпишите ее. Это же для Вас ничего не значит!

— Зачем? Зачем я буду ее подписывать? — попробовал отшутиться Игорь.

(От такого поворота событий он опять несколько подрастерялся и сейчас лихорадочно соображал, что в этой ситуации делать!? Собственно, волновал его не столько сам смысл происходящего — какая там еще душа! ясно же, что это полный бред, шляпа! подстава какая-то! — сколько страх оказаться в смешном положении, позволить выставить себя полным болваном. Перед всем честным народом. Черт! В чем же здесь подвох-то?!)

— Чтобы получить 10 тысяч долларов! — радостно сообщила ему между тем девица, с явным интересом наблюдая за его реакцией.

— Если я подпишу эту бумажку, мне дадут целых 10 тысяч долларов? — с веселым выражением лица включился в игру и Игорь, делая вид, что все это его ужасно забавляет.

На самом же деле ему было не до веселья. Ясно же, что никаких десяти тысяч долларов ему никогда не видать как своих ушей, никто ему их давать, естественно, не собирается. Так в чем же здесь все-таки хохма-то? Ждет, наверное, мымра, что я сейчас испугаюсь? И откажусь подписываться?

— Да! — еще радостнее подтвердила тем временем девица. — Подпишите, и я прямо сейчас их Вам выдам!

— Ну, Вы хоть их покажите мне сначала, — шутливо попросил Игорь. — Чтоб я хоть знал, за что душу продаю.

Девица охотно засмеялась вместе с ним и с ловкостью фокусника мгновенно извлекла откуда-то плотный конверт.

— Итак, в этом конверте ровно 10 тысяч долларов! — громко сказала она в камеру. — Давайте посмотрим... — она открыла конверт, достала оттуда пачку стодолларовых купюр и повертела ее перед камерой.

(У Игоря глаза на лоб полезли. Шутка начинала заходить слишком далеко.)

— Как только Игорь подпишет договор, я ему их отдам. Но только все должно быть всерьез, — лукаво посмотрела она на Игоря и кокетливо ему подмигнула. — Подписывать надо кровью! У-у-у!.. Как это во всех страшных сказках требуется. Вот у меня в руках специальная одноразовая иголочка, ну, не иголочка, а специальная штучка такая, которой колют, когда кровь из пальца берут. Я сейчас уколую ей Игоря, он приложит палец к договору и, таким образом, скрепит его своей кровью. Ты готов? Извини, что на ты перешла, это я от волнения! — ожив-

ленно обратилась она к Игорю, держа в руках свою запечатанную в целлофан иголку.

И, смеясь, добавила:

— Иголочка совсем тоненькая, больно не будет — гарантирую. Проверяли на нашем операторе Косте, — она кивнула на оператора с камерой, который на этот ее жест никак решительно не отреагировал и продолжал как ни в чем не бывало спокойно и дальше заниматься своим делом.

Пока Игорь с глупым видом тарачился на оператора-Костю, корреспондентка живо схватила его за руку, быстренько протерла влажной ваткой указательный палец и легонько кольнула распечатанной уже иголкой. Игорь даже сориентироваться не успел и лишь безвольно наблюдал за происходящим. Как она хватается его за палец,.. протирает,.. колет... (Больно, кстати, действительно не было.) Не успел он и глазом моргнуть, как все было уже закончено, и на подушечке его указательного пальца выступила малюсенькая ярко-красная капелька.

— Приложите вот сюда, пожалуйста, — девушка протянула ему лист. Игорь послушно приложил. — Итак, дорогие наши телезрители, Игорь действительно не испугался подписать договор с дьяволом о продаже своей души. И даже скрепил его кровью! — корреспондентка подняла договор повыше и подержала его некоторое время перед камерой. — А вы бы решились на такое? Пишите нам. Или шлите свои сообщения по электронной почте. Адрес нашей электронной почты,.. — корреспондентка быстро что-то проговорила. Игорь успел разобрать только слово «собака». Впрочем, ему было не до этого. Он пребывал в каком-то транс. Договор,.. кровь,.. деньги...

Он посмотрел на конверт. Потом осторожно заглянул внутрь. Доллары! Ей-богу, доллары! Он пощупал их рукой. Доллары! Щупай, не щупай.

Мне их что, правда дали? Они мои? Или это все для камеры было, а сейчас отбирать начнут?

Он поднял глаза. Корреспондентки рядом уже не было. Игорь успел только заметить, как они с оператором садятся в какой-то, судя по всему ждавший их все это время микроавтобус, который сразу же тронулся с места и через секунду исчез в плотном потоке машин. Все! Никого! Ни корреспондентки, ни камеры, ни оператора. Только конверт с деньгами да ватка на указательном пальце. Больше ничего вокруг решительно не изменилось. Как будто и не было ничего. И все эти 15-20 минут Игорь просто мирно просидел на лавочке, праздно глаза по сторонам.

Однако было! Деньги и ватка свидетельствовали об этом совершенно неопровержимо. Было! И интервью это немыслимое, и договор этот шутовской. И балаган с укальванием пальца и подписыванием кровью. И 10 тысяч самых настоящих американских долларов, которые он в результате всей этой фантазмагии каким-то совершенно волшебным образом получил.

Блядь, большие деньги! За них убивают! Просто так такие деньги никому не дают. Но ему-то дали!? Игорь посмотрел на палец. Кровь тоже была настоящая. Как и деньги. Что, черт возьми, все это значит? Он что, действительно только что дьяволу душу продал?! Какому еще дьяволу? Нет же никакого дьявола! А деньги? Деньги есть. За что же мне их дали? Десять штук баксов. Не шутки!

Игорь повертел в руках конверт и сунул его в карман. Потом решительно встал и направился к автобусной остановке. Он ехал домой.

2.

Дома первым делом Игорь бросился смотреть программу.

Так... 1-й канал,.. НТВ... Ну, где? Она же говорила: прямой эфир? Где эта передача? Как ее там? «Религия...», «Современ-

ное общество...»? Ну где, короче?! Хоть что-нибудь похожее?.. Ничего. Даже близко. Какая там еще «религия»! В современном мире. Кого это сейчас интересует! Обычные шоу и сериалы, вся эта тягомотина бесконечная, песнопения и свистопляски.

Так-так-так!.. Ну, и чего? Где же это, интересно, выступленьице мое? Интервью в скверике? Передача эта?.. Может, спутниковый какой канал? Платный? Или кабельный?.. Может. Но вряд ли. Будут тебе по платному такую чушь передавать! Которую и даром смотреть никто не будет... Но деньги-то мне дали! Действительно дали. И я за них кровью расписался. Блядь! Чего-то мне все это не нравится. Совсем не нравится!

Хм!.. А чего от меня хоть требовали-то? Ничего! В том-то и дело, что ничего. Абсолютно! Просто «душу». И что теперь? У меня теперь что, души нет? Или это только после смерти? Как у Фауста? Блядь, надо было хоть договор почитать. «Договор»! Да это филькина грамота какая-то, а не договор!.. Почему же «грамота» — нормальный договор. Мне его зачитали, предложили подписать — и я его добровольно подписал. Кровью. Все правильно, все честь честью.

Охренеть можно! Так я действительно, что ли, получается, дьяволу душу продал!? А вдруг он правда есть? Дьявол этот. И что тогда?.. Пиздец тогда, вот что тогда!! Причем такой, что ни в сказке сказать ни пером описать! Всем пиздецам пиздец. Неслыханный и невиданный. Гореть мне в аду тогда, вот что тогда! Вечно! Аминь.

Игорь попытался собраться с мыслями. Ладно, хватит понтоваться и ерничать да словами красивыми без толку жонглировать. Перед самим собой кокетничать и в прятки играть, как всю жизнь делал, когда о вопросах веры речь заходила. «Филькина грамота»! «Пиздец»! Тон-то этот игривый оставить бы надо. Дело-то серьезное.

Спокойнее, спокойнее! Итак, что мы имеем?

Только что в сквере ко мне подошла какая-то девица и парень с камерой, на вид явные телевизионщики, сказали, что они из какой-то там программы, и предложили заключить сделку с дьяволом. На что я, как последний мудака, и согласился. Причем совершенно добровольно. И продал, якобы!.. (Игорь поспешил сделать про себя эту оговорку. «Якобы»! Якобы продал!) ...дьяволу свою душу. За десять тысяч баксов. Каковая сумма мне и была немедленно с соответствующими шуточками и прибаутками на месте и вручена. После чего парень с девицей быстренько сели в поджидавший их микроавтобус и укатили в неизвестном направлении. Вместе, блядь, с договором! Подписанным моей кровью!!!

Так... Спокойно, спокойно!.. Все? Нет, не все. Передачи такой не оказалось. По крайней мере, я ее не нашел в программе. Да-а!.. чего там «по крайней мере»?! Не оказалось, и все! Нет ни хуя такой передачи! Нет!! Вот программа передо мной лежит. Черт подери! Хотя черта-то, пожалуй, мне теперь лучше как раз и не вспоминать. Всуе.

Итак, итак, ладно! Не будем отвлекаться. Что же мы в итоге имеем? Давайте все по полочкам разложим. И проанализируем.

Вариант первый. Подстава. Бред полный, но предположим. Меня вели, выслеживали (кто?! зачем?! кому я на хуй нужен?!), подловили момент, когда я сел на лавочку (ведь заранее они этого знать не могли! я и сам не знал), и подкатили ко мне под видом телевизионщиков. Специально, чтобы вручить торжественно десять штук ненаших денег... Великолепно! А, ну еще писульку с меня какую-то бутафорскую взяли, чтобы все правдоподобно выглядело. А то как же мне иначе-то 10 тысяч баксов было всучить? Предлог же нужен был! Благо-видный. Так-то ведь я не возьму еще, чего доброго! Я же гордый.

Ну, в общем, таинственные доброжелатели. Которые обо мне таинственно — и тайно, опять же! — пекутся и заботятся.

Никогда, блядь, до этого — сорок лет уже! — не заботились, а тут вот вдруг приспичило! Специально для этого целую комедию с переодеванием устроили. С песнями и плясками. С телекамерой и микроавтобусом. И с иглоукальванием пальца. (Игорь покосился на палец. Ранка уже почти зажила.) Водевильчик этот дешевый.

А договор с кровью — это так! Это чепуха! Это просто для правдоподобия. Для соблюдения таинственности и конспиративности. Договор никакого значения не имеет! Они его, наверное, уже вообще в ближайшую урну выбросили. Чтобы на улице зря не мусорить.

Н-н-да... Очень соблазнительная версия. Очень! Все прекрасно объясняющая. Главное, что правдоподобная! Ладно, оставим это. Пока. В запасе. На самый крайний случай. Поехали дальше.

Вариант второй.

Все то же самое, но только это не доброжелатели, а как раз наоборот. Недоброжелатели. Тоже такие же тайные и сверхтаинственные. Непонятно к тому же, чего от меня вообще хотят. Чего им, блядь, от меня надо-то? Я же гол как сокол! Чего с меня взять? Ну, не важно. Чего-то, значит, надо. Сейчас они пока меня заманили и заставили — обманом! обманом! — взять деньги — под любым предлогом! просто насильно всучили! впарили! — а вскоре объявятся опять и тогда уж покажут зубы и потребуют эти их денежки отработать. Пожалте, мол, дорогой наш Игорь Иванович, теперь на правож! Любишь кататься — люби и саночки возить! Долг платежом красен! Ну, и так далее. Десять штук-то... В общем, короче, все ясно.

Бред и ахинея в квадрате!! В кубе!!! Бред, бред, бред! Единственное утешение, что душу я тогда продал все-таки не дьяволу, а просто каким-то беспросветным мудакам. Которые решили зачем-то со мной связаться. Имели такую глупость. Все лучше!

Н-да-а-а!.. Ладно, пошли дальше.

Вариант третий. А что, собственно, «вариант третий»? Нет же никакого «варианта третьего»! Все, вроде? Все более-менее разумные («разумные»!) варианты на этом, кажется, и закончились?.. Так,.. так... Да! Все! Больше никаких естественных вариантов, вроде, нет? Остались, блядь, одни только сверхъестественные.

Точнее, один только сверхъестественный. Один-единственный. Единственный реальный. А именно: что все это правда. Что дьявол действительно есть, и я только что действительно подписал с ним договор. Продал душу.

Бред!!! Бред-бред-бред! Бред-бред-бред-бред-бред-бред!! Нет же никакого дьявола. Нет! Не-ту!! Я в это не верю! Не-ве-рю! Как он выглядит? Как девица в джинсах? И с микрофоном? Чушь! Чушь!! Не может этого быть! Не может!! Не может вот — и все!.. Не может-то не может — а деньги? Деньги могут? Деньги тогда откуда? Вот же они. (Игорь повертел в руках конверт, достал из него пачку долларов.) Они же есть? Есть! Ну, так?..

Еб твою мать! Игорь почувствовал, что внутри у него образовалась какая-то черная ледяная пустота. Вакуум. Что бы он ни говорил, как бы перед самим собой ни ерепенился, ни хорохорился, ни острил, ни шутил и ни балагурил — она не исчезала и не рассасывалась. Более того, становилась все мрачнее и мрачнее. Он чувствовал себя как человек, только что совершивший какую-то страшную и непоправимую то ли глупость, то ли ошибку и начинающий сейчас это потихоньку осознавать. Прозревать.

На хуй мне нужны были эти проклятые доллары! На хуй я вообще во все это ввязался!! Сказал бы: нет — и все! Крови, мол, боюсь — извините! Да мало ли что можно было сказать!.. Нет — и все! Баста! Разговор окончен. Катитесь вы, ребята, со своим договором... к едрене-фене! Вот ч... А, да! Никаких теперь «ч» и «д»!.. Господи-боже мой! Да неужели я во все это верю? Я! Который и в церкви-то никогда в жизни не был! Господи! 21-й век на дворе! Кругом компьютеры-интернет! А я,

видите ли, черту душу продал! А? Угораздило же меня. С ума сойти! Неописуемо!

Игорь всеми силами старался сохранить присутствие духа, но удавалось ему это с трудом. Ему становилось все более и более не по себе. Он чувствовал себя так, словно он вообще теперь выпал из мира людей. Будто он теперь уже и не человек вовсе! У всех есть душа — у него одного только нет! Он ее продал. Сатане. И обратно дороги нет. Все! У всех, у любого, даже у самого-самого страшного и закоренелого преступника, у убийцы, насильника — это все-таки люди, плохие, но люди! — у любого есть надежда на милосердие божие, а у него нет! У него одного нет! Он вообще больше не человек. Изгой! На нем теперь клеймо Сатаны. Печать Дьявола.

Игорь побродил бесцельно по пустой квартире. На душе у него становилось все тоскливее и тоскливее. Не зная, что делать, он снял трубку и позвонил старому институтскому приятелю. Одному из тех немногих, с кем он еще до сих пор поддерживал отношения. Тот, к счастью, оказался дома. После обычного обмена приветствиями и последними новостями («Машка-то, слышал, развелась!» — «Да ну?») Игорь перешел наконец к главной теме своего разговора, ради которой он, собственно, и звонил.

— Слушай, Дим. Я тут книгу одну читал, забавную. И там герою предлагают продать душу дьяволу.

— Что? Что продать? Душу? — удивленно переспросил друг. Видимо, переход от развода Маши к продаже души оказался для него слишком уж резким.

— Ну да. Ну, сюжет просто такой! — поспешил пояснить Игорь. — Ну, книжка такая!

— Ну, и что?

— Нет, вот я и подумал. А вот интересно, если бы мне, скажем, предложили, я бы согласился? А почему нет? В бога я не

верю, в дьявола тоже. Почему нет? Вот ты бы согласился, если б тебе предложили?

— Что предложили?

— Ну, что-что! Ну, душу дьяволу продать! Если б предложили. Ты бы согласился?

— Нет! — тон приятеля был совершенно категоричным.

— Почему? — холодея, спросил Игорь. — Ты что, в дьявола веришь?

— Ты чего, душу у меня, что ли, хочешь купить?

— Да при чем здесь я! Я вообще говорю. Чисто гипотетически.

— В общем, я бы не согласился.

— Но почему?!

— Не согласился бы, и все! — приятель явно хотел закрыть поскорее эту тему. Игорь еще побеседовал с ним для приличия пару минут и повесил трубку.

На душе у него после этого разговора стало совсем мутно. Такой однозначной реакции он все-таки не ожидал. Ну, он в общем-то подозревал, что приятель, возможно, и откажется, но все-таки предполагал какое-то обсуждение, дискуссию, взвешивание всех «за» и «против». Ну, хоть разговор какой-то! Но чтобы вот так! «Нет» — и все! Удивительно. Удивительно! Умный же человек... Образованный... И такая странная реакция. «Нет!» А почему «нет»? Даже без обсуждений. Ну и ну! Удивительно...

Игорь все это себе под нос бормотал, саркастически улыбаясь и картинно пожимая плечами, но ему было не до смеха. Он все больше и больше чувствовал себя каким-то отщепенцем, парией, иудой. Человеком, совершившим такой неслыханный проступок, что ему нет ни оправдания, ни прощения, и все объяснения тут совершенно бессмысленны и бесполезны. В голове вдруг всплыли строчки из какой-то полузабытой песенки. Кажется, Галича.

*Понимая, что нет в оправданиях смысла,
Что бесчестье кромешно и выхода нет,
Наши предки...*

«Песенка»! Хороша, блядь, «песенка»! Что там дальше-то? Что «наши предки»? Черт, не помню! Опять «черт»?! Да ладно, ладно! Не психуй! Так что там «наши предки»-то? Что они, блядь, в таких ситуациях делали? Стрелялись, наверное?.. А, да! Точно. В конце там: «и к виску пистолет!» Все ясно. Твою мать! Ладно, с этим пока подождем. Тем более, что и пистолета-то нет. Да и смысл? Это же для меня тоже не выход. Наоборот. Вход! В ад. Ко всем чертям на муки вечные. В преисподнюю. В геенну огненную. Мне ж теперь туда только прямая дорога. Билетик куплен и оплачен. В один конец, правда, но зато недорого. Со скидкой на глупость. Льготный тариф для мудаков. Всего-то десять штук зеленых. Интересно только, в какой круг? А в какой? В последний, наверное, в девятый? А куда же еще?

Я охуеваю!.. Нет, ну, я просто охуеваю!.. За каких-то несчастных десять тысяч... Впрочем, какая разница? Какая разница за сколько? За десять тысяч или за миллион? При чем тут сумма?

Если дьявол действительно существует, то сумма тут вообще не при чем. Нет такой суммы, за которую можно было бы,.. — можно-то за любую, вот я, например!.. — стоило бы душу свою ему продать. Чтобы в аду потом вечно гореть. Вечно! Единственная надежда, что это все-таки какая-то идиотская шутка. Дебилов-телевизионщиков. Которых за яйца за такие шутки вешать надо!! 21-й век на дворе! Какой, блядь, на хуй, дьявол!!!??

Игорь кое-как промаялся до вечера, дожидаясь прихода жены. Как ни хотелось ему немедленно! сию секунду! позвонить еще одному своему знакомому, Косте, — тоже, кстати, еще с институтских времен, — но он сумел все же удержаться и пока этого не делать. Да и чего звонить! Если уж Димка отка-

зался... А Костя, так он вообще, кажется, чуть ли не верующий. Он, вроде бы, даже в церкви венчался. Так что...

С женой, как он прекрасно понимал, разговаривать на эту тему тоже совершенно бесполезно, женщины в таких вопросах вообще крайне суеверны и мнительны, но тут уж удержаться было просто выше его сил. Он испытывал прямо-таки болезненную потребность говорить об этом постоянно, все время! Все время возвращаться и возвращаться к этой проклятой теме.

Он даже не дождался, пока жена сядет за стол ужинать, даже умыться ей не дал, а сразу, чуть ли не в дверях накинулся на нее со своими этими вопросами. Впрочем, как он и предчувствовал, никакого разговора у них по сути вообще не получилось.

— Вер, а вот если бы тебе душу дьяволу продать предложили, ты бы согласилась?

— Что за дурацкий вопрос!

— Почему дурацкий? Вопрос как вопрос. Согласилась бы? Если б бабки хорошие дали?

— Отстань ты от меня со своими глупостями!

— Нет, ну согласилась бы? За деньги? За большие?

— Я вообще не хочу на эту тему разговаривать.

— Почему?

— Да отстань ты от меня! Зачем вообще об этом разговаривать!

— Да я просто так спросил.

— Ну, и отстань. Поговорить, что ль больше не о чем? Лучше скажи, ты хлеб купил?

Ну, и так далее, в том же духе.

В результате настроение Игоря после этой беседы еще больше упало. Он буквально не находил себе места. Ему хотелось куда-то бежать, что-то делать, как-то все исправить, деньги эти треклятые кому-то вернуть. (Конверт с деньгами он благоразумно спрятал пока подальше от жены. Да и от себя самого тоже! Он

вообще видеть его теперь спокойно не мог! А не то что лишний раз к нему прикасаться. Эти деньги буквально жгли ему руки.)

Но некуда было бежать, нечего было делать. Ничего нельзя было исправить. Все! Все рухнуло. Произошло что-то до такой степени страшное, что разум просто отказывался в это верить. Да не может такого быть! Нет! Нет!! Нет. Нет никакого дьявола, никакого сатаны! Нет!! Нет и нет! Все это сказки! Бабы бредни! («А деньги? — тут же язвительно напомнило ему подсознание. — Деньги-то откуда?»)

А деньги?.. Деньги, это так... Это телевизионщики. Шоу-викторины. Спонсоры ихние богатые. У них бабки вообще немеряные. Шальные! Что им 10 штук! (Ха-ха! «10 штук!» Ты хоть думаешь, что говоришь? «Что им 10 штук!» Первому встречному на улице вручили и убежали. Ты в своем уме?!) Короче, не знаю я ничего и знать не хочу! Но никакого дьявола нет!!! Нет, нет и нет! Вот это я знаю точно. А если он есть, то пусть явится! Вот прямо сейчас!! Вот тогда я и поверю! Ну, где же он?! Нету?

3.

В кресле у стола неожиданно возник молодой мужчина лет 35-и. Он сидел, закинув ногу за ногу и снисходительно-лениво поглядывал на побледневшего и потерявшего дар речи Игоря.

— Вы, кажется, звали меня, Игорь Иванович? — после некоторой паузы спокойно и вежливо поинтересовался он.

— А...А... — Игорь беззвучно раскрывал и закрывал рот и не мог вымолвить ни слова. Мужчина спокойно ждал.

— Кто Вы? — кое-как смог наконец выговорить Игорь. — Как Вы здесь оказались?

— Странный вопрос, — пожал плечами мужчина. — Давайте-ка не будем терять времени и перейдем сразу к делу. Так зачем, Игорь Иванович, Вы хотели меня видеть?

Игорь во все глаза смотрел на сидящего в кресле незнакомца и все никак не мог осмыслить происходящее. Это что, действительно... дьявол?! Черт? Сатана? Так значит, он все-таки действительно существует? И ад, и все, что в Библии написано... Так все это правда?! Стоп-стоп-стоп! Не о том я думаю! Что-то важное... важное... что-то такое... Ах, да!!! Душа!! Душа! Я же продал ему душу!!

— Я хочу вернуть свою душу, — внезапно осипшим голосом проговорил Игорь. — Я не понимал, что делаю! — тут же жалобно добавил он и чуть не захныкал, так ему вдруг стало себя жалко.

Выражение лица его собеседника нисколько не изменилось, но Игорю почему-то показалось, что в глазах у него промелькнуло легкое презрение.

Ну, и пусть! Уж кого-кого, а ЕГО-то стесняться не придется! Он меня и так насквозь видит. Со всеми моими потрохами. Что никакой я не герой! Только бы душу вернуть! Только бы вернуть!

— Вы же взрослый человек, Игорь Иванович, — незнакомец с любопытством разглядывал Игоря, как какое-то редкое насекомое. — Что значит, Вы не понимали?

— Я думал, что Вас нет, — пробормотал Игорь. — Я думал, что это какая-то дурацкая шутка, розыгрыш телевизионщиков. (Неужели я действительно с Самим Дьяволом разговариваю?! Это же просто бред какой-то!)

— А деньги Вы зачем брали тогда, а, Игорь Иванович? — мягко переспросил незнакомец. — Если думали, что все это шутка?

— Ну, дают же — чего не взять! — торопливо пояснил Игорь, пытаясь объяснить свои действия. — Я откуда знаю — может, им так надо? Это уже их проблемы.

— Да-да! — охотно подхватил незнакомец. — Вот и я тоже: смотрю — продают, отчего ж не купить? Я откуда знаю, может, Вам так надо? Это уже Ваши проблемы!

Игорь растерянно молчал, не зная, что на это ответить.

— Ладно, впрочем, — так и не дождавшись ответа, весело продолжил незнакомец. — Не в этом дело. Все мы иногда ошибаемся. Так Вы, как я понял, хотите расторгнуть нашу сделку? Это так?

— Да, да!! — чуть не закричал Игорь. — Хочу!! Расторгнуть! Вернуть деньги!! Вот они, пожалуйста! — Игорь бросился доставать пакет с деньгами.

— Минутку, минутку, Игорь Иванович! — успокаивающе поднял руку мужчина. Игорь замер. — Деньги пока доставать не надо. Сейчас, по крайней мере. Дело вот в чем, — мужчина чуть помедлил, испытующе глядя на Игоря. Игорь слушал, затаив дыхание и боясь пропустить хоть слово. — Так вот. Сегодня или завтра с Вами свяжется один человек. Зовут его, кстати, тоже Игорь, как и Вас. У него будет Ваш договор. Если он Вам его вернет завтра до полуночи — будем считать его расторгнутым. Добровольно вернет, Игорь Иванович! Запомнили? Добровольно! Если же не вернет — увы! — незнакомец шутливо развел руками. — Тогда все останется в силе.

Итак, Вы все запомнили? Он должен добровольно вернуть Вам Ваш договор завтра до 12-и часов ночи. Тогда Вы свободны. И впредь уж будьте, пожалуйста, поосмотрительней. Если же нет... Вы меня поняли? — он вопросительно, приподняв брови, посмотрел на Игоря. Тот поспешно кивнул. — Прекрасно. Постарайтесь с ним договориться. А теперь разрешите откланяться, — мужчина мельком взглянул на висящие на стенке часы. — Спешу. Дела. Итак, Игорь Иванович, всего наилучшего.

С этими последними словами мужчина исчез. Игорь некоторое время тупо смотрел на пустое кресло, потом тяжело опустился на диван. Мысли у него метались, в голове была каша. И в то же время чувствовалось какое-то огромное, чудовищное, ни с чем не сравнимое облегчение.

Спасен! Спасен!! С этим Игорем осталось только договориться. А-а!.. Договоримся уж как-нибудь! Живой же человек! Из плоти и крови. А человек с человеком всегда общий язык найдут. Это тебе не с Самим Сатаной договариваться. Которого неизвестно даже, где искать.

Так, значит, Сатана действительно существует! И бог, и Библия... Так все это правда! И ад, значит, существует. Господи ты боже мой, как же теперь с этим жить-то? Это же... Это же все меняет! Завтра же в церковь начну ходить, вообще другую жизнь начну. Молитвы все наизусть выучу и вызубрю. Может, вообще в монастырь уйду, грехи замаливать... Ну, монастырь, это я, конечно, загнул с горя. Да бог уж с ним, с монастырем! Это, наверное, все-таки не для меня, но вот что жизнь я свою теперь полностью изменю — это уж точно. Библию завтра же куплю обязательно! Еще, может, что-нибудь. Псалтырь какой-нибудь или что там?.. Я же вообще ничего не знаю. Какие еще святыя книги существуют.

Твою мать!.. Ругаться-то тоже, кстати, надо завязывать. Особенно, когда о Боге думаешь. Твою... А, черт! Блядь! Ну все! Три слова — три богохульства. Ладно-ладно, привыкну! Не все сразу. Если я сорок лет ругался и чертыхался, не могу же я за одну минуту теперь отвыкнуть? Позволительно иногда и ошибиться. Да-с. На первых-то порах. Забыться. Бог простит. Если уж меня даже сам черт простил.

А чего он меня, кстати сказать, простил-то? А?.. А действительно!?

Игорь словно остановился внезапно в своих приятных мыслях, с разбегу натолкнувшись на какое-то невидимое препятствие. И сразу же почувствовал, что исчезнувшая было черная пустота опять вернулась.

Действительно!! Чего это... ОН?

Игорь даже в мыслях теперь не решался произносить таких слов, как Сатана или Дьявол. Черт — еще ладно, еще куда

ни шло; черт — это что-то нейтральное и неопасное, какое-то забавное, безобидное, хвостатое существо из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», на котором разъезжал кузнец Вакула и с которым любезничала Солоха, но Сатана или Дьявол — о, это уже совсем другое дело! Это тебе не шутки!

ОН же, вроде, ничего просто так не делает? Никогда! Так чего это ОН меня вдруг отпускает? Душу мне возвращает да еще дружеские напутствия дает?.. Хотя, а с чего это я, собственно, взял, что ОН мне ее возвращает? Мне же еще с этим его Игорем договориться надо. Как ОН сказал?.. Если этот Игорь добровольно — ОН специально это несколько раз подчеркнул! — вернет мне завтра да полуночи этот проклятый договор... А если не вернет?!

Но эта мысль была так ужасна, до такой степени, что Игорь поспешно ее отогнал, чуть ли руками не замахал.

Вернет-вернет! Куда он денется! Как это «не вернет»?! Да я его тогда!.. Зубами!.. А что «я его тогда»? Какими «зубами»? Он же добровольно должен мне его вернуть. Доб-ро-воль-но! ОН специально мне об этом несколько раз сказал. И повторил еще потом. Доб-ро-воль-но! Это значит, что отнимать, к примеру, бесполезно. Или с помощью хитрости, там, какой пытаться выманить. С Дьяволом не хитрят.

Бог ты мой! Так это... А если он у меня, скажем, квартиру взамен попросит? Или вообще убить кого-нибудь? («Исъесть!» — мрачно dokonчил он про себя фразой из известного анекдота.) Господи-боже! Так это я рано радовался-то! Это я, похоже, из огня да в полымя попал! Что там от меня этот Игорь попросит?! Полномочный представитель самого... самого... ну, ясно, кого. Он сам, наверное, такой же, только в человеческом облике. Маньяк какой-нибудь. Чикатилло. Что вообще надо совершить, чтобы с самим... познакомиться?! Даже представить себе невозможно. Да таких преступлений

просто вообще существовать не может! Будь ты хоть Гитлер, хоть сам Иосиф Виссарионович собственной персоной... Может, сектант какой-нибудь?.. Сатанист? Глава секты?.. Да навряд ли даже и он с самим Дьяволом напрямую общается. Вряд ли Сатана вообще хоть с кем-то общается... Да, но со мной-то общался! Лучше бы не общался. Помолиться, что ли? «Господь милосердный и всемогущий!» Так ведь я ни одной молитвы не знаю. Да и бесполезно все это. Раньше надо было молиться. А теперь...

Игорь все яснее и яснее понимал, уяснял для себя какой-то совершенно беспросветный ужас происходящего. Он, Игорь Иванович Федоров, находясь в здравом уме и трезвой памяти, добровольно продал душу Дьяволу и скрепил этот договор кровью! Просто так! Из какого-то дурацкого озорства и пустого бахвальства. Перед телкой молодой покрасовался и перед камерой, старый дурак! Такой вот, мол, я герой! Море мне по колено и сам черт мне брат! — любуйтесь, люди добрые! Да лучше бы я СПИДом перед камерой публично заразился! Или бубонной чумой! Или вообще повесился. На потеху всему честному народу. И поделом бы мне было! Тем более, что даже это было бы лучше того, что реально произошло.

И теперь этот Дьявол является ко мне и играет со мной в кошки-мышки, в какие-то свои дьявольские игры. Непонятно, правда, с какой целью и на кой я ему вообще сдался, но это мы скоро выясним. За этим-то как раз дело не станет. Только думается мне почему-то, что знание этого меня совсем не обрадует. Со-овсем! И кончится это все наверняка каким-то чудовищным кошмаром, как и кончалось всегда у людей, пытающихся договориться о чем-то с Дьяволом.

«Я что, буду вечно теперь гореть в аду?!» — мелькнула вдруг у него в голове отчаянная мысль, и он чуть не завыл в голос от слепого ужаса. «Оставь надежду сюда входящий»? Вечно!?!? Без

всякой надежды? Нет!!! Я не хочу!! Не хочу!! Господи!! За что!?! Что я сделал?! Спаси меня, Господи!! Помилуй! Ты же все видел! Я же никакое не чудовище и не архизлодей, я просто обычный безобидный дурачок со своими маленькими обычными грешками, и не более того. Прости меня, Господи! Я же не ведал, что творил!! Спаси раба своего!

Игорь невольно посмотрел на кресло, где только что сидел... его недавний посетитель, в какой-то безумной надежде, что если он такая важная персона, что нужен самому... то теперь на его защиту явится (и возникнет, вероятно, в том же самом кресле!) если и не сам Господь, то уж, по крайней мере, Архангел Михаил в сверкающей белой броне и с огненным мечом в правой руке, успокоит его и скажет, чтобы он, Игорь Федоров, спал спокойно и ни о чем больше не волновался и не беспокоился. Сатана, мол, в очередной раз посрамлен, и козни его рассеяны. «Да расточатся врази Его!» Аминь.

Однако никто, увы! так и не появился. Никому он похоже, кроме... был не нужен. Кресло по-прежнему оставалось пустым.

Игорь посидел перед этим злосчастным креслом еще немного, потом встал и прошелся по комнате. Все происходило слишком быстро, и он все-таки не до конца осознавал реальность и серьезность ситуации. У него просто не хватало времени, чтобы ее как следует обдумать и осмыслить. Он просто не успевал за событиями. Они менялись с такой поистине калейдоскопической быстротой и были настолько удивительны и невероятны, что оставляли впечатление какой-то забавной, захватывающей игры. Какого-то шоу. Нечто вроде кино или спектакля. Мюзикла. Вот сейчас произойдет еще что-то, и все опять изменится, декорации поменяются. И так еще несколько раз. Ну, а в конце, какие бы приключения и перипетии с героем ни происходили, в самом конце обязательно будет хэппи-энд. И все будут счаст-

ливы. Все будут обниматься, смеяться, целоваться, прыгать от радости, похлопывать друг друга по плечу и кричать: «Ва-ау!!».

В этот момент зазвонил телефон. Игорь рассеянно снял трубку. Жене, наверное, как обычно, уже какая-нибудь подружка звонит. Засядет сейчас на час. Вместо того, чтобы ужин готовить. С работы, блядь, придти не успела!

— Аллю!

— Игорь?

— Да, — машинально ответил Игорь и почувствовал, что внутри у него все оборвалось. Он уже понял, кто это.

— Завтра в три часа жду тебя у себя дома. Записывай адрес. (Игорь безропотно записал адрес.) Записал?

— Да. А кто это?

— Ты знаешь, кто это, — в трубке противно захихикали. — И вот еще что. Сынишку своего с собой захвати. Он у тебя сейчас на даче? Вот съезди и захвати. До трех как раз успеешь.

— Зачем? — совершенно безжизненным голосом спросил Игорь.

— Зачем? — натурально удивились в трубке. — А ты догадайся.

Игорь молчал.

— Мальчики — моя слабость, — любезно пояснили на том конце провода и опять захихикали. — Особенно совсем молоденькие. Твоему же всего 5 лет, кажется, да? Как раз то, что надо. Самое оно! Короче, завтра в три часа. Вазелин на всякий случай захвати, ну, или крем какой-нибудь, а то у меня, кажется, кончился. Я, конечно, скажу ребятам, но и ты на всякий случай лучше захвати. Ну, пока. Жду.

В трубке раздались короткие гудки. Игорь некоторое время в полном ошеломлении на нее смотрел, потом осторожно, словно боясь разбить, положил на место.

Он все никак не мог поверить в реальность происходящего. Этого просто не может быть! Это какой-то злобный сон, и он сейчас проснется. Неужели это все реально с ним происходит? На самом деле? Это все шутка! Шоу! Мюзикл. Боевик со счастливым концом. Где он, этот конец? Не может же этот кошмар быть на самом деле! Причем тут его пятилетний сын?! Что значит: мальчиков люблю!.. самое оно!.. вазелин захвати!..

Каждая фраза падала на душу, как стопудовая гиря.

Он хочет, чтобы я привез ему для развлечений своего единственного сына?! Пятилетнего ребенка! Он что, действительно полагает, что я это сделаю?! И что он там в конце про «ребят» сказал? Так их там еще и несколько будет?! Ах ты, сволочь!! Да я сейчас в милицию позвоню! Чтобы этот вертеп твой вонючий прикрыли, тварь! Какой там у тебя адрес?

Игорь в слепой ярости схватил бумажку с записанным на ней адресом. Руки его дрожали, буквы прыгали и расплывались.

Так!.. Куда звонить!?! 02?

Он протянул уже было руку к телефону и вдруг замер. И что?.. Что я делать-то собираюсь? Со мной-то что будет, если я его в милицию сдам? Он же моя единственная надежда... Да, но сын, Валерка! Я его сам, этим извергам на забаву отвезу? Да я умру лучше! Или лучше этих ублюдков сначала убью. Этих нелюдей! А что со мной потом будет — наплевать!.. А что со мной будет? В аду буду вечно гореть — вот что со мной будет. Вечно!! У всех есть какая-то надежда, даже у самого страшного грешника, только у меня одного — никакой. Я душу дьяволу продал. Все! Единственный мой шанс — это с этим выродком договориться... А как я могу с ним договориться, если он сына моего пятилетнего требует для развлечений! Пока. А что дальше еще потребует — неизвестно. Может, жену потом. Может, меня. Может, еще что. Господи! Господи! Что делать? Что же делать?! Должен же быть хоть какой-то выход! Ну, хоть какой-то!!!

4.

На следующее утро Игорь поехал на дачу, напелл теще какую-то дикую, несусветную чушь про некое мифическое собеседование в школе, на котором им с Валеркой, мол, обязательно надо быть, схватил сына и уехал.

(Теща слушала его с огромным удивлением, охала, ахала — «В пять лет?!» — и как-то сомнительно на него посматривала, но так как Игорь был абсолютно трезв, то ничего существенного так в итоге и не сказала.)

Прошедшая ночь не прошла для Игоря даром. Чего он только за нее не передумал! Он словно постарел за эту ночь на сто лет. И результатом всех этих его раздумий явилось то, что он ехал сейчас туда, куда ему приказали. И вез с собой своего пятилетнего сына.

Место это он хорошо знал, дом нашел сразу. Время еще было, минут 40; он купил Валерке мороженое и посидел во дворе на лавочке. Он смотрел на сына, на ничего не подозревающего, полностью доверяющего ему пятилетнего малыша... совершенно незащитного, любящего его!.. — и думал... он и сам не мог сказать себе, о чем он думал. И что чувствовал.

И все-таки он шел туда, куда ему приказали. И вел с собой своего ребенка.

Ровно в три Игорь стоял перед нужной дверью. Он помедлил еще секунду, посмотрел на Валерку, зачем-то погладил его по головке и нажал кнопку. Не успел еще звук звонка затихнуть, как дверь распахнулась. На пороге стоял тот же самый мужчина, его вчерашний посетитель — Дьявол, Сатана или кто он там на самом деле! В общем, ОН!

Игорь ожидал увидеть кого угодно: какого-нибудь монстра, маньяка, чудовище в человеческом облике или даже целую толпу чудовищ, но только не ЕГО! Он настолько рас-

терялся, что буквально застыл перед дверью, крепко держа за руку Валерку.

«Все пропало! — озарила его вдруг страшная догадка. — Он передумал».

— Проходите, Игорь Иванович! — мужчина посторонился и приветливо улыбнулся Валерке. Тот доверчиво улыбнулся ему в ответ. Игорь, продолжая пребывать в каком-то шоке, вошел, двигаясь как лунатик, механически переступая ватными ногами и таща за собой Валерку. Мужчина прикрыл за ним дверь, еще раз улыбнулся смотрящему на него снизу вверх ребенку и сказал, обращаясь к Игорю:

— Итак, Игорь Иванович! Вы сейчас поедете домой и расскажете своей супруге, Вере Валентиновне, всю Вашу историю. От начала до конца. Во всех подробностях. Как Вы вчера заключили со мной договор, как хотели его потом во что бы то ни стало, любой ценой расторгнуть. И зачем Вы сюда сейчас приехали и зачем привезли с собой своего сына. Все-е расскажете! Как на духу, — мужчина усмехнулся. — Все свои самые тайные мысли. Если Вы это сделаете, договор Ваш ровно в полночь сторит, — мужчина протянул Игорю договор. Тот принял его безжизненной рукой. — Если же Вы хоть что-то утаите, приукрасите, скроете, попытаетесь выставить себя в лучшем свете — он останется цел. И тогда — все! Это Ваш последний шанс. Единственный. Второго не будет. Так что помните об этом. Когда перед женой будете исповедоваться, — мужчина опять усмехнулся. — Малейшая фальшь — и все! А теперь идите. Вы свободны. Я Вас больше не задерживаю. Сын у Вас хороший, — уже стоя в дверях, добавил он и захлопнул дверь.

Игорь подошел к лифту и нажал кнопку вызова. Спустившись вниз, он подошел к своей машине, открыл ее, усадил рядом с собой Валерку, пристегнул его и поехал домой. Он ни о чем не думал, ни в чем не сомневался и не испытывал ника-

ких эмоций. Он действовал совершенно автоматически, словно какой-то робот или зомби. Он и чувствовал себя зомби. Живым мертвецом. Внешне живым. На самом же деле давным-давно уже мертвым или даже, скорее, заживо сгнившим.

Потому что то, что от него требовалось, живой человек выполнить не мог. Ему это было просто не по силам. Для этого нужно было сначала умереть. Убить в себе все живое: чувства, стыд, совесть... Потерять душу. Впрочем, он ее, похоже, уже потерял. Вчера в скверике на скамейке.

5.

Жена, как ни странно, оказалась уже дома. Что-то у них там на работе случилось, и их всех пораньше сегодня домой отпустили. Игорь, впрочем, этому нисколько не удивился, а напротив, воспринял как нечто, само собой разумеющееся. Естественно, так и должно быть! ОН же сказал ему: поезжайте сейчас домой и расскажите все жене. Значит, жена должна быть уже дома.

Увидев Валерку, она сначала опешила, а потом не на шутку встревожилась и бросилась к Игорю:

— Что случилось? Почему ты его привез? Что произошло? С мамой что-нибудь?

— Мне надо с тобой поговорить. Немедленно. Прямо сейчас, — мертвым голосом, монотонно произнес в ответ Игорь. — Иди на кухню. Я сейчас приду. Валерке только мультфильмы поставлю, чтобы он нам не мешал.

— Мультяшки хочешь посмотреть? Про волка? — преувеличенно-игриво обратился он к сыну и, не дожидаясь ответа, потащил его в спальню. Сунул в магнитофон кассету и включил телевизор. — Посиди здесь и посмотри мультики. А мы с мамой пока на кухне поговорим. Ладно?

— Да! — смеясь, ответил Валерка, с восторгом наблюдая на экране за приключениями любимых персонажей мультфильма.

— Сиди спокойно и не балуйся, — бросил ему напоследок Игорь и пошел на кухню.

Перепуганная насмерть и белая как мел жена сидела за столом и молча на него смотрела. Бог весть, что уж она там себе навоображала. «С мамой»!.. Если бы!.. Игорь взглянул на нее, набрал побольше воздуха и, словно бросившись в омут с головой, начал рассказывать:

— С мамой все нормально, успокойся. С Валеркой тоже. (Жена облегченно вздохнула.) Так что не отвлекайся и не думай об этом, а слушай лучше, что я тебе сейчас расскажу. Это очень важно.

Вчера я ушел с работы пораньше. Делать было нечего, погода была хорошая, и я зашел в сквер и сел на лавочку. Пока я там сидел, ко мне подошли телевизионщики: девица с микрофоном и парень с камерой.

Девица мне понравилась, стильная такая, в моем вкусе, — подумав, добавил он, припомнив напутствие своего недавнего собеседника говорить абсолютно все, ничего не утаивая.

Конечно, впечатление, произведенное на него девицей-корреспонденткой — это была мелочь, и мелочь, на первый взгляд безобидная и совершенно несущественная, но тем не менее при других обстоятельствах Игорь при разговоре с женой о ней бы ни в коем случае не упомянул и предпочел бы скрыть. Именно поэтому он и не решился скрыть ее сейчас. Кто знает, что тут существенное, а что не очень. Сказано: все — значит, все. Ставки слишком высоки.

— Ты не удивляйся и не перебивай меня. Сейчас все поймешь, — равнодушно заметил он, увидев, что изумленная жена явно собирается что-то сказать.

Та, однако, молчать вовсе не собиралась.

— Чего я пойму? Что тебе девицы в джинсовых костюмах нравятся? Ах, ты, козел старый! И не стыдно тебе такое мне говорить?

— Стыдно, — совершенно бесцветным голосом подтвердил Игорь.

— Так зачем же ты говоришь? — пораженно переспросила жена, глядя во все глаза на Игоря и чувствуя уже, что происходит что-то не то.

— Дослушай меня, и ты все поймешь, — все так же безжизненно, механически-монотонно ответил Игорь и через паузу продолжил. — Так вот. Ко мне подошли телевизионщики: парень и девица.

— Это я уже слышала! — не удержалась от язвительного комментария жена. — Девица стильная и в твоём вкусе.

Игорь подождал, пока она замолчит.

— Они представились мне как ведущие какой-то передачи про религию и сказали, что я в прямом эфире. Ну, в смысле, что нас прямо сейчас снимают и по телевизору показывают. Стали задавать вопросы.

— Кто? Девица в джинсовом костюме? — опять едко переспросила жена.

— Да, корреспондентка, — терпеливо ответил Игорь. Бестолковая бабья дурь жены начинала его, несмотря ни на что, все-таки потихонечку раздражать. Причем здесь девица!? Я уж и думать о ней забыл. До девицы ли мне тут! Да и не девица это, похоже, была вовсе. А... тьфу!

— Послушай, если ты меня будешь все время перебивать, я никогда не кончу...

— А ты и так уже месяц целый не кончаешь! Ну, понятно!.. У тебя же одни девицы на уме стильные.

— Еб твою мать!! Ну, еб твою мать! — в бешенстве заорал Игорь, но тут же вспомнил, что происходит, зачем он это все ей рассказывает — и сразу же поутих. — Вера, выслушай

меня все-таки, а? — устало попросил он. — По сравнению с тем, что ты дальше услышишь... Не до девиц тебе сейчас будет. Послушай просто меня некоторое время спокойно — и все поймешь. Хорошо? Поймешь заодно, почему я такие вещи... нелицеприятные тебе сам про себя так откровенно рассказываю. Все поймешь! Подожди только немного и послушай, — Игорь сделал еще одну паузу и потер лоб, пытаясь успокоиться и собраться с мыслями. — Да... Так вот. Стали задавать вопросы. Верю ли я в бога? Я ответил, что нет. А в черта? Раз, мол, в бога не верите, значит, и в черта тоже?

— В кого, в кого? — подозрительно переспросила жена.

Она, похоже, все никак не могла успокоиться насчет откровений Игоря по поводу сексуальной привлекательности молоденькой интервьюерши в джинсовом костюмчике и весь остальной его рассказ слушала вполуха, полагая, вероятно, что это он ее только так... разводит, отвлекает и лапшу на уши вешает. А суть будет в том, что он эту девицу в конечном итоге трахнет и сейчас ей в этом признается. Покается, так сказать.

Ага! — раздраженно подумал Игорь. — Прямо перед камерой, на скамейке, в центре города, среди бела дня. В прямом эфире. Ну, баба-дура, чего с нее взять? Волос долог, а ум короток. Биоробот. При упоминании о возможной сопернице автоматически включается генетическая программа защиты своего гнезда и своего потомства, полностью блокирующая способность адекватно воспринимать окружающую действительность. Самка!

Но, тем не менее, упоминание про черта ее насторожило. Во-первых, чертей она, как и любая женщина, вообще боялась; а во-вторых, это не вписывалось в уже выстроившуюся в ее головке простенькую схемку.

— В черта? То-то ты ко мне вчера приставал со своими дурацкими разговорами о... — даже находясь в крайней сте-

пени раздражения, жена все же решилась лишний раз называть ЕГО по имени.

Раньше Игорь всегда смотрел на все это, как на какие-то дремучие предрассудки, обычную бабью блажь, и не раз над ней по этому поводу подшучивал, иногда довольно зло; а теперь-то на поверку оказывается что она, похоже, была права. Называть действительно лишний раз не стоило. Да и вот он, такой умный, образованный и современный, а кончил в итоге тем, что и сам теперь пришел к тому же, сам теперь всего боится. Только попался сначала, как кур в ощип, как пескарь на уд, самым прозаическим и наиглупейшим образом и теперь не знает, как из этой ситуации выпутаться — а она, такая нелепая, невежественная, суеверная, поняла все с самого начала интуитивно и даже разговаривать с ним не стала, когда он сдуру попробовал о НЕМ разговор завести. И правильно, между прочим, сделала. Ему бы тогда, на скамейке, ее бабскую глупость! О-хо-хо!..

— Так это поэтому? Я сразу почувствовала, что что-то не так! А то: «просто так!.. просто так!..» Я всегда все чувствую!

— Да. Поэтому. А «просто так» — это я тебя обманывал. Не решался сразу сказать, — честно ответил Игорь.

Врать он не смел даже в мелочах. Перепалка с женой его несколько встряхнула, и он словно бы даже слегка ожил. Но это было оживление мнимое. Как гальванизация трупа. Сокращение лягушечьей лапки при пропускании через нее электрического разряда. Иллюзия подлинной жизни. Реально же он был мертв. Даже жена его в конце концов это почувствовала и как-то притихла. Слишком уж прямые и неестественно-откровенные ответы мужа стали ее несколько пугать. Живой почуял мертвого.

— Итак, они.. она меня спросила, верю ли я в черта? Я, естественно, тоже ответил, что нет. Тогда она предложила мне продать душу. Подписать договор. Ну, типа, раз вы ни в кого не верите, ни в бога, ни в черта, то какая вам разница? Почему бы и

нет? А мы вам за это деньги дадим. 10 тысяч долларов. (Жена тихонько охнула.) То есть вы сейчас перед камерой подписываете, а мы вам сразу деньги вручаем. Передача у нас такая. Шоу. Испугается человек или нет такой договор подписать. Говорить-то, мол, все горазды, а вот как до дела дойдет... Ну, в общем, я не испугался, — Игорь невесело усмехнулся. — И подписал. Кровью.

— Как «кровью»? — пораженно переспросила жена.

— Ну да! Кровью. У нее иголочка с собой такая была специальная, какими кровь из пальца берут; она меня кольнула быстренько, я и понять ничего не успел. Точнее, я все понимал, просто, я говорю, кольнула она меня ловко, я даже и боли не почувствовал, — твердо поправился Игорь. («Не понимал он», видите ли!.. Все я, блядь, понимал!)

— Короче, уколола она меня в палец, я приложил палец к договору, и она мне тут же отдала деньги. Вот они, — Игорь вытащил заранее подготовленный конверт, положил его на стол и придвинул к жене. Подумал, не показать ли сразу и договор, но потом решил с этим пока подождать. Всему свое время.

— Это что, настоящие доллары? Действительно 10 тысяч? — потрясенно переспросила жена, рассматривая вытащенную из конверта пачку.

— Да, настоящие. Самые, что ни на есть. Ровно 10 тысяч, — подтвердил Игорь. — Я в обменнике проверял. (Это была правда. Игорь действительно успел по пути домой забежать еще и в обменный пункт. Благо, тот находился как раз возле самого их подъезда. В двух шагах буквально.) Ну, короче, всучила она мне этот конверт, села вместе со своим оператором в машину и мигом куда-то укатила. Вместе с договором. А я с этим конвертом в руках остался.

(Игорь рассказывал чрезвычайно подробно и обстоятельно, боясь пропустить хоть малейшую деталь. Он прекрасно помнил, что ему было сказано: «Во всех подробностях!»)

Тут-то я и забеспокоился. До этого я все как какую-то шутку дурацкую воспринимал — ну, как обычно телевизионщики прикалываются: скрытые камеры всякие устанавливают, «Сам себе режиссер» и прочее — а тут понял, что шутки кончились. Какие уж тут шутки! 10 штук зелени — это тебе не шутка!

Ну, и стал я думать, что же я наделал? Хоть и не верю я ни в какого черта, а все-таки... Деньги-то реальные. Дали же мне их за что-то? Как я ни прикидывал: и так, и этак, какие объяснения для себя не придумывал — не получается ничего. Не сходится! Придумывай, не придумывай — а вот они, 10 тысяч! Никуда от них не денешься. Что мне их, подарили, что ли? Просто так? Бред! Да и никто мне не говорил, что мне их дарят! Мне прямо и честно сказали: мы покупаем у вас вашу душу. А я, дурак, и продал. Добровольно. И кровью расписался, — Игорь перевел дух и взглянул на жену.

Та сидела, приоткрыв рот, и замороженно на него смотрела.

«Мыльная опера, блядь, ей! Приключения. Дон Педро вручает пакет с деньгами донне Хуаните», — с горечью подумал Игорь и, тяжело вздохнув, продолжил:

— Ну, в общем, когда я все это осознал, то забеспокоился. Димке Соколову позвонил. Так, мол, и так, говорю. Если б тебе душу предложили продать, ты бы согласился? Он говорит: нет. Нет и все! Без всяких объяснений. Я даже удивился... Я хоть каких-то разговоров ожидал, а тут такая реакция. Тут уж я совсем задержался. К тебе было сунулся, но ты тоже ни в какую!

— Естественно, — не утерпела опять жена. — Это ж надо додуматься, такое спросить. Душу продать!

— Ну, подожди, Вер, подожди... — попросил Игорь. — Не перебивай меня, а? Дай мне выговориться. Мне и без того тошно. Хоть в!.. Сам знаю, что дурак.

(Если б только дурак, — безнадежно-тоскливо подумал он. — Это ведь только цветочки. Погоди, сейчас ягодки начнутся.)

Ну, в общем, совсем я перепугался. А что, думаю, если ОН и правда есть? И я действительно душу ЕМУ продал? Что тогда?

Ну, и стал себя успокаивать. Да не может, мол, этого быть! 21-й век на дворе, а я тут сижу, бабушкиными сказками себя пугаю. Нет никакого!.. Ну, словом, если ОН есть, пусть явится! И ОН явился.

— Кто явился? — глядя на него совершенно круглыми глазами, еле слышно прошептала жена. — Ты что, рехнулся?

— Вер, я понимаю, как это все звучит, и что ты сейчас думаешь, но я не сумасшедший. ОН мне действительно явился, и я с НИМ действительно разговаривал. Просто возник вдруг в кресле в виде молодого мужчины, поговорил со мной и исчез.

— Да ты заболел! Тебе к врачу надо. У тебя галлюцинации!

— А 10 тысяч долларов — это тоже галлюцинации!? А договор этот — это тоже галлюцинации!? — Игорь вытащил из газеты вложенный туда договор и сунул его жене. Та машинально взяла его в руки и принялась растерянно читать. — Ну что — убедилась?

— Ну и что, что договор? — подняла на него глаза жена. — Вот тебе из-за него черти теперь и мерещатся! Из-за стресса. Переволновался и напридумывал себе невесть что. Навоображал!

— Какого, блядь, еще стресса! — в ярости прошипел Игорь. — Говорю тебе, я с НИМ разговаривал! Вот как с тобой. Ладно, впрочем. Выслушай меня до конца, а там хочешь верь — хочешь нет. Дело твое. Не поверишь — еще лучше. Главное — выслушай.

— А почему это я тебя должна слушать? Что это ты так на этом зациклился? — в голове у жены опять, судя по всему, зашевелились какие-то смутные подозрения. (А может, все-таки?.. Может, все-таки он ей просто голову морочит? А сейчас опять та корреспонденточка молоденькая внезапно всплывет?)

— Потому, что ОН мне это приказал, — безнадежно сказал Игорь. (Бесполезно!) — Чтобы я тебе все рассказал от начала до конца. Во всех подробностях и ничего не утаивая.

— Ну, в общем, ты сумасшедший. Точно! У тебя мания. Я про такое по телевизору видела.

(Господи! Ну, какая же она, оказывается, дура! — удивленно подумал Игорь. — Как это я раньше-то не замечал?)

— Вер, ты можешь меня просто выслушать? Ну, вот просто молча выслушать, и все! Просто как бред сумасшедшего. Тем более, что с сумасшедшими ведь не спорят. Их только слушают и во всем поддакивают. Вот и ты только послушай меня, и все. Можешь даже не поддакивать и вообще не слушать меня, а только делать вид, что слушаешь. Мне это все равно. Даже еще лучше. Главное, не перебивай.

— Ну, говори, говори, — сладеньким голоском пропела жена. Пожелание «не перебивать» она, судя по всему, благополучно пропустила мимо ушей и теперь явно готовилась к дальнейшим пререканием и комментариям по ходу рассказа.

(А может, оно и к лучшему? — неожиданно вдруг пришло в голову Игорю. — Может, она так за деревьями и леса не увидит? Главное за своими цепляньями мелочными не поймет? Решив доказать мне во что бы то ни стало, что она права, что она «всегда все чувствует», а у меня просто «мания» и что я вообще переволнованный идиот. Может, все еще и обойдется как-нибудь? А вдруг?!)

— Так?.. На чем я остановился?

— Что тебе явился черт, — ехидно подсказала жена. — В виде симпатичного молодого мужчины. Хорошо еще, что не женщины. Стильного вида, в джинсах в обтяжку, тебе такие нравятся.

(Дура набитая! — с внезапной злобой подумал Игорь. — Простейшее. Одноклеточное, блядь. Одноизвилиновое.)

— Да,.. — Игорь решил больше вообще не обращать внимания на жену, не реагировать на ее реплики, а просто рассказывать все «как на духу», как ему, собственно, с самого начала

и советовали, адресуясь непосредственно к какому-то невидимому высшему исповеднику. А жена...

Тем лучше, что она у меня такая дурица вдруг оказалась. Она, наверное, и вообще своими куриными мозгами не поймет, о чем сейчас речь пойдет. Просто не догонит. Не въехала же она, что я ей про ЕГО приказ сказал. Что я теперь ей только правду должен говорить. Голую. Без прикрас. Нагую. А уж сумасшедший я или нет — неважно. Главное, что у меня же теперь все, что угодно, выпытать можно. На любую тему. Лови момент! Про что ни спросишь — про то я и отвечу. Всю подноготную выложу. Как на духу. Только спрашивай!

Она этот моментик вообще не заметила. Прозевала и прохлопала. Ее сразу куда-то в другую сторону совсем по кочкам понесло. По целине. «Чушь это, и все! По телевизору я видела!» Ну, и славненько! Чего мне ее разубеждать? Мне же лучше. Пусть и дальше на всех парах несется. С богом! Доказывает мне, что я верблюд. Я не против. Я на все согласен. Хоть на верблюда, хоть на сумасшедшего, хоть на кого угодно! Все лучше. Чем на самом-то деле. Потому что на самом-то деле для такой твари как я, названия вообще нет. Не придумано еще. Для такой мрази. Сына родного!.. Да и... Ну да, будем надеяться, что до этого дело не дойдет. До разговоров на эту тему и до объяснений. Авось, удастся и проскочить. Если немного повезет и особенно, если рассказ мой умненько построить. Сагу о Форсайтах ей рассказать. Про дону Педру и донну Хуанитту.

«Если Вы что-то исказите, скроете, приукрасите, представите в лучшем свете...» — вдруг всплыло у него в памяти грозное предостережение. Мысли у Игоря застывали.

А я ведь именно это и собираюсь сделать, — сообразил он. — «Исказить, скрыть и приукрасить». «Представить в лучшем свете». Пользуясь внезапно открывшейся беспросветной глупостью моей дуры-супружницы. Веры, свет, Валентинов-

ны. И чего это она, к слову сказать, так вдруг внезапно поглубела? Именно сегодня. Что-то я за ней ничего такого никогда не замечал. Ну, баба как баба. В меру умная, в меру глупая. Не Софья, конечно, Ковалевская и не Мария Кюри, но женщина в общем-то вполне разумная и здравомыслящая. Способная все нормально воспринимать.

А сегодня прямо как белены объелась. Как, блядь, с цепи сорвалась! Вообще ничего не слушает, не понимает и слова мне сказать не дает. Ты ей про Фому, а она тебе про Ерему. Талдычит, вон, про свою «манию», и хоть ты кол ей на голове тещи! В общем, словно подменили человека. Как будто специально меня подталкивают и подзуживают: обмани ее, обмани!.. Запутай! Искажи истину!.. Скрой, приукрась! Это же так просто!.. Блазнят. («Блазнит меня нечистый, в другой раз привиделся», — пришла ему неожиданно на ум какая-то древняя цитата.)

Ну, не «скрой», конечно, на это я не решусь, а просто... преподнеси все в нужном свете. Зачем тебе жизнь рушить? Ракурс чуть-чуть сдвинь, угол освещения слегка измени — и все! Готово дело! Картина сразу заиграет в нужных тебе тонах. И никакой ты окажешься не злодей и не монстр, а, наоборот, чуть ли даже не страдалец. Сколько ты перенес за это время! Как мучился! Разве просто было на такое решиться! Сына родного!.. Это же целая трагедия. Душевная драма. («Душевная», блядь!) И ведь не случилось же ничего!

А она сейчас всему поверит. Все за чистую монету примет. Как преподнесешь, так она и воспримет. И обмана формально никакого нет. Как тебя просили, так ты все и рассказал. Ничего не скрыл и не утаил. Правда, о некоторых деталях чуть поподробнее поговорил, а о некоторых так... вскользь,.. мельком, но это уж...

Н-н-да... Только с кем я собираюсь в эти игры-то играть? С НИМ?! Кого обмануть-то хочу! ЕГО?!

Это, наверное, просто еще одно ЕГО испытание. Последнее. Искушение, на которое я чуть было не поддался. Нет уж! Никто ведь со мной спорить и объясняться не будет. Не загорится листочек в полночь — вот и все объяснения. Оставайся со своими хитростями. Хитри и дальше. Нет уж!

И сам-то я, между прочим, случайно ли так подробно все ей рассказываю? На бобах развожу. Хожу вокруг да около. Мне надо суть до нее донести, а я как раз именно суть-то эту и пытаюсь всеми силами скрыть. Утопить ее в море никому не нужных подробностей. В разглагольствованиях про джинсовые костюмы каких-то там девиц.

— Вер, слушай, вот что! — Игорь хлопнул слегка ладонью по столу, чтобы привлечь внимание жены. — Слушай меня внимательно. Дело вот в чем. Действительно ли ОН явился или это я сам себе вообразил — не это главное. Главное, что я в это поверил. И попросил ЕГО расторгнуть договор. Любой ценой!

В качестве цены ОН назначил Валерку. Чтобы я его привез по указанному адресу для развлечения... — Игорь сглотнул, но справился с собой и продолжил, — для развлечения целой компании педофилов. И я это сделал. Если бы они его там мучили и убивали — я бы и пальцем не шевельнул. Если бы они тебя потом потребовали — я бы и на это пошел. Я бы вообще на все пошел! На все, что угодно. Я бы сам и его убил, и тебя! Собственными руками. И любого другого. Лишь бы самому спастись. Я всех вас предал. Всех и вся. Вот это главное, — он немного подумал и добавил. — И сейчас бы предал. Если бы опять пришлось выбор делать.

И вот еще что. Я ЕМУ, по сути, клятву дал. Говорить тебе сегодня одну правду и ничего не утаивать и не пытаться скрыть или даже приукрасить. Можешь меня спрашивать о чем хочешь, я тебе все расскажу. ОН мне обещал, что, если я все это выпол-

ню, мой договор сгорит сегодня в полночь, и я буду свободен. И ради этого я на все согласился.

Игорь замолчал. Молчала и Вера. Игорь поднял на нее глаза. Вера смотрела на него не отрываясь. Судя по всему, она еще не до конца осмыслила только что услышанное. Не мудрено!

— Так ты готов был отвезти... Валерку?.. — наконец тихо-тихо спросила она.

— Ты меня не поняла. Я не «готов был отвезти». Я уже отвез! Сегодня. Только что, — безнадежным голосом, глядя в стол, горько ответил Игорь.

— Что?! Что ты такое сказал?! Так его?.. Отвечай!! Отвечай немедленно! Что?.. Что они с ним там сделали!!?? — в ужасе закричала жена.

— Ничего. Ничего с ним там не сделали, — поспешил успокоить ее Игорь. — Никаких насильников там не оказалось, — так же горько продолжил он. — Там меня ждал тот же самый мужчина вчерашний, ну... ОН, и приказал мне ехать домой и рассказать все тебе. Я и приехал.

— Так его никто не трогал? — все еще не в силах успокоиться, взволнованным голосом переспросила жена.

— Нет.

Вера облегченно вздохнула. Потом глаза ее вдруг расширились. Она начала понимать.

— Как... тот же самый ... мужчина?.. — запинаясь на каждом слове, неуверенно проговорила она. — Что и вчера?.. Ты его и сегодня ... видел?

— Да. И Валерка видел. Можешь у него спросить.

— А вчера... ты говоришь... он просто в кресле возник?

— Да. Я вызвал ЕГО, и ОН явился. Возник из ничего. А потом так же исчез. Поговорил со мной и исчез.

— А сегодня ты его опять видел?

— Да.

— Матерь божья! Свят-свят-свят! — мелко закрестилась жена и забормотала какую-то молитву.

Потом взгляд ее упал на договор, и она резко и стремительно отодвинулась вместе со стулом от стола, инстинктивно стараясь, видимо, держаться от него как можно дальше.

— Так ты действительно продал душу... дьяволу... — не отрывая взгляда от лежащего на столе листа бумаги с небольшим бурым пятном внизу, тихо, словно про себя прошептала она.

Игорь молчал. Сидящая напротив женщина, когда-то давным-давно, в той, другой, земной жизни бывшая его женой, начала медленно-медленно осознавать происходящее. Обрушившийся на нее поток информации, тем более *такой* информации — совершенно дикой, невероятной и сверхъестественной, которую вообще трудно сразу воспринять всерьез — сначала попросту ошеломил ее и сбил с толку, но сейчас она начала ее, эту информацию, потихонечку осмысливать и переваривать, постепенно приходя в себя. До нее стало наконец доходить, что именно сказал ее муж. Игорь ждал.

— Постой-постой!.. так ты вел Валерку, думая, что там над ним насильничают?.. надругаются?..

— Да.

— И ты... И говоришь, если бы даже его там убили, ты бы и слова не сказал?

— Да.

— И сам бы убил? Собственными руками? Своего сына?! Как? Ножом? Как Иван Грозный?

— Не мучай меня! — чуть не закричал Игорь. («Не пытайтесь ничего скрыть и приукрасить!») — Как сказали бы. Как сказали бы, так и сделал. Ножом, значит ножом.

— И меня бы убил?

— Да.

— Но почему!? Почему!? Я просто не понимаю! Я же твоя жена! Это твой сын. Как ты вообще можешь такие вещи так спокойно говорить!? Я просто не понимаю, что происходит! Что с тобой такое случилось?

Игорь помолчал. Потом, все так же уставясь в стол и не поднимая глаз, начал говорить:

— Послушай, Вера. Постарайся меня понять, — он запнулся, мучительно подыскивая нужные слова, чтобы возможно точнее выразить свои мысли. — Я вчера узнал, что Дьявол действительно есть. И ад есть. Одни люди верят в Бога, другие нет, но даже у тех, кто верит, всегда остается зернышко сомнения. По крайней мере, мне так кажется. Да чего там «кажется», так оно и есть! Одно дело, абстрактно верить, и совсем другое — просто знать. Это совершенно разные вещи. Не случайно все те, кто видел Христа и тесно с ним общались, видели его воскресенье — все они стали апостолами, святыми и прочее.

Потому что, твердо зная, что рай есть, загробная жизнь есть, можно здесь, на земле, ничего не бояться и смело на любые муки идти. Твердо зная, что на небесах воздастся. Именно поэтому, наверное, ни бог, ни дьявол никогда не являются никому. И чудес поэтому никаких нет. Потому что это все бы меняло. Мир был бы тогда другой. Никакой свободы воли бы не было. Ничего бы не было! Никто бы не грешил да и вообще, наверное, ничего не делал. Все бы только молились и мечтали поскорее умереть и в рай попасть. Потому-то наш мир грешный, такой, какой он есть, и существует, что зернышко сомнения все-таки всегда присутствует. Даже у святых. Кто там знает, что после смерти будет? И будет ли вообще что-то? Может, вообще ничего не будет! Никто же оттуда не возвращался. А живем только один раз. На этом все и держится.

Я сбивчиво, наверное, говорю, но это потому, что тема сложная, — Игорь помолчал, подумал и продолжил. — Ну так, а я

вчера действительно узнал, что Дьявол существует. Именно узнал! И ад, значит, существует. И душу я, значит, действительно продал. И буду за это вечно гореть в аду. Вечно!! Представь себе: вечно! Да я умру через 30 лет и забуду после смерти о вашем существовании — и тебя, и Валерки! Души же, вроде, не помнят о своих земных привязанностях. Да если даже и помнят! Ну, сколько я буду вас там помнить? 10 лет? 100? А тут — вечность!

Да что я говорю! Какие 100!

Умру я завтра, ты через год-другой замуж выскочишь и про меня забудешь. Как будто меня и не было никогда. Особенно, если новый муж хороший попадетя.

— А если я завтра умру — ты меня тоже сразу забудешь? — тихо спросила Вера. — И опять женишься?

— Я уже забыл. Я вообще чувствую себя, как мертвый среди живых. Да я и есть мертвый. Вернувшийся из ада. Я теперь точно знаю, что загробная жизнь есть, и земная для меня — миг перед вечностью. Это — запретное знание, человеку нельзя его знать, теперь я это понял. Не знаю уж, за что Бог меня им наказал.

* * *

Минутная стрелка неотвратимо ползла к двенадцати. Игорь сидел за столом на кухне и не отрываясь смотрел на лежащий перед ним листок. Жена давно уже, еще днем, уехала с сыном на дачу. Она явно боялась с ним разговаривать, боялась оставаться с ним одна. Вообще находиться с ним рядом. Как будто он действительно превратился вдруг в какое-то страшное чудовище, в нелюдь.

Ровно в полночь листок ярко вспыхнул. Игорь сидел, опустив голову на сложенные на столе руки, и бездумно следил, как пламя жадно пожирает бумагу с напечатанным на ней текстом. «...Душа...», — вдруг бросилось ему в глаза последнее нетронутое еще огнем слово. Миг — и оно тоже бесследно исчезло в пламени. На столе осталась только маленькая горка пепла.

И спросил у Люцифера Его Сын:

— В Апокалипсисе, Откровении святого Иоанна Богослова, сказано: «И видел я Ангела сильного, сходящего с неба, облеченного облаком; над головой его была радуга, и лицо его как солнце, и ноги как столпы огненные. И поставил он правую ногу свою на море, а левую на землю, и воскликнул громким голосом, как рыкает лев; и когда он воскликнул, тогда семь громов проговорили голосами своими. И когда семь громов проговорили голосами своими, я хотел было писать; но услышал голос с неба, говорящий мне: скрой, что говорили семь громов, и не пиши сего». Что же говорили эти семь громов?

И задумчиво, как эхо повторил вслед за ним со странным выражением Люцифер:

— Ангела сильного...

И тотчас же мелькнули перед мысленным взором Сына Его обрывки какой-то картины, чудной и непонятной. словно он превратился на время в кого-то другого и смотрел на все чьими-то чужими, не своими глазами:

— ...обжигавший ледяной ветер. И под дыханием его одежда растаяла, и клубы ее сразу же куда-то унеслись, исчезая на глазах. На плечах его теперь была угольно-черная броня, и такая же точно броня покрывала все его тело.

Он сидел в седле, и, чуть прищурившись, смотрел вперед, на стоящие перед ним неподвижные, бесконечные, безукоризненно-ровные ряды ослепительно белых всадников с длинными копьями наперевес — небесное воинство ангелов... воинство рабов...

рабов божьих — выскивая глазами командиров, своих прежних соратников и друзей: Михаила, Гавриила, Уриила... Однако никого из них видно не было. Вероятнее всего, они были где-то там, в глубине, сзади, далеко в тылу, надежно прикрытые бесчисленными цепями передовых бойцов.

Разумно... — с презрительным равнодушием подумал он, потом ласково, не глядя, погладил по голове сидящего на левом плече боевого ворона, — птица встряхнулась и недовольно каркнула — покосился на замершего справа, напряженного как струна, огромного черного пса, неотрывно глядящего вперед, туда, на застывшие бесконечные-белоснежные шеренги противника, и, легонько коснувшись шпорами боков коня, тронул его с места...